

# НОВЫЙ ДИВОВ КОЛЛЕКЦИЯ



ОЛЕГ ДИВОВ  
ДЕНЬ ВАМПИРА

# Олег Игоревич Дивов

## День вампира (сборник)

### Серия «Новый Дивов»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8507466](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8507466)*

*День Вампира : сборник фантастических романов / Олег Дивов: Эксмо;*

*Москва; 2014*

*ISBN 978-5-699-76085-5*

### **Аннотация**

День Вампира – праздник тех, кто видит все краски мира, слышит все звуки, знает все тайны. Избранным дана огромная сила и неограниченная власть. Избранным доступны утонченные наслаждения, какие и не представит себе обычный человек. Стань избранным, попробуй сам.

А потом сдохни, чем раньше, тем лучше. Лучше для тебя.

День Вампира – рабочая смена тех, кто идет по кровавому следу. Никакой романтики: вместо меча – топор, вместо магии – крепкое слово, и еще страх, страх на каждом шагу. И вопрос, на который мучительно трудно ответить: зачем это все? Насколько проще сдаться. Насколько легче плыть по течению и верить, что все нормально. А когда мир рухнет, выживут другие, не такие, как ты, – молодые и сильные.

Выживут и будут заново искать смысл жизни. И, кажется, найдут его в дружбе и любви.

А иначе зачем это все?

# Содержание

Ночной смотрящий	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	89
Глава 3	124
Часть вторая	159
Глава 1	159
Глава 2	192
Конец ознакомительного фрагмента.	242

**Олег Дивов**

# **День вампира (сборник)**

© Дивов О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

**\* \* \***

# Ночной смотрящий

## Часть первая Поймать зверя

### Глава 1

Рейсовый автобус до Зашишевьа отменили еще зимой. И летом маршрут не восстановили.

– А незачем, – объяснил Лузгину милиционер на вокзальной площади, немолодой и заметно поддатый сержант. – Вы то чего там забыли? Кстати... Можно документики ваши?

Лузгин секунду помедлил и вытащил паспорт.

– И на ружье попрошу.

– Вот, пожалуйста.

Сержант раскрыл паспорт и глубокомысленно изрек:

– Ага!

– Да-да, я тут родился. У меня в Зашишевье дом. Бабушкин еще. Приезжаю иногда отдохнуть и на утку сходить.

– На утку сходить... – эхом повторил сержант.

– Поохотиться, – на всякий случай уточнил Лузгин.

– Рановато вы. До сезона еще месяца полтора, если не два.

– А я и не тороплюсь.

Сержант оглядел Лузгина с ног до головы, будто оценивая, из торопливых тот или нет.

– Говорят, хреновая в тех местах охота стала, – бросил он, снова утыкаясь в документы.

– Это кто говорит? – хмыкнул Лузгин.

– Да все говорят. Утка теперь больше на Голубых Озерах. А под Зашишевьем ни утки, ни зверя нет. Утиные гнезда па-водком затопило по весне. А зверя волки, наверное, заели. Волки там шалят, знаете?

– Ну, это зимой...

– И летом тоже.

– Летом? – изумился Лузгин. – Волки?

– Так глухомань же, чего бы и не пошалить. Вот туда даже автобуса нет. Потому что незачем. Сколько там дворов-то жилых?

– Ну-у... В том году я не был, не получилось. А в позатом десятка три.

– Загибается ваше Зашишевье, – сказал милиционер, возвращая Лузгину документы. – И если б только оно. Всё про-срали москвичи-демократы. Пидоры.

Лузгин несколько раз крепко моргнул.

– Да, тут еще собаки бешеные в пригороде бегают, – продолжал сержант. – В пригороде и в старой промзоне, там вообще целые стаи. Мы всех предупреждаем, вы осторожнее. Второе лето подряд такое безобразие. Их лисы бешеные ку-

сают, собаки людей кусают, люди бешутся и тоже кусаются...

Лузгин надолго зажмурился.

– Как добираться-то в Зашишевые думаете? Не повезет ведь никто. И попутки в ту сторону не дожدهшься. Разве какой зашишевский в город выбрался – доски вроде они возят, так его еще найти. А полсотни верст пехом... Может, ну на фиг? Честное слово, ехали б вы, скажем, на Голубые Озера.

– Я на родину и пехом могу, – хмуро пообещал Лузгин.

– К ночи-то не успеете, – сказал сержант. С непонятным каким-то значением сказал: – У вас хоть патроны нормальные есть? Что на утку – пятерка, четверка от силы...

– Три ноля вам хватит? – Лузгин начал злиться.

– Мне-то хватит, – ухмыльнулся сержант. – А там – кто его знает... Ладно, счастливого пути.

Привязчивый милиционер козырнул и ушел по своим делам. Лузгин, чертыхаясь под нос, двинулся к заметной издали группе привокзальных извозчиков.

Те его разве что на хер не послали.

– Триста, – объявил Лузгин внушительную по здешним меркам сумму.

– Долларов? Или этих... Йеврей? – рассмеялись ему в лицо.

– В чем дело-то, мужики? – попытался втереться в доверие Лузгин.

– Да ни в чем. Просто не ездим мы туда. И никто не поедет.

– Почему?! Вы еще скажите, там волки!

– Какие, в жопу, волки...

– А что тогда?!

– Слушай, друг, отстань, а? Сказано тебе – на Зашишевы не ездим. Дорога херовая.

Лузгин оглядел потрепанные машины извозчиков и скривился.

– Думаете, я не знаю, по каким вы дорогам на «Жигулях» рассекаете? Да там не всякий грузовик пройдет!

– А на Зашишевы – херовая.

Лузгин демонстративно сплюнул и зашагал прочь.

– Эй, москвич! – крикнули ему в спину. – Вон, гляди, дедушка подвалил. Ты с ним попробуй. Дедушка у нас отмор тот еще. Он тебя не только в Зашишевы, он хоть прямо в само Филино отвезет!

И извозчики хором заржали, будто сказано было что-то очень смешное.

Дедушка оказался и вправду дедушкой. При ржавом насквозь «Запорожце».

– В Зашишевы не повезу, ты понял, – твердо заявил он. – А вот до зашишевской поворотки...

– Хоть туда! – взмолился Лузгин, втайне надеясь по пути уговорить деда проехать дальше. От поворота с асфальта до деревни оставалось еще верных двадцать километров по грейдеру через лес.

– Двести рублей.

– Легко, – бросил Лузгин, ныряя в машину.

\* \* \*

Уже за городом дед спросил:

– По делам или как?

– В отпуск.

– А-а... – протянул дед и отгородился от пассажира такой стеной, что Лузгин ее почти физически почувствовал.

– Я сам вообще-то местный, – сказал Лузгин. – Из города. Просто родители в Москву перебрались, когда я школу заканчивал. А в Зашишевы бабушка моя жила, дом от нее остался. Почти каждое лето приезжаю.

– А-а... – повторил дед, но стал вроде бы поближе.

– Вот поживу спокойно месячишко-другой, а там сезон откроется, уток постреляю...

– Охотник, значит? – хмыкнул дед. – А я думал, зачем ружье, ты понял. Думал, по делу. Поживешь ты в Зашишевы, как же... спокойно.

– По делу?... – переспросил Лузгин.

– В том году-то не приезжал ты, – сказал дед.

– Да, не приезжал. С работой закрутился. А вы...

– Возил я туда в том году. Тоже вроде тебя – москвичей. Один я возил, другие зассали, ты понял. Двоих возил с ружьями. А тебя не было.

– Да, меня не было. Правда, я на машине обычно. А что

эти двое?..

– Говорю – москвичи, – объяснил дед и умолк.

Лузгин вздохнул. Он слишком хорошо знал местных, чтобы надеяться теперь хоть на обрывочную информацию. Здесь умели великолепно сплетничать, но если по какой-то причине образовывался заговор молчания... Сицилия с ее знаменитой «омертой» могла идти далеко и надолго. Одна радость – в Зашишевы ему, как своему в доску, конечно же, все объяснят.

Вот только добраться бы туда.

Дед гнал, «Запорожец» неприятно плавал по дороге. Под колеса летел щербатый кривой асфальт. Лузгин увидел знакомый столб и приготовился не пугаться. Неподалеку затаилась подленькая незаметная промоина, на которой внезапно теряли управление и резко дергали вправо передним мостом все без исключения автомобили, невзирая на марку и тип привода.

Машина опасно вильнула. Лузгин испугался.

– Вот блядство, ты понял, – произнес дед лениво.

– Хреновая дорога, – поддержал тему Лузгин.

– Дорога нормальная. Гонять не надо.

– Не бывает на нормальной дороге поворотов с обратным профилем, – фыркнул Лузгин. – Таких, чтобы машина на отрыв шла. А эта вмятина? Главное, ее не видно совсем, а тачка обязательно вильнет. Сама. И любая. Я тут на разных ездил. Пару раз с перепугу чуть в канаву не улетел.

– А сейчас чего пешком?

– Машину жене оставил.

– Потом жена приедет?

– Не приедет, – отрезал Лузгин.

– Ты попусту не огрызайся, парень, – сказал дед строго. –

Человека не сразу видно, ты понял. А я тебе добра желаю.

Ты вроде нормальный.

– Вроде, – согласился Лузгин.

– В городе люди пропадают, ты понял.

– Они везде пропадают, – заметил Лузгин осторожно. –

По России до ста тысяч в год пропавших без вести.

– Ско-олько?! – недоверчиво протянул дед.

– Официально шестьдесят-семьдесят тысяч. Ну, сами догадываетесь, как занижены официальные цифры...

– Ты-то откуда знаешь?

– Слышал где-то.

– Это у вас в Москве говорят?

– Говорят.

– Да-а, однако... Ну, у нас-то немного пропадает, конечно.

И так, шелупонь разная – бомжи, пьянь, тюремщики. Но мы же их знаем всех – а они пропадают, ты понял. А бывает, и приличные люди. У меня сосед через два дома – ушел по весне, и с концами. Потом рыбаки тоже. Прошлым летом. Уехали впятером как раз в эту сторону. Грузовик-то нашли, ты понял. Москвичей тех, что я отвез, вообще с милицией искали. Неделю искали, ты понял. Меня на допрос таскали,

а я что? Я – до повёртки, дальше ни-ни. Тогда уже пастуха с подпаском заели где-то там, дальше, за Горелым Бором.

– Не похоже на волков... – пробормотал Лузгин.

– Какие волки, мил человек? Волки! Двоих мужиков заели, коров не тронули – ничего себе волки, ты понял! А в городе? В городе что, тоже волки шуруют? Менты все прошлое лето собак бродячих отстреливали. Как бы они вроде людей грызли. Ну, отстреляли. А этим летом та же херня. Бешеные собаки, ты понял. Ага, так мы и поверили. Не знаю, что там у вас в Москве на этот счет говорят...

– В Москве я ничего подобного не слышал.

– И про новое бешенство?

– Не-ет...

– Люди кусаться начинают, – сообщил дед, заметно понизив голос, насколько позволили дребезг и пуканье «Запорожца».

– Ах да, – вспомнил Лузгин. – Мне на вокзале мент говорил.

– Тебе мент сказал, а я своими глазами видел.

– Чего?! – подыграл Лузгин, в свою очередь понижая голос.

– Не чего, а кого. Бешеных, – важно заявил дед.

– И много?

– Не веришь, да? Много не много, а парочку видел. Рожи белые, пасть в кровище, глаза выпучены... А я на рыбалку двинул затемно и по дороге их чуть не сбил, ты понял. На

выезде из города, вот где промзона начинается – ну, знаешь. Хорошо, ночь лунная была, у меня фары-то не особо того. Гляжу – идут двое мне навстречу, шатаются, как пьяные, не видят ни хрена. Страшные, оборванные все, у девки сиськи наружу...

Тут дед надолго замолчал.

– А может, и правильно, что не веришь, ты понял, – сказал он наконец. – Сам не верю. Я тогда дальше-то еду, думаю, не перекреститься ли, ни хрена себе рыбалка начинается, и вижу – собака! Здоровая, черная. По обочине чешет в ту же сторону. Метров за триста позади от тех. А за собакой еще чуть позади мужик. В черном плаще длинном, до самой земли, ты понял. С капюшоном. Смотрю – коса есть, нет? Вроде нет у него косы. Тут уж и вправду перекрестился. А все одно клева не было вообще, ты понял.

Лузгин ошарашенно молчал.

– Погнали, называется, советскую власть, – сообщил дед. – Надоела она им, ты понял. Мне она тоже, прямо скажем, не особо нравилась. Но при советской власти не было такого. На днях, я слышал, опять бабу загрызли под Филином. Вторую уже. Ты это, через Филино напрямик не ходи, ты понял, в обход бери вдоль озера, по старой дороге. Там мужики любого чужого застрелят на хер без разговоров. Знают тебя в Филино? А все равно не ходи, они же киряют вчерную. Раньше по безделью, теперь от испуга. С залитых глаз точно завалят...

Лузгин смотрел на дорогу и мучительно соображал. Может быть, впервые в жизни он не знал, что спросить. А ведь с детства был любопытен, недаром работу выбрал – сплошные расспросы и поиск истины.

– Собаки бешеные! – сказал дед с выражением. – Допустим, с собак все началось, я не возражаю, ты понял. Но дальше одними собаками не обошлось. Хотя ты и собак тоже бойся. Ты как лесом пойдешь, всего бойся. В городе вроде ясно, кого бояться. А в лесу какое говно лазает, не разбери-поймешь. Второе лето хер знает что творится. Раньше хоть понятно было, куда жаловаться...

«Запорожец» сбавил ход. Слева впереди, в плотной стене леса, виднелась рваная прореха. А справа – покосившийся указатель: «На Зашишевы», облезлый и в дырках от сквозной ржавчины. Надпись читалась с трудом.

– Дальше не повезу, даже не надейся, – сказал дед, притормаживая.

Лузгин глядел налево. Еще позапрошлым летом в глубь леса уходил вполне приличный укатанный грейдер, по нему можно было гнать и под сотню, если машину совсем не жалко. Ну, дорога осталась дорогой. Только крайне запущенной, с осыпавшимися, заросшими травой обочинами и заметной грузовой колеей посередине.

– Не надеюсь, – вздохнул Лузгин, протягивая деньги.

– Ружье собери и заряди, – распорядился дед. – Картечью. А лучше пульей, ты понял.

– Хватит меня запугивать, – попросил Лузгин, выбираясь из машины. – Я и так уже едва дышу.

– Живее будешь, – дед откинул спинку правого сиденья, помогая Лузгину достать рюкзак и чехол с ружьем. – Да, это... Привет Ерёме от меня, ты понял. Скажи, зимой приеду на мормышку ловить.

– А зимой что, в Зашишевы не страшно?

– Зимой тут везде глухо, – сказал дед. – Как в танке.

И сам захлопнул дверь, отгораживаясь от Лузгина уже окончательно.

– Вас зовут-то как? – спросил Лузгин, но дед уже разворачивал дребезжащий «Запорожец».

– Никак, – понял Лузгин.

\* \* \*

Для начала он помочился на обочину. Потом закурил сигарету и поглядел на часы. Полдень. Если ничего страшного не произойдет, к Зашишевы можно выйти около шестнадцати. Лузгин вытащил из чехла помповую гладкостволку и ловко собрал ее на весу. Присел в задумчивости над рюкзаком. Боеприпасы он упаковывал бессистемно, не глядя, и в каком углу рюкзака затерялась коробка с двадцатью патронами, снаряженными дробью «три ноля», никак не мог вспомнить.

– Бред, – сказал Лузгин, вскрывая клапан.

– Паранойя, – добавил он заметно громче через минуту-другую.

– И всё-таки! – провозгласил он в полный голос еще несколькими минутами позже, заряжая подствольный магазин.

За все это время по асфальту не проехало ни одной машины.

Лузгин передернул затвор, щелкнул предохранителем и дозарядил ружье еще одним патроном.

Он в общем-то не чувствовал страха. Но Лузгин прекрасно знал, что местные не боятся ни волков, ни медведей, ни бешеных собак, ни белой горячки. Этого добра в округе испокон веку было хоть задом ешь. Местные опасались только милиции, да и то по причинам отнюдь не метафизического, а самого что ни на есть материального свойства. В приснопамятные советские времена народ постоянно что-то воровал – не от хорошей жизни, конечно, – и до сих пор сохранил перед людьми в погонах атавистический ужас. Да и милиция тут всегда была насквозь коррумпированная, эдакая сама себе мафия, и кого угодно могла посадить за что угодно или вовсе ни за что.

Короче говоря, если местные вздумали чего-то всерьез бояться, значит, оно страшнее милиции будет. Выходит, и самому немного поберечься не зазорно.

С этими невеселыми мыслями Лузгин навьючил на себя рюкзак, приспособил ружье на одно плечо и зашагал по grey-

деру, держась самой его середины.

Через два часа, обходя берегом озера потенциально опасное для жизни село Филино, он наткнулся на бешеную собаку.

Небольшого роста черная с рыжим псина, некогда лохматая, а теперь облезлая, трусила Лузгину навстречу по узкой тропинке.

Запаленное дыхание и вся морда в пене.

Лузгин сполз с тропинки задом, выставив перед собой ружье.

Собака покосилась на человека мутным заплывшим глазом и, хрипя, будто загнанная лошадь, пробежала мимо.

– С-с-сука! – прошипел Лузгин ей вслед, защелкивая предохранитель.

Хвост удаляющейся собаки весело торчал вверх.

Лузгин сам уже шел в одной рубашке и все равно потел. А каково было по жаре псу, хоть и облезлому... Тут не то что вспенишься – закипишь.

– Бля! – выдохнул Лузгин, доставая трясущейся рукой сигареты и ощущая всем телом, как бешено колотится сердце.

Больше он до самого Зашишевя никого не встретил.

\* \* \*

К концу дороги Лузгин совершенно запарился и похудел минимум на килограмм. Можно было, конечно, по пути оку-

нуться в три озера и две речки, но не терпелось поскорее добраться до места и выяснить, что за аномалия там приключилась. Большое и удивительно чистое Шишево, вдоль которого село лежало, и то Лузгина не соблазнило – он наспех голову в воду окунул с мостков да шею намочил. В это озеро не хотелось нырять. Отсюда слышно было: ой, нехорошо на берегу.

Ничего слышно не было.

В нормальном состоянии даже такое умирающее село, как Зашишевы, производило довольно много шума. Причем не городского, сливающегося в гул, а типично деревенского, состоящего из множества самостоятельных и информативных шумов. Вот лесопилка гудит, вот трактор везет с поля сено, а кто-то в город на грузовике двинул, а там баба матом кроет сволочь пьяную свою... Да и псина какая нет-нет, а гавкнет.

Нынче село то ли вымерло, то ли затаилось.

Лузгин на Зашишевы вышел с юга. Не удержался, срезал угол по лесным тропинкам. Половиной мозга понимая: ох нарывается – а другой твердо зная, что в жару никакое лесное чудовище на охоту не ходит, оно под корягой прячется и тяжело дышит. И действительно, никто его не загрыз и не испугал. То есть, вздумай Лузгин испугаться, он бы повод нашел, но после встречи со взмыленной собакой ему основательно полегчало. Вспомнил, как велики глаза у страха. И еще – что местный народ сметливый, но малограмотный.

Увидел кто-то мельком что-то. Принял его за черт знает

что. Обозвал непонятно как. И пошел на всю округу байки травить, знай ему наливай. Включается испорченный телефон – кстати, здесь и настоящий-то телефон постоянно сбоят... «Кстати!» Лузгин, неловко извернувшись, сунул руку в боковой карман рюкзака и вытащил мобилу. Нет контакта с сетью. Последний сотовый ретранслятор стоял в городе.

Да и зачем тут ретранслятор? В Зашишевые магазина-то нет уже десятый год. Спасибо, электричество есть.

Итак, Лузгин пришел с юга, и теперь в село входил не с «парадного» края, а по узкой боковой улочке. И сразу же заметил, как прибавилось брошенных домов. Этот конец Зашишевыя действительно вымер. Но дальше-то что?

Будто желая поддержать Лузгина, вдалеке замычала корова. Он прибавил шаг, обогнул угол и остановился, с облегчением переводя дух.

В селе жили люди. Они даже занимались делом. Братья Яшины, непохожие близнецы, крепкие шестидесятилетние дядьки-пенсионеры, напряженно трудились. Старший, Витя-электрик, висел на высоком столбе, обхватив его «кош-ками», и ковырялся в телефонном коммутаторе. Младший, Юра-плотник, сидел у подножия столба и пил водку, заедая ее копченой рыбой. Вите как раз захотелось добавить, но слезать, видимо, было лень – он опустил вниз полевую сумку на длинном ремне, а Юра аккуратно вставил в нее стакан, накрыв его бутербродом с рыбой.

– Ну, братка! – сказал Витя, откидываясь назад, чтобы

удобнее было опрокинуть дозу – насколько позволял страховочный пояс, обвивавший столб.

– Ну, братка! – ответил Юра.

Они дружно выпили, причем Юра как раз увидел Лузгина и сделал поверх стакана большие глаза.

Витя у себя наверху закусывал.

– Слушай, Андрюха приехавши! – сообщил Юра хрипло.

– Где? – Витя принялся опасно вертеться на столбе. – О! Андрюха! Етить твою! Приехавши!

– Не приехавши, а пришедце, – поправил Лузгин. – Здорово, отцы.

– Здорово! А чего, где машина-то?

– Маринке оставил.

– Присаживайся. Братка, ну его на хер, слезай давай. Слушай, а Маринка приедет?

– Не приедет, – коротко ответил Лузгин, сбрасывая рюкзак.

– Во как... – сказал Юра понимающе. – Ну, выпей.

Витя спустился вниз, звякая «кошками», подошел к Лузгину и сунул ему мозолистую руку.

– Опять вырос, – оценил он. – И куда вы растете!

– Да куда мне расти, тридцать лет уже. Все ты шутишь, дядь Вить.

– Ско-олько?

– Тридцать.

– Это сколько же мне тогда?!

– Слушай, ты посуду давай, – напомнил Юра.

– На.

– Ну... Вот. Держи, Андрюха. С приездом.

– С приездом, – согласился Лузгин, опасливо заглядывая в стакан и заранее передергиваясь. Этикетка на водочной бутылке внушала сомнение даже издали, а уж вблизи... И налили ему сто граммов верных. Здесь по-другому не умели наливать. Не понимали, зачем. И вправду зачем, смысла ведь никакого. Пить надо, чтобы выпить.

Водка оказалась мерзкая, да еще и теплая. Наверное, поэтому она тут же, ударом, треснула в голову. Лузгин присел на траву и достал сигареты.

– Вы сейчас курите? – спросил он. Близнецы лет пять назад на спор вместе бросили курить. Кто первый закурит, с того ящик.

– Не-а, – мотнул головой Юра. – Этот-то смолит втихаря, я подозреваю...

– Чего-о?

– Молчу. Слушай, Андрюха, ты рыбки попробуй. Отличная рыбка.

Лузгин попробовал. Рыбу есть было можно, ее почти докоптили.

– Хорошая, – кивнул он. – Сами... настреляли?

Прислоненную к забору двустволку Лузгин сразу заметил, просто не знал, как о ней спросить.

Братья переглянулись.

– Слушай, а давай еще по одной, – предложил Юра. – Там и осталось-то всего ничего.

– Да мне же идти дом открывать. Мести, вытряхивать, мыть, воду таскать – возни на три часа... Может, вечером?

– Вечером не до того будет, – сказал Витя. – Давай сейчас. Да чего ты смотришь на нее? Хорошее вино.

Лузгин с трудом отвел взгляд от бутылки, закурил и кивнул.

На этот раз ему перепало чуть меньше, и по голове стукнуло не так сильно. Подзатыльник, не больше.

– Хорошее вино, – повторил Витя. – Эх... Ладно, полезу доделывать.

Он зашагал к столбу.

– Что с телефоном? – спросил Лузгин.

– А-а, с ним всегда чего-нибудь. Трещать начал. Плохо слышно.

– А вечером что намечается?

Витя, уже закинувший одну ногу на столб и впившийся в дерево стальными когтями, оглянулся.

– Часиков в десять подходи на Кресты, – сказал он. – Поговорим. Там все будут, и ты приходи.

– С ружьем?

– А как же. Пули есть у тебя?

– Крупная дробь. Три ноля. Почти картечь.

– Ну, не знаю. Ты сначала тогда ко мне зайди, я тебе с пулями дам, у тебя же двенадцатый калибр?

– На кого охота-то?

– А х...й его знает, – очень честным голосом ответил Витя, карабкаясь на столб.

Лузгин в упор посмотрел на Юру. Тот сделал неопределенное движение носом.

– Слушай, ты откуда пешком-то? – спросил он.

– С поворотки. Филино обогнул – водила посоветовал, который меня вез.

– Слышь, Витя? Ему водила посоветовавши Филино обойти.

– Какой еще водила?

– Который Андрюху до поворотки везши. Вот гондоны ведь городские!

– Сучье, – поддержал Витя, заново пристегиваясь страховкой к столбу. – Андрюха, они тебе про собак бешеных не говоривши?

– Рассказывали. Мент на вокзале. Но этот, который вез меня...

– Вот гондоны рваные, етить твою!

– ... он сказал, что дело не в собаках.

– Ага! – обрадовался Юра. – Слушай, люди у них кусаются! Да?!

Лузгин выставил перед собой ладони – мол, за что купил, за то и продаю.

– А вообще, – заметил Витя со столба, – если в нашем городе долго прожить, и кусаться начнешь, и лаять.

– Хорошо, – сказал Лузгин. – А кто тогда кусается?

– Зверь, – ответили ему. – Зверь ходит.

– Э-э... Какой?

– Я же говорю – х...й его знает. Следы вроде как у росомахи – видел у росомахи следы?

– Не-а.

– Вот как у нее, но здоровенные. Он такой зверь. Медведь не медведь, волк не волк. Надо его, конечно, того. Лазает, гад, следит повсюду, собак ест, баб перепугал насмерть. Вчера Козлову собаку утащивши – помнишь Козла-то?

– Ну.

– А помер Козел. Собака бегала-бегала, вчера гляжу – пропавши. Точно зверь ее заевши, сука. Некому больше.

– Это не черная с рыжим, уши торчком, хвост кверху? – спросил Лузгин. – Небольшая. Облезлая, будто с лишая? Я под Филином ее встретил.

– Не, у Козла белая. А то вон его кобелина, – Витя со столба махнул рукой в сторону брата.

– Удрал, – вздохнул Юра. – Под Филином, говоришь? Мда. Е... ться, наверное, побегши. Ничего, пое... тся – вернется.

– Думаете, этот зверь пастухов загрыз? – свернул ближе к теме Лузгин.

– Каких пастухов? – дружно изумились близнецы.

– Ну, вроде бы погибли двое... – начал Лузгин неуверенно.

– Слушай, это у Горелого Бора? – перебил Юра. – Ага? Нет, братка, ты понял?! Ё-моё! Совсем они там в городе ох... евши. Да кто же их загрыз? Они сами кого хошь загрызут. Ножамы один другого зарезавши. Бабу вроде не поделивши. Тьфу!

– Хорошо, а женщина мертвая в районе Филино?

– Слушай, да она же не местная! – воскликнул Юра так радостно, будто это все объясняло и сводило к минимуму ущерб.

– И... И что?

– Да ее из города вывезли и нарочно бросили!

– Не далеко везти-то?

– Слушай, мужик, да кто ж их поймет, городских?

– Ты представь, Андрюха, – сказал Витя, запуская отвертку в коммутатор. – Чего под Филином в лесу может делать голая баба с маникюром и этим... па... падикюром? Молодая.

– Молодая, – повторил Юра, поднимая кверху палец. Опять же, будто молодость погибшей многое проясняла.

– А то, что погрызли ее – ну, мало ли кто погрыз.

Лузгин громко рыгнул. Пахнуло сивухой.

– Извините, – сказал он. – Давайте подытожим. Значит, лазает зверь, дерет собак, оставляет следы, больше ничего. Но люди-то пропадают? Рыбаки, я слышал, исчезли. И потом, вроде бы прошлым летом приезжали сюда двое москвичей – и тоже пропали. Их милиция искала.

– А-а, слушай, это которые зверя как раз ловивши! – вспомнил Юра. – Биологи, зоологи, хрен их поймет.

– Сами его и накликали сюда, – добавил Витя со столба.

– Он еще в прошлом году тут был?! – вконец ошалело спросил Лузгин.

– Не-а, в том году зверь к городу ближе ходил. Москвичи у нас покрутились чуток, поспрашивали и дальше умотали. Серега Муромский их тогда за Горелый Бор отвезши – и с концами. Ментовка потом искала, да без толку. А странные были оба. Пришибленные не пришибленные, а вот с прибабахом. Медленные. Я еще подумал – как они зверей-то ловят, если медленные такие.

– Ладно, – сказал Лузгин, поднимаясь на ноги. – Пойду дом открывать. Вечером увидимся.

– Ты, Андрюха, погляди там у себя внимательно. Изба-то на отшибе, вот и погляди – вдруг следы.

– Я смотрел – нету, – сказал Юра.

– А пускай он поглядит, глаза-то молодые.

– Только уже залитые малость, – заметил Лузгин и снова рыгнул.

\* \* \*

Село и вправду умирало. Проходя главной улицей, Лузгин повсюду встречал отчетливые знаки близкого конца. Конечно, Зашишевы еще держалось, ерепенилось, даже новый

и довольно прибыльный бизнес освоило – заготовку древесины, но ему фатально не хватало молодых. Они покидали этот лесной угол еще в советское время, а когда настала эпоха больших возможностей, сорвались отсюда все разом. У них просто не было стимула оставаться.

Чтобы жить, село должно обладать стратегически верным положением на карте. Зашишевы этим похвастаться не могли. Окажись оно хоть километров на десять ближе к городу, здесь сейчас была бы дачная зона, неплотно, но обстоятельно заселенная бегущими из шумного и грязного Подмосквья столичными жителями. А это уже приработок для аборигенов, рентабельный автобус и магазин хотя бы летом. Какое-никакое, а шевеление. Увы. Быть может, придет время, и Зашишевы поднимется. Но скорее всего этого не случится.

Потому что незачем.

На Крестах – единственном в селе перекрестке, украшенном кирпичным ящиком автобусной остановки и «рельсой» пожарного колокола, Лузгин встретил Ерёму-рыбака. В прошлом знатный браконьер, а теперь просто мирный дедушка-алкоголик безуспешно пытался завести мотоцикл с коляской, весь такой же перекошенный, как Ерёмина физиономия. По меркам прогрессивного человечества рыбак был просто в жопу пьян, по своим личным – вполне ничего.

– О, Андрюха! – обрадовался Ерёма. – Приехавши!

Лузгин угостил его сигаретой.

– Привет вам, – сказал он. – От деда на «Запорожце».

– От какого деда? – удивился Ерёма.

– Дед меня подвозил на желтом «запоре». Просил вам передать, что зимой приедет на мормышку удить.

Ерёма только головой помотал да рукой махнул.

– Да и ну его, – сказал он. – Слушай, что я у тебя спросить хотел... Во! А правда, Киркоров – пидор?

– Дядя Ермолай, я же светской хроникой не занимаюсь, – извиняющимся тоном ответил Лузгин. – В основном про социалку пишу – ну, типа, как народу херово живется.

– Правильные слова, Андрюха! – воодушевился Ерёма. – Народу сейчас живется... – он снова помотал головой и махнул рукой.

– Далеко собрались-то? – участливо спросил Лузгин.

– А-а... – Ерёма изобразил ту же комбинацию жестов и широко улыбнулся. Глаза у него были пронзительно-голубые, приделай на молодое непропитое лицо – и хоть сейчас в Голливуд.

– Ну, счастливого пути, – сказал Лузгин.

– И тебе, Андрюха, того же!

Из коляски мотоцикла торчала двустволка.

\* \* \*

Дом Лузгина стоял у околицы, и в этом году его от ближайшей жилой избы отделяло уже не две заколоченных, а че-

тыре.

– Как же ты там будешь, милоч? – спросила Лузгина по-встречавшаяся на пути знакомая старушка. – На самом краю, да еще один... Может, ко мне, а? У меня полдома свободно, живи – не хочу.

– Ничего, справлюсь, – улыбнулся Лузгин.

На участке никаких следов не обнаружилось, разве что за баней – там неоднократно выпивали и закусывали, но деликатно, без вандализма. Не у чужих же.

Лузгин открыл дом, распахнул ставни и окна, затопил печь, вытащил на лужайку пару матрасов, половики и начал выметать накопившуюся за два года пылицу, радуясь, что избушка у бабушки небольшая была. Потом натаскал воды, полы вымыл, половики выбил, по-быстрому искупался в озере, переоделся в чистое и принялся разгружать свой объемистый рюкзак. Сумку с ноутбуком небрежно бросил на диван. Расставил по кухонным шкафчикам припасы, которых должно было хватить на первую неделю – а потом наверняка оказия в город случится, или можно вытащить из бани велосипед и до Филина доехать. Тамошних мужиков с ружьями он уже не боялся. Куда больше Лузгин теперь опасался водки, которая продавалась в филинском магазине – он ведь ее уже сегодня попробовал. Нет, за водкой – в город. Пока что литр есть... Лузгин с сомнением поглядел на бутылки. Выпитое так и не выветрилось из организма, напротив, оно там в каком-то пороговом состоянии присутствовало, не столько

радуя душу, сколько подбивая добавить. Собрав волю в кулак, Лузгин бутылки спрятал и посмотрел на часы. Ого! Вечер уже. Полдесятого. Не мешало бы поужинать – кто его знает, как оно дальше обернется. Тратить на перекус банку тушенки было жаль – тушенке предстояло обрести консенсус с макаронами, явив миру сытное и вкусное горячее блюдо. Поэтому Лузгин сунул в карман пару вареных яиц, оставшихся с дороги, и краюху черного хлеба, завернул в бумажку немного соли. Прицепил на пояс нож, плотно набил кармашки патронташа, небрежно повесил его на плечо, взял ружье, вышел на крыльцо, присел и закурил.

Безмолвие нахлынуло и потрясло. Тихий-тихий шелест листвы, почти неразличимый плеск воды у берега, и ни одного искусственного, человеческого звука. У Лузгина чуть слезы на глаза не навернулись. Еще два с лишним месяца покоя впереди.

И никакого внутри ни смятения, ни зуда по поводу возможной в самом недалеком будущем встречи с неведомым зверем. Или не зверем. Или не встречи. Абсолютно все равно. Лузгин знал, куда едет и зачем. Он искал тишины и гармонии. Он их нашел.

\* \* \*

– На, держи, – Витя протянул Лузгину два патрона, снаряженных пулями. Лузгин их критически оглядел и сунул

в карман.

– Ты заряди, – сказал Витя.

– Успею, – отмахнулся Лузгин. Не хотелось ему обижать Витю, объясняя, что патроны выглядят не лучшим образом. Для двустволки, конечно, сойдет – пальнет, родимая, никуда не денется. А вот магазинное ружье с трудом переваривает картонные гильзы, набитые кустарным способом. Перекосит в магазинке такую гильзу запросто, и окажется у тебя вместо помповухи дубина. На утиной охоте перекос не трагедия, а вот против зверя...

– На дорожку? – предложил Витя.

Лузгин задумался. Витя заразительно подмигнул.

– А-а, черт с ней, давай! – обреченно согласился Лузгин.

Когда они подошли к Крестам, там уже топталось человек с дюжину. Все сплошь крепкие дядьки глубоко за пятьдесят, а то и старше. Верховодил, как обычно, Серега Муромский.

– На собаку возьмем! – убеждал он. – У всех собаки, какие остались, по дворам заперты, а мы одну за село выведем и к околице – на цепь. И сами вокруг. Придет как миленький. Ветер откуда дует? Оттуда. Вот там посадим. И сами тихонько. Он выйдет, а мы фонарями его ослепим – и огонь. Секунду-другую он постоит ведь, ослепши, – разве не хватит?

– Чью собаку-то на живца? – спросили его.

– Да хоть мою! – твердо ответил Муромский. – Ради дела не жалко. Во! Андрей!

– Здравсте, дядь Сереж, – улыбнулся Лузгин. – Здравсте все.

Началось обстоятельное здоровкание со всеми присутствующими и риторические ответы на непрменные риторические вопросы. Лузгина тут все знали еще во-от какого маленького.

– Ну че, акула пера, – сказал Муромский. – Что там слышно в столицах? Посадят когда-нибудь этого ворюгу Чубайса, мать его еб?

– Вряд ли, – покачал головой Лузгин, делая умное лицо. – У нас, конечно, не Америка – фиг знает, кого завтра посадят. Но ведь попадаютсся деятели, которых не посадят никогда, верно?

– Он же все мои сбережения поп... здил, – вздохнул Муромский. – Сколько на книжке было, столько и унес. Обокрал с ног до головы. Рыжий еврейчик Чубайс. Тьфу!

Сереге на самом деле был мурманский, это местные его в «муромского» переделали, как им удобнее показалось. Вырос-то Сереге здесь и по зашишевским меркам высоко поднялся, мореходку окончил, карьеру завершил секондом на «торгаше». В общем, было там чего украсть Чубайсу.

Теперь Муромский на исторической родине если не командовал, то определенно задавал тон. Их в селе набралось таких – репатриантов с активной жизненной позицией – человек пять. Но, увы, даже общими усилиями поднять Зашишевы они не могли. Потрепыхались немного, увидели, что дело швах, с горя запили – кто на годик, кто поменьше, успокоились и пошли тоже, как нормальные люди, валить-пи-

лить-вывозить лес.

Лузгин стоял в толпе, почти не слушая разговора, ощущал, как усваивается водка, курил и думал, что в общем-то Зашишевы выдержало удар судьбы. Могло бы просто рухнуть. Оно и пыталось. В годы перестройки тут разворовали, съели и распродали целый совхоз. Потом начали от тоски и пьянства вымирать – на кладбище полно могил сорокалетних мужиков. Но к концу тысячелетия ситуация постепенно выравнилась. Село, будто живой организм, переболело и теперь намеревалось достойно встретить старость. А там – как сложится.

«Только странного зверя им тут не хватало, – подумал Лузгин. – Зверь – это совершенно лишнее. Уж лучше город, где люди бешеные кусаются. В городе доски на базу сдал, товаром затарился и был таков. Глядишь, покусать не успеют... Черт побери, я все же пьяный. Какие звери?! Какое бешенство?!»

– Андрюха, со мной будешь, – сказал Витя, толкая Лузгина в бок. – Рядом держись, ага? А то мало ли... Ты же волка с медведем, кроме как в зоопарке, не выдавши, етить твою. Хотя ведь звали тебя, я помню. Сколько раз звали. А ты все «работать надо, работать надо»... А зверь – это тебе не птички-уточки. Прибаутки-шуточки...

– Да ладно вам. Будто на тиранозавра собрались.

– Тиро... завтра мы бы в болото заманили, – авторитетно заявил Витя. – Он здоровый, но тупой. А наш зверь ох не

прост, сука.

Лузгин словно проснулся. Тряхнул головой. Народное ополчение шло по улице гуртом, и он вместе с ним.

– Момент! – сказал он Вите. Протолкался вперед, к Муромскому. И сделал то, что нужно было с самого начала, чтобы расставить точки.

– Вы же сообщили в город? – спросил он.

– Ха! Ну ты даешь. В том году еще. В охотинспекцию капнули. Хотели сначала ментам заявление написать, но те не приняли. Сказали, когда зверь человека сожрет, тогда, может быть, следователя пришлют. Я, понятное дело, спрашивал кого мог. Оказалось, есть уже в городе и погибшие, и следствие полным ходом, и ментовка всюю за зверем гоняется. Он по окраинам шастал. А потом к нам зоологи приезжали...

– Про это я слышал.

– Про то, что они пропали, – тоже?

– Представьте себе.

– Интересные были ребята. Скромные, интеллигентные, но очень уж неразговорчивые. Я их и так, и этак – ни в какую. Настоящие зоологи, мать их еб. Зоологи в штатском – понял, да? Жили тут неделю, днем все больше отсыпались, ночами по лесу бродили. Потом сказали – ушел зверь. Могли бы нас спросить, будто мы не знали. Он, понимаешь, когда от села далеко, сразу как-то легче дышится. Ну и, в общем, попросили меня господа секретные агенты отвезти их

за Горелый Бор. Я что – отвез, сколько дороги хватило. Они попрощались, в лес ушли. А через месяц являются менты – и за жабры меня!

– Деда, который их сюда подвозил, тоже допрашивали. Может, знаете, он на желтом «запоре» ездит.

– Слыхали, жаловался. Но с него взятки гладки, а на меня чуть убийство не повесили. Я уже, не поверишь, со свободой простился, и тут менты отстали. Может, узнали что-то. Тела, допустим, нашли. Такая херня, Андрей. Вот ты взял бы и написал про это. А? Чего молчишь?

– А что писать-то, дядь Сереж? – искренне удивился Лузгин. – Ну как вы себе это представляете? «Антинародный режим скрывает от общественности таинственные события в провинции! Ужасный монстр терроризирует население!» Так, что ли? Факты нужны, факты. Хоть кто-то этого зверя видел?

Они подошли к громадному дому Муромского. Откуда-то из недр густо заставленного хозяйственными постройками участка пару раз твякнула мелкая собачонка. Ополчение закурило и развесило уши.

– Зверя не гарантирую, но следы мы тебе покажем, следы наверняка сегодня будут свежие, – пообещал Муромский. – Можешь их сфотографировать, если есть чем. А нету – я «мыльницу» дам.

– «Звериный оскал грабительской клики Чубайса!» – выдал очередной заголовок Лузгин. – «Эксклюзивные снимки:

еврейские олигархи-живоглоты наследили на русской земле!» Слушайте, не будем форсировать события. Дайте мне осмотреться, хорошо?

– Толку от вас, журналистов... – буркнул Муромский. – Скажи честно, тебя-то хоть не купили гады?

– Да кому я нужен... – отмахнулся Лузгин. – Даже не предлагали. А потом, у них все равно столько денег нет.

– У них – есть, – убежденно сказал Муромский. – Ну ладно. Я сейчас.

Он скрылся за домом и через пару минут вернулся с собакой на поводке.

– Пират, – гордо представил Муромский небольшую остромордую лохматую псину с загнутыми кончиками ушей.

– Жалко, – сказал Витя.

Муромский утвердительно хмыкнул и пошел к околице.

– Фонари-то у всех? – спросил он через плечо. – А то могу дать. Андрей, у тебя где?..

Лузгин достал из кармана миниатюрный, в пол-ладони, плоский фонарик и, не дожидаясь ехидных реплик, сдвинул регулятор. На улице смеркалось, до полной темноты было еще далеко, но узкий луч шибанул вдоль улицы.

– Энерджайзер, – сказал Лузгин. – Маленький, да удаленький. Светит отменно, правда, батарейки жрет.

– Модный парень Андрюха, – хмыкнул Витя. – Всегда был пижон. Весь в отца. Эх, Димка, Димка, дружок мой, рано ты помер...

Ополчение принялось вздыхать, Лузгин закусил губу. Отец его тоже, как и многие из местных, не пережил суровые девяностые. Сгорел. Андрей осиротел гораздо раньше, чем хотелось бы, частенько ощущал себя, будто ему в жизни чего-то очень важного недодали, и втайне осуждал знакомых, которые собачились с родителями. Полноценная, в три поколения, семья была, по его мнению, безусловным благом.

Как так вышло, что собственный брак Лузгина оказался в фазе полураспада, Андрей сам до конца не понимал. И в Зашишевы его пригнала настоятельная потребность очистить душу, разобраться в себе, отрешившись от московской суматохи. Побывать наконец одному – в надежде, что именно временного одиночества ему не хватало последние годы и вскоре, отдышавшись, он сможет вернуться домой свежим и готовым любить дальше ту, которую по-прежнему хотелось любить, но уже не очень получалось.

А у них тут зверь.

– На всю жизнь запомнил, – буркнул Лузгин тихонько, Вите на ухо, – эту вашу историю про «камень надо передвинуть».

– Гы! – гордо сообщил Витя.

– У Козла потом доска не пролезала, а дяде Юре надо было срочно по-французски перевести, что на бутылке написано. И все в один день.

– Гы! – повторил Витя еще громче и удовлетвореннее.

– Я к вечеру протрезвел немного, вышел прогуляться,

а отец на Крестах с какого-то мотоциклиста пытается шлем содрать, до дома, мол, дойти...

– Не-е, это Юра. Димка-то в шлем вцепивши, а Юра и говорит – ну чего тебе, жалко, одолжи дружку моему шлем, домой сходить, он без шлема уже не может...

Село осталось за спиной.

– Ну что, дедушка, куда живца? – спросил Муромский.

– А вон, – сказал отставной егерь Сеня, главный авторитет в охотничьих вопросах, указывая на одиноко стоящую полевую сосну. – Прямо туда. И не сомневайся, милоч.

Муромский вздохнул и повел Пирата к сосне. Пес бодро семенил короткими лапами и слегка подпрыгивал. Ему было весело. Пока что.

– И не сомневайся, – повторил Сеня.

Сеню вообще-то звали, как и Муромского, Сергеем. О чем Лузгин, которого Сеня еще годовалого на коленях нянчил, узнал через четверть века, и то случайно. Как говорил отец: «Здесь имена выбирают людей, а не наоборот». Действительно, стал же Мурманский (по паспорту Иванов) – Муромским, Яшины – Яшкиными, и называли же одного плотника всю жизнь Козлом. Ничего, уважаемый был человек. Что интересно, вовсе не Козлов по фамилии...

Трудно не полюбить такие места. Это Лузгину тоже отец говорил, и с годами сын понял – да. Не захочешь полюбить – хотя бы оценишь по достоинству. Здесь человека принимали не каким он хотел казаться, а каким на самом деле был

и, возможно, никогда себя не видел.

– Значит, ты, милоч, туда иди, – распоряжался Сеня. – А ты, милоч, вон туда...

– Встаем на номера, – буркнул кто-то.

– А ты, милоч, – это уже Лузгину, – давай с Витей. И по-перед него не стреляй, ты ж на зверя-то...

– Не ходивши, – перебил Лузгин. – Все нормально, дядь Сеня, я буду тих и скромн.

Вернулся к околице Муромский, хмурый и подавленный. Издали пару раз обиженно тьякнул Пират.

Витя посплюнул указательный палец и ткнул им вверх.

– В самый раз ветерок, – сказал он. – Ни больше ни меньше. Бля буду, сюда зверь придет. И мы ему... Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

– Сожрет Пирата – голыми руками словлю и яйца на уши намотаю, – сообщил, ни к кому не обращаясь конкретно, Муромский.

– Это если он кобель, – ввернул Витя. – А если сука?

– Тогда п... ду на нос натяну! – Муромский невесело хохотнул.

– Ну ладно, братка, ни пуха, – Юра хлопнул Витю по плечу и тяжело утопал вдоль околицы.

– К черту тебя, брательник! Эй, Андрюха, давай за мной.

Быстро темнело. Ополчение разошлось по номерам, и Лузгин уже через несколько минут понял, что расположение соседей знает, но самих людей не видит.

– Курить завязывай, милоч! – прикрикнул на кого-то Сенья.

– Начальник, бля, нашелся, – ответили ему. – Не ссы, бычкую.

Витя сел прямо на землю под ивовым кустом, поставил ружье между колен торчком и сказал:

– А покурить-то совсем не лишне, пока можно еще.

Лузгин уселся рядом. Земля, прогретая за день, оказалась приятно теплой, хоть засни тут.

Пират снова тявкнул, потом взвыл. Получалось у него вполне отвратительно.

– Никак судьбу чует! – произнес Витя невнятно, жуя папиросный мундштук.

Лузгин тоже решил закурить, осторожно щелкнул зажигалкой и упрятал огонек сигареты в ладонь. Табак оказался вкуснее обычного. Сказывался зашишевский воздух. На этом воздухе и курилось по-особому, и пилося, и елось, и еще множество приятных вещей обретало неожиданные свойства, и хотелось всего побольше, желательно сразу. Лузгин однажды в Зашишевые неделю пропьянствовал и выглядел потом как огурчик. А в Москве он после трехдневного загула лежал пластом.

Из села Пирату ответила сначала одна псина, вскоре подключилась вторая.

– Всю жизнь интересуюсь, это они переговариваются, или как, – пробормотал Витя. – А может, поют?

– Или как. Если, конечно, верить зоологам.

– Видели мы тех зоологов, – сказал Витя. – Ну их в жопу. Чистые упыри. Хотя ничего ребята, обходительные, вот только...

– Что – только?

– Не знаю. Честно, не знаю. Ты с ним говоришь, а он сквозь тебя смотрит. Или они такие и должны быть?

– Выпивал я однажды с зоопарковскими, люди как люди. Веселые. Обещали крокодилом угостить, когда сдохнет. Бедняга долго не протянет, ему какая-то гнида по морде кирпичом навесила, он с тех пор в депрессии. Удивительная скотина – человек. Ну залезь к крокодилу в вольер и там хоть кувалдой его лущуй, это будет по-честному. Нет, обязательно надо с безопасного расстояния кирпичом! Ты таких деятелей понимаешь, дядь Вить?.. Вот и я не понимаю.

Собачье трио выводило рулады. Лузгин снова огляделся и забеспокоился – совсем ничего не было видно. Где-то справа в темноте скрывался Юра Яшин, слева засел Муромский – по идее. Впрочем, сейчас полагалось не смотреть, а слушать.

– Давай теперь потихоньку, – шепнул Витя, будто угадав мысль Лузгина.

Прошло около получаса. Несчастный Пират то умолкал, то снова принимался за свое. Лузгин от души пожалел Муромского. Настроение постепенно менялось – расслабленное ощущение участия в каком-то трагифарсе уступило место знакомой с детства охотничьей настороженности. Веро-

ятно, Лузгин внутренне согласился с правилами игры. И чувствовал себя примерно как на утином перелете – просто ждал развития событий, без лишнего напряжения, но готовый мгновенно среагировать на появление дичи.

Он вспомнил, как это было: отец, совсем еще молодой, сидит на заборе, в драной телогрейке и громадных валенках с галошами, а над головой у него пролетает стая – отец прямо с забора со страшным грохотом дуплит, и пара уток валится к его ногам... На самом деле «перелет» не всегда удавался. Однажды они битый час гоняли по кустам подранка, швыряя в него пустые гильзы и камни. А подранок оказался на поверку старой опытной уткой, обогнавшей стаю. Он пешком утопал от незадачливых охотников и, оказавшись на безопасном расстоянии, взлетел, громко крякая – как показалось тогда маленькому Андрею, ехидно. Через минуту появилась стая и, вместо того чтобы начать снижение, прошла высоко-высоко.

«Сделали нас, как маленьких, – сказал отец. – Понял? Толковая у них организация. Мотай на ус полезный опыт. Ничего, придем завтра. Не у каждой же стаи такой лидер впереди летит».

Следующим утром выяснилось, что хищная птица растерзала нескольких домашних утят на пруду у Вити. А вечером, придя на перелет, отец заметил ястреба.

«Видишь – на осине? – спросил отец. – Наверняка это он Витиных утят погубил. Сними его».

На суку будто мешок сидел. Андрей прицелился и выстрелил. Мешок сдуло. Они подошли к дереву, отец включил фонарь. На земле возился, громко шипя, раненый ястреб. «Добей», – сказал отец.

Ястреб был страшен – Андрей навсегда запомнил, с какой бешеной ненавистью птица смотрела ему в глаза, когда он опустил ружье, прицеливаясь. Эта ненависть пугала, но она же и подтолкнула скорее все закончить. До той ночи Андрею не приходилось совершать хладнокровного убийства, ему был знаком лишь охотничий азарт. Одно время мальчик сомневался – как это можно, стрелять по ни в чем не повинным животным, – но первый же «выход на утку» все расставил по местам. Они два часа колупались на плоскодонке вдоль заболоченного берега. И когда утка выскочила прямо из-под носа лодки, стремительно уходя назад – поди скажи, что птица дура, – Андрей развернулся и чуть ли не с наслаждением нашпиговал ей задницу дробью. Именно так: дробь сволочи в задницу... Но одно дело противоборство, а совсем другое – месть.

Утята были очень милые, светленькие, доверчивые, забавные. Может, и не этот ястреб убил их. Тем не менее Андрей снес ему голову выстрелом в упор и никогда не жалел о содеянном. Много позже, через годы, он понял – ему в принципе несимпатичны животные-убийцы. Тигры и львы не будили в Лузгине никаких восторженных чувств. Леопарды с гепардами оставляли его равнодушным. Волки раздра-

жали. Фольклорная лисичка-сестричка при ближайшем рассмотрении оказалась довольно противной тварью. Лузгину по жизни нравились еноты и барсуки. Впервые увидев скунса, он вспомнил, что на Западе можно купить это чудо природы с ампутированной железой, и всерьез задумался, не подкопить ли денег. Еще Лузгин мог часами смотреть на кенгуру, а над капибарой просто медитировал.

Из всех хищников он почему-то уважал одних крокодилов.

– Андрюха...

– А? – Лузгин от неожиданности дернулся и тут же мысленно себя обругал. Надо же так далеко унести на крыльях воспоминаний – чтоб их переломало... И где, на охоте! Хотя какая это охота – пародия одна.

– У тебя часы не светятся? – спросил Витя.

– Не-а.

– Ладно, справимся, – Витя накрылся курткой. Чиркнула спичка. – Полпервого. Долго ждем. Пора бы уже. Давно пора. Это нас кто-то сглазил, бя буду. На-ка...

Лузгин протянул руку и получил в ладонь что-то шершавое.

– Корочка сухая, – объяснил Витя. – Пожуй.

«Народное средство от сглаза на охоте», – вспомнил Лузгин и послушно сунул корочку в рот. Откровенно говоря, он был не против сглаза. Ему совсем не хотелось, едва выбравшись на волю, угодить в центр непонятных событий. Лузгин

резонно предполагал, что он, с его журналистским удостоверением и репутацией «городского», то есть человека ушлого и пронырливого, окажется крайним в любой истории, какая тут приключится. Его непременно о чем-то попросят. И попробуй откажи. Да он и не собирался отказывать, не мог, только вот планы на лето у него были – ну совсем другие. Мечталось найти вокруг тишь, гладь, божью благодать...

На другом конце села истошно заорала скотина.

– Ах, сучара... – выдохнул в сердцах Витя.

Вторя скотине, дико взвизгнула женщина.

Когда Лузгин в последний раз так бегал, он и вспомнить не мог. Не факт, что ему вообще случалось носиться подобным образом, сломя голову. Мужики шпарили по улице, бухая сапожищами, и сквозь запаленное дыхание там и сям прорывался отборный мат. Против ожиданий, никто не оступился, не влетел в забор и не выпалил случайно. Лучи фонарей хаотично вырывали из темноты куски пространства. В домах загорались огни, на Крестах кто-то уже колошматил железом по железу, внося в происходящее дополнительный элемент сумятицы. Вокруг надрывались уцелевшие собаки, а далеко, в самом конце улицы, дурным голосом редела корова, блеяли овцы, тарахтели куры, и все это многоголосие накрывал женский визг.

«Орет баба – значит, живая», – подумал Лузгин.

Ополчение проскочило Кресты. «Рельсой» в Зашишевы служил лемех от старого плуга, и сейчас какой-то парнишка,

от силы лет десяти, упоенно лупил по нему монтировкой.

– Домой пошел, мать твою ети! – рявкнул Витя, и ребенка как ветром сдуло.

Лузгин почувствовал, что отстает от толпы, и прибавил ходу. Странно было в свои тридцать с небольшим догонять пенсионеров, траченных крестьянской работой и крепко проспиртованных, однако же... Зато не страшно за их спинами. Похоже, Лузгин всерьез заразился общим настроением и уже немного опасался неведомого зверя.

Впереди бухнул выстрел, потом еще один.

– От-ста-вить! – проорал Муромский.

К прочей живности в придачу заголосила кошка. Вероятно, поймала картечину не самым жизненно важным местом.

Пострадавший дом был третий с краю, последний жилой на улице. С заднего двора кто-то опять выпалил, и сквозь шумовую завесу Лузгин отчетливо расслышал характерный звук, который не спутаешь ни с чем – тресь! – это пуля вошла в живое дерево.

Лузгин перешел на шаг. Все было ясно. Теперь умнее отдышаться, а подробности ночного происшествия ему через несколько минут детально разъяснят. И вообще, развитие событий на ближайшие полчаса-час он мог предсказать со сто-процентной точностью.

Вот за домом матерятся, кто-то клянется «убить суку», рвется в погоню и других подбивает. А вот вмешался Сеня и объяснил – так нельзя. А теперь вступил Муромский и ска-

зал, что этого не допустит. Ага, зверь уволок овцу! Действительно не стоит за ним гнаться сейчас, время упущено, вот если бы сразу, тогда еще да, а теперь уж нет, увольте... Лузгин обогнул дом.

– Андрей, сюда иди, – сказал Муромский. – Я тебе обещал следы – вот, ознакомься.

Муромский повел фонарем, Лузгин пригляделся и сказал вполне искренне:

– Ой, мама... Зуб даю, это не Чубайс.

Чем значительно разрядил обстановку.

Скотный двор был бревенчатый, с прочными воротами, единственное слабое место – откидное застекленное окошко, через которое на улицу вышвыривали навоз. Зверь подобрался к окну по навозной куче, выдавил стекло, запрыгнул внутрь, сцапал овцу и ушел с ней. Из оставшихся на дворе животных ни одно не пострадало вообще. От этой информации у Лузгина неприятно засосало под ложечкой. Он вернулся к следам, и во втором приближении отпечатки лап зверя понравились ему еще меньше. С первого взгляда они просто вызвали оторопь. А тут...

– Кто сказал – росомаха? – спросил Лузгин. – Дядь Сень, ты где? Проконсультируй меня, пожалуйста.

– У росомахи вот так, – показал Сеня. – И здесь вот так. Хотя это не росомаха никакая. И не мишка. И не волк.

– А кто?

– Зверь, – емко ответил Сеня.

Лузгин впечатал в засохший навоз свой туристский башмак сорок третьего размера.

– Я в этом, конечно, ничего не понимаю, но узковат след для животного, тебе не кажется? И длинноват.

– Оборотень, – подсказали сзади и хихикнули. Нервно.

– Значит, вот! – заявил Муромский. – Сил моих больше нет терпеть. Слушайте предложение. Сейчас все по домам, спать. Эта сволочь овцу сожрет и будет дрыхнуть до вечера. А мы с утра в лес. Отыщем гада, шкуру спустим и чучело набьем. Вопросы? Нет вопросов. Ну, тогда до завтра. Пойду, что ли, Пирата отвяжу.

– Схожу-ка я с тобой, – вызвался Витя.

– И я, – сказал Лузгин.

Они не спеша шли по улице, курили, и говорить не хотелось, один Муромский бухтел, обещая зверю страшные кары.

– Следы надо будет обязательно сфотографировать, – сказал Лузгин.

– Завтра щелкнешь самого зверя, – небрежно бросил Муромский. – Первая овца легко ему далась, поэтому он далеко от села не убежит. Зверье, оно всегда по пути наименьшего сопротивления идет. Оттачивает успешную технологию. За эту-то слабинку мы нашего хитреца и возьмем.

– Ну-ну, – буркнул Лузгин. Обернулся к Вите: – Можно у тебя переночевать?

– Спрашиваешь! Веранда свободна, хочешь, насовсем по-

селись там.

Лузгин отлично понимал, что этой ночью можно беззаботно дрыхнуть хоть посреди села на улице, хоть за околицей в кустах. Но...

– Прочувствовал? – спросил Муромский.

– Да, – кивнул Лузгин.

Привязанный к сосне Пират хозяина встретил неласково. Он его истерически облаял. Лузгин еще подумал: что бы там себе ни воображали господа зоологи, а говорить животные умеют. Во всяком случае, матом ругаться – точно.

\* \* \*

Разбудил его солнечный луч. Лузгин перевернулся на другой бок, закрыл глаза и понял, что спать больше не хочет. Он прекрасно себя чувствовал, хотя вчера, поддавшись на уговоры, прикончил с Витей бутылку тошнотворного самогона, а отдыхал чуть больше четырех часов.

В доме ощущалось нешумное деловитое шевеление – корова уже наверняка подоена, к завтраку будет парное молоко, вкуснейшее, пасут-то на клеверных полях...

Словно вторя мыслям Лузгина, на дороге раздался выстрел. Хлесткий, как удар бича. Собственно, это и ударил бич – не по живому, конечно, а просто для остратки.

– Эй-ё-твою-ма-ать!!! – задорно проорал кто-то. – Куда-а!!!

Тонкая стенка веранды содрогнулась – мимо протопало массивное животное.

– Давай-давай, – негромко сказала Витина жена. – Дуреха ты моя.

– Здорово, Татьяна! Эй-ё-твою-ма-ать!!!

– Доброе утро! На, пирожка возьми.

– О-о, благода-арствуем... Куда-а!!!

Бац! «Бе-е-е...»

– Со-овсем они седня одуревши... Эй-ё-твою-ма-ать!  
Ска-а-тина-а!

Бац!

«Хочу здесь жить, – подумал Лузгин. – И всегда хотел. Но что-то меня удерживало от этого шага. А сегодня не держит. Может, я взял от Москвы все, что она могла дать мне? И теперь – свободен? Хм... Допустим, зимой в деревне трудно. Но я не обязан хоронить себя тут. Как пожилые москвичи делают: полгода на даче, полгода в городе. Деньги – вот проблема. Деньги. Работа. Я далеко не культовая персона в русской журналистике, простой нормальный середнячок, каких много. Стоит такому надолго исчезнуть, читатель о нем забывает, а в редакции находится замена. Хорошо писателям – сидят и пишут, сидят и пишут... Когда я гляжу на бесконечные ряды книг в магазинах, мне иногда кажется, что наши писатели вообще ничего больше не делают, не едят, не пьют, не занимаются любовью, только пишут и пишут. Круглосуточно. Гонят вал, дают стране текст. Может, писателем заде-

латься? Мечтал ведь в юности – вот поработаю журналистом, накоплю опыта и замахнусь на серьезный роман. Сооружу бестселлер, заработаю деньжищи, все меня будут любить... Увы и ах. Оказалось, что писатель – это прежде всего крепкая задница, железная сила воли и умение концентрироваться. А ты, Андрюха, терпеть не можешь сосредотачиваться на одной проблеме. Тебе надо, чтобы сегодня одно, завтра другое, послезавтра третье, иначе скучно. Но... Так было, кажется, вчера. А сегодня и ты заметно другой, и на дворе совершенно новый день. Ты молод, здоров, полон сил, в любую секунду можешь освободиться ото всех обязательств – лишь слово нужно сказать, короткое слово «прощай». И целый мир вокруг. Станный, загадочный, непознанный, манящий. Светлый огромный мир, залитый солнцем. Вперед! А? Не испугаешься? Ну-ну. Думай, Андрей, думай. Еще есть время, брат».

За стеной завозился Витя.

Лузгин улыбнулся. Хороша была та история, о которой он вчера напоминал.

...Андрею тогда исполнилось лет семнадцать-восемнадцать, и как-то утром он помогал матери по огороду. На крыльце маялся с похмелья отец. Курил, шурился на солнце, потом встал, буркнул что-то вроде: «Ну, я тут это...» – и исчез, провожаемый неодобрительным взглядом жены и завистливым – сына. Прошло где-то с полчаса, и вдруг появился Витя. «Андрюха, пошли! – махнул он рукой. – Слышь,

я Андрюху заберу, а? Нам там с Дмитрием надо камень передвинуть, вдвоем не получается». – «Конечно», – сказала мама. Витя почти бегом сорвался с места, Андрей, недоумевая – не лежало у Вити на дворе никакого камня, – поспешил следом.

В сарае-гараже камня тоже не обнаружилось, зато там были пиво с водкой, недокопченная копченая рыба и отец, излучающий во все стороны позитивные эмоции. Андрею щедро плеснули «ерша», и через несколько минут он воспарил как на крыльях. Старшие чинно беседовали, младший благовоспитанно прислушивался, выпивка быстро кончилась. Отец сказал: «Ну, я пройдусь», Витя отправился раскидывать навоз по картофельным грядкам. Андрей вышел на улицу и подумал: возвращаться к дому глупо – что на огороде требовало мужской руки, он сделал, а подвернуться матери, когда она занимается сельским хозяйством, почти наверняка означало быть припаханным.

Поэтому Андрей двинулся в центр села. Он настолько хорошо знал тут каждое бревнышко в каждой избе, что никогда не упускал случая посмотреть, как все меняется год от года. Зашишевы всегда были для него объектом пристального исследования. Любил он это место. К тому моменту он провел в селе верных шесть лет чистого времени. Даже первые в жизни деньги заработал не абы как, а крестьянским трудом, ворочая лопатой зерно на элеваторе. И еще – про Зашишевы он мог определенно сказать, что здесь никто и ни-

когда не пожелает ему дурного и не захочет причинить вред.

Свернув с Крестов налево, он успел пройти метров сто, когда прямо на него выскочил из дома тот самый Козел.

– А ну заходи! – позвал Козел. – Помоги нам с бате́й. У нас там, вишь ты, доска не пролезает.

Андрей не подумал удивиться, просто взял и зашел.

Доски не было. Зато отец на газете чистил селедку.

Бутылку прикончили в три захода. Потравили байки, посмеялись. Отец сказал: «Ну пойду взгляну, как там у меня дома». Однако, выйдя на улицу, тепло попрощался с сыном и бодро зашагал в диаметрально противоположном направлении.

Андрей, чувствуя себя необычайно хорошо, правда, уже слегка неустойчиво, решил вернуться, залезть на чердак и раскопать в горах старых журналов что-нибудь интересное. С каковыми благими намерениями он проделал обратный путь до Крестов. Там дорогу ему преградил Витя при поддержке брата Юры.

– Андрюха, ты по-французски читаешь? – спросил Юра сурово.

– Вот честное слово, два года учу этот язык – и до сих пор ни в зуб ногой. Полсотни слов знаю, конечно...

– Нам перевести надо, что на бутылке написано. Пойдем.

– Спасибо, – сказал Андрей, – но с меня на сегодня хватит!

Братья засмеялись, как показалось Андрею – с уважени-

ем.

– Ну, передумаешь – заходи...

– Андрей, милоч! – раздалось сзади.

Он обернулся. Из окна соседнего дома торчала встрепанная голова Сени.

– Баллон-то газовый! – напомнил Сеня.

Тут Андрей не ожидал подвоха. Действительно, нужно было забрать баллон с газом. Килограммов сорок или пятьдесят, нести от силы метров триста, если огородами. Даже с учетом некоторого заплетания в ногах для молодого парня не проблема.

Сеня ему такой отравы налил, что Андрей от одного запаха чуть не упал. Но отказать хорошему человеку не было сил. «Кажется, я впервые в жизни буду пить технический спирт, – пронеслось в голове. – Впрочем, Сеня-то ничего, хлещет эту мерзость и не жалуется. Глядишь, тоже выживу». Ощущая себя не то самоубийцей, не то настоящим индейцем, а в общем и целом полным идиотом, Андрей опрокинул прозрачную жидкость в рот.

– Что... это... было?.. – прохрипел он, отдышавшись.

– Как – что?! – почти возмутился хозяин. – Самогон!!!

После граненого стакана Сениного пойла Андрей баллона не почувствовал вовсе. Просто уложил красный цилиндр на плечо и, небрежно придерживая его одной рукой, пошел узкими тропками, ловко открывая и закрывая за собой калитки, прыгая через канавы... Своего участка он достиг по-

разительно быстро, а баллон, не переводя дух, загрузил на место и подключил. После чего сказал: «Мам, я прилягу» – и вырубился.

Отца он нашел уже в темноте на Крестах – при большом стечении народа, под дикий хохот, Дмитрий Лузгин клянчил у проезжего мотоциклиста шлем. Домой сходить...

На веранду осторожно выглянул Витя.

– Ага, проснувши! Вставай, умывайся, пайка уже на столе.

«Пайка» оказалась вчерашней картошкой с тушенкой в большой сковороде и селедкой на районной газетке. Поверх раздела объявлений. Лузгин нацепил на вилку кусок осклизлой рыбы и прочел:

НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ  
БЫСТРО  
КАЧЕСТВЕННО  
НЕДОРОГО

– Бля! – только и сказал он.

Опохмеляться Лузгин отказался наотрез. Заявил – и так хорошо. Ему действительно было хорошо. Зашишевский воздух прекрасно лечил похмельный синдром, точнее, не давал синдрому разгуляться в теле.

– А я выпью, – решил Витя. – Мало ли как дела пойдут, верно?

Лузгин смысла фразы не понял, но на всякий случай кивнул.

Народ собрался, естественно, на Крестах. Лузгин вспомнил, как много лет назад, совсем еще мальчишкой, провожал отсюда местных на волка. Тогда поддтая орава укатила в прицепленной к трактору ржавой телеге со страшно перекошенными колесами. Добыли они волка или нет, память не сохранила. Кажется, не добыли. Может, не особенно и хотели?

Сейчас мужики оказались практически трезвы. По некоторым заметно было, что они усилием воли заставили себя обойтись без дежурного утреннего стакана. Выглядело ополчение мрачно-деловито, с тем неуловимым оттенком холодной отрешенности, какой можно прочесть на лицах мужчин, готовых к убийству. Кажется, после ночного происшествия тут восприняли зверя окончательно всерьез, как равного себе противника, и шли на него тоже нешуточно.

Сеня привел Найду, свою гончую – старую криволапую псину, некогда гладкошерстную, а теперь просто в лишаях и проплешинах. С заплывшими гноем скучными глазками. Поверить в то, что эта развалина способна идти по следу, да еще давно простывшему, мог лишь тот, кто знал Найду в деле. Лузгин – знал. Но все равно не верил. Найда сильно одряхлела за последние годы, как и большинство зашишевских, как и все село.

– Хорошо, что ее зверь не заел, – сказал Муромский.

– У меня не заешь! – напыжился Сеня.

– Это ты, дедушка, молодец. Ну, погнали?

Найда взяла след с полуоборота. Снюхала прямо с навозной кучи. И уверенно пошла в лес. Лузгин только языком цокнул.

– Я ее сюда ночью приведши, – объяснил Сеня. – Пока след теплый. А ей все равно, она слепая, ничего не видит.

Будто желая проиллюстрировать, насколько ей все равно, Найда попробовала врезаться в дерево, но за секунду до удара носом сменила курс. Лузгин припомнил: собаки к старости действительно слепнут и ориентируются нюхом.

– Ночью она испугавши была, – сказал Сеня негромко. – Ой, милочка, испугавши... Но в лес прямо рванувши. Будто и страшно ей, и взять зверя все одно надо. Значит, плохой зверь. Сильно плохой, однако.

– Чего это ты как чукча заговорил? – удивился Лузгин.

Сеня в ответ хмыкнул. Лузгин понял: не одна собака «испугавши». Она еще с ночи заразила страхом хозяина. А Сеня в жизни не был трусом. Осторожным, внимательным, осмотрительным – да, был. Предпочитал не связываться с опасностью попусту. Но, допустим, когда на него однажды решила поохотиться рысь – видимо, Сеня, низкорослый и худой, показался киске добычей подходящего формата, – он охотницу переиграл и завалил с блеском, злорадно.

Что рассказало поведение Найды опытному народному

умельцу, Лузгин воображать не хотел, а спрашивать в лоб постеснялся. Здесь это не было принято. Захотят, сами расскажут. В Зашишевы один Муромский, испорченный городской жизнью, вел себя естественно, раскрепощенно, где-то обходя, а где-то и прямо нарушая местный этикет. С остальными приходилось держать ухо востро, ловить малейшие оттенки речи – именно в нюансах крылась самая важная информация.

Охотники миновали подлесок и углубились в сосновый бор. Найда уверенно тянула хозяина за поводок, Сеня подтормаживал, не давая собаке чересчур разогнаться.

– Дедушка, не пора нам цепью? – спросил Муромский.

– Да что ты, милоч! – отмахнулся Сеня. – Километр еще, не меньше. Зверь, он вон там, в завале. Больше некуда ему.

– Это где старый бурелом? – уточнил Лузгин.

– Ну да, милоч, завал.

Такие вещи Лузгин привык спрашивать. В Зашишевы элементарный напильник звали то «подпилок», то «распилок», а водку либо «вино», либо «белая». Остальное питье – «красное». Что важно, не «цветное», а «красное», будь оно хоть белое полусухое. Когда вокруг сплошные лингвистические казусы, не ровен час недопоймешь какую-нибудь сущую ерунду – может выйти глупо. Тут, было дело, Юра помогал Муромскому массандру строить. Вот массандра она, и хоть ты тресни.

– А ручей? – встрепнулся Муромский.

– Да пересохши тот ручей.

– Не весь. И если зверь по руслу прошел?..

– На что ему?

– Не знаю, – сказал Муромский и насупился. – Я бы прошел.

– Ты ж не зверь! Они не любят.

– Не знаю, – повторил Муромский. – Я-то, допустим, точно не зверь. А что за гадость эта сука...

Он будто в воду глядел – и иносказательно, и буквально. За ручьем Найда встала, задрала нос вверх, покрутилась на месте, потом вознамерилась заложить дугу, но Сеня собаку придержал.

Следов в русле было не разглядеть, их замыло течением. А ручей тянулся себе и тянулся по лесу. Вовсе он не пересох.

Вдалеке маячила линия бурелома. Здесь лет десять назад повалило множество деревьев, и прятаться зверь мог где угодно.

– Разделимся, и в разные стороны по берегу? – предложил Муромский. – Авось увидим, где он выходил.

Сеня подумал и не очень уверенно сказал:

– Это, конечно, да. А может, ну его?

– Ты чего, дедушка?

– Предчувствие у меня, – буркнул Сеня виновато. – Пошли-ка до села.

– Думаешь, пока мы тут, он – там?!

– Нет, милоч, нет. Только ничего у нас в лесу не получит-

ся. В селе надо зверя брать. Ночью. Он придет же, зверь-то.

– Бабы нас убьют! – бросил издали Витя.

– Это точно, – поддержал Юра. – Моя уже того. С утра на кочергу нехорошо смотревши!

– А моя-то! – пожаловался вчерашний пострадавший.

– Баб и детей сгоним в одну-две избы, выставим охрану, – заявил Муромский. – И устроим засидки по дворам, где скотина. Куда-то зверь непременно сунется. Тут мы его и возьмем. Хорошо ты придумал, дедушка. Теперь вопрос: людей-то у нас хватит? Или скотину тоже... уплотнить?

– Если на совхозный двор? – предложил Витя. – Там крыша проваливши, а так ничего. Окна досками заколотим. Пусть зверь через крышу лезет, точно никуда не денется. Электричество я сделаю. Как он запрыгнет, а мы рубильник – бац! Полная иллюминация.

– Значит, когда стадо вернется – сразу его туда. Ничего, бабы с ведрами прогуляются, не графини. Ну что, потопали на дворе порядок наводить?

– Главное, в суматохе не пострелять скотину! – ляпнул что пришло на ум Лузгин.

– И не говори, Андрюха! Тогда нам точно п... ц! – хохотнул Витя.

– Я лучше грохну свою корову и съем, чем зверь ее утащит, – сказал Муромский. – Все, решили. Возражения? Нет возражений. Пошли.

Возвращались они, нервно перешучиваясь.

И поминутно оглядываясь.

\* \* \*

«Совхозный двор» оказался длинным коровником из белого кирпича. С отсутствующей крышей. Внутри было разломано все. В полу зияли громадные дыры. Отличная натура для кино про светлую жизнь русской деревни после ядерной войны.

– Нормально, – сказал Муромский с удовлетворением в голосе. – Стойла, в общем, есть, цепи кое-где тоже. Коров зафиксируем, овец вон в тот угол загоним...

– А зверь возьмет и по курам пойдет, – предположил Лузгин. – Вот смеху-то будет!

– Птицу – в те дома, где бабы с детишками. Пометить надо будет, а то потом не рассортируем. Не бойсь, Андрюха, справимся. Некуда деваться, иначе нас не сегодня-завтра бабы прикончат. Баба, она пострашнее зверя будет!

– Знаю, – кивнул Лузгин.

– Натравить бы их друг на друга! – выдал идею Витя.

Ополченцы хором расхохотались.

– Пол бы поправить... – вздохнул Муромский, ковыряя сапогом гнилые доски. – Ноги переломаем. Ладно, сойдет. Вить, как у тебя с проводами? И лампочки еще нужны, тут же ни одной не осталось.

– Не бойсь, все найдем.

Мужики быстро поделили обязанности и разошлись за материалами и инструментом. Лузгина забрал с собой Витя, таскать провода.

– Думаешь, зверь придет к коровнику? – спросил Лузгин.

– Конечно, – без тени сомнения ответил Витя. – Позже вчерашнего, но явится. Он сначала возле домов покрутится. Унюхает, что там одни люди, и двинет в обход села выяснять, куда скотина девши. Аккурат к совхозному двору выйдет. Мы еще окна забьем со щелями, чтобы запах шел. Это если у зверя нюх слабый, хуже собачьего. С хорошим-то нюхом он мимо села прямо ко двору пойдет, как по ниточке...

– Дядя Витя, тебе не кажется, что такого странного зверя убивать нельзя? – забросил удочку Лузгин. – А лучше бы поймать?

– Как тебе сказать, Андрюха... Нельзя-то оно, может, и нельзя. А придется. Что мы его, прикладами замесим? Он, сука, быстрый, резкий, прыгучий. Разве сетью? А порвет? Это еще откуда он запрыгнет. Не бегать же за ним по всему двору с бреднем! Сам подумай. Тут ни петли, ни капканы не поставишь. Только стрелять его.

Витя поразмыслил и добавил:

– Да и страшно такую пакость ловить. Ты-то не боишься?

– Очень боюсь, – честно признался Лузгин и почувствовал, как от самих этих слов побежали мурашки по спине.

– Ну, вот и грохнем.

– Если удастся поймать, Зашишевы на всю Россию про-

славится. А может, и на весь мир, – сказал Лузгин, перевозмогая накативший страх.

– А нам оно надо?

– Реклама – вещь полезная.

– Андрюха, ты что, не понял – мы тут не живем, а доживаем. Ко мне Серега, дружок-то твой, в последний раз пять лет назад приезжавши. Сын родной, мать его ети! Все письма шлет да звонит иногда. Мол, занят, а то с билетами проблема. Никому мы не нужны и никогда уже не понадобятся. Реклама! Нам бы кладбище побольше да на помин винца. Скоро как начнем один другого хоронить... Тьфу. Совсем ты меня расстроил. Пошли в сарай, я там кой-чего заначил...

К вечеру добрая половина ополчения распространяла вокруг себя мощный сивушный дух. Забивая выхлопы остальных мужиков, от которых пахло слабее. Тем не менее и в селе, и в коровнике все было налажено, как договаривались. Женщины, конечно, поматерили своих благоверных от души, но в положение вошли. Скотину никто не спрашивал. Кур переловили и надписали зеленкой, какая чья. Радовались приключению одни дети, сплошь чьи-то внуки, угодившие в Зашишевы на лето отдохнуть.

– Какого черта детей-то к родителям не отослали? – спросил Лузгин у Муромского. – Трудно позвонить и сказать, что тут опасно? Приехали бы, забрали. Да ты и сам при машине, мог бы отвезти.

Муромский почесал в затылке и выдал оценку ситуации,

лишний раз напомнившую Лузгину, где он находится.

– Знаешь, – сказал Муромский, – в общем-то ничего чересчур опасного. Ну, зверь. А что, волки лучше? Конечно, если сегодня не получится, тогда может быть... Ты не паникуй. Водочки хочешь? Немножко? Чисто для успокоения нервной системы?

– Я уже. И как раз от этого забеспокоился.

– Значит, неправильную дозу принял. Добавь.

– Или убавь, – подсказал Витя, прислушивавшийся к разговору. – Серега, он тут идею толкнул, что зверя поймать надо. Реклама нам будет, говорит.

Муромский с живейшим интересом посмотрел на Лузгина.

– Ты, Андрей, не обижайся, но вы, журналисты, все е... анутые. Это я не про тебя лично, а вообще.

– Да я понимаю, – Лузгин вздохнул. – Мне просто в какой-то момент показалось...

– Не перекрестился? Обязательно крестись, если чего кажется. Идея твоя прекрасная, но совершенно невыполнимая. Я сам об этом думал. Не выйдет. Вот, смотри...

– Да мне уже дядь Вить объяснил.

– Ну и замечательно. – Муромский закурил, сплюнул под ноги, поправил ружье на плече и вдруг сказал: – А было бы здорово поймать зверя. Ай как здорово! Он ведь... э-э... особенный. Мы бы с него настригли шерсти. Я даже не в смысле денег. Просто чтобы места наши прославить. Что-

бы знали о нас. И вообще, сначала поймаем, а там уже поглядим. Вить, а Вить! Где подельник-то твой ошивается? Ведущий браконьер всего на свете?

– Ерёма? Бухой небось лежит в Филине.

– Жалко. У него сетей два километра, и оба который год без дела валяются. А свои-то ты не дашь сети, верно?

Лузгину стало тесно – это народ сгруппировался вокруг Муромского и Вити.

– Крыши-то практически нет над двором, – говорил Муромский. – Так, огрызки по краям. Но их хватит, чтобы закрепить сеть. Пустим в три слоя, ее тогда и бык не разорвет. Закроем сверху весь двор. По краю продернем трос. Зверь через стену прыгнет и собственным весом уже частично застегнется. Хвост от троса надо кинуть через балку, и когда зверь в кошеле окажется, протянуть со всей силы. Четверо с тросом бегом наружу через ворота, чтобы зверь на ноги не встал, а остальные его – прикладами и чем попало. Отпи... дим душевно, к балке подтянем, горловину кошеля перехватим, самого зверя проволокой спеленаем, а дальше разберемся... Времени светлого в обрез хватит все устроить. Значит, решать надо быстро. Что скажете, мужики?

– Насчет отпи... дить – это я за! – сообщил вчерашний пострадавший, имени которого Лузгин так и не вспомнил.

– Получится, а, дедушка?

– Да как сказать, милоч... Если быстро трос потянуть, вроде должно. Стены высокие. Главное дело, чтобы зверь

сеть не углядел. По ручью-то пройти у него мозги хватило.

– Будем надеяться, что голодному мозговать некогда. Ну чего, народ, голосуем, или все уже за?

– Экий ты быстрый! – возмутился Витя. – Я сети-то вам еще не дал.

– А ты не дашь?!

– Дам, конечно. Только ты сначала меня спроси.

– Витя, дай нам сеть! Пожалуйста!

– Да хрен с ней, берите!

Впервые за последние сутки Лузгин услышал в Зашише-  
вье настоящий смех.

\* \* \*

С сетями управились до темноты. По идее, не должны были успеть, но вот очень захотели – и смогли. Мало того, что соорудили вполне работоспособную на вид ловушку, так даже испытали ее! Один из мужиков, употребив стакан допинга, бросился с крыши в сеть и был успешно пойман, отделавшись пустяковыми ушибами, а попутно заработав второй стакан и ласковое прозвище Каскадер.

Правда, скотину перепугали – беготней и оглушительным матом в процессе теста, – но коровы быстро успокоились, а за ними и овцы кое-как притихли.

С испытательным прыжком здорово угадали – Лузгин сразу заметил, как переменилось в настрое ополчение. К му-

жикам пришла спокойная уверенность, которой не хватало раньше. Они придумали, как поймать страшного, опасного зверя. А если ты кого в состоянии поймать, значит, не столь уж он страшен и опасен.

Ловушку вновь натянули, уже до того сноровисто, будто всегда с ней работали. У Лузгина эта сосредоточенная, деловитая спешка наложилась на предыдущие жизненные наблюдения, и он утвердился в печальном выводе: Россия умеет все на свете, кроме одного – у нее не получается остро хотеть.

Он не выдержал и сказал Вите:

– Эх, если бы в этой стране все с такой охотой трудились...

– На всех зверей не напасешься, – отмахнулся Витя.

– А за бабки слабо?

– За бабки скучно. Мы народ морально-нравственный, нам идею подавай. Ты, что ли, за одни бабки работаешь?

– Могу еще за бухло.

– Да не п... ди! – натурально обиделся Витя. – Я же тебя с детства знавши. Понял? То-то!

– Ладно, я пошутил, – признался Лузгин. – Хотя...

– Кабель там продерни! – скомандовал Витя. – Ага, есть. Теперь сюда бухту тащи. Помаленьку трави... И чего «хотя»? Смотрю я, херово тебе, парень. К Маринке-то вернуться думаешь или уже того, насовсем?

– На самом деле мне хорошо, – сказал Лузгин, медленно вытягивая из бухты тяжелый черный провод. – Потом, навер-

ное, будет херово, а сейчас хорошо. Вернуться... Она уверена, что да. А я пока ни в чем не уверен. Жить хочу. Просто жить. Успеть нечто особенное сделать, пока силы есть. Без оглядки на то, что обо мне думают и чего от меня хотят. Кажется, именно это называется кризис среднего возраста. Черт побери, у родителей он наступал в сорок, а то и позже. А у моего поколения гораздо больше возможностей чего-то достичь, реализоваться, вот мы и начинаем фигней мучиться в тридцать с небольшим. Красиво, радостно мучиться. Ходил на встречу сокурсников, все жалуются, до чего им плохо. Сплошь начальники, хозяева, попадают известные люди, настоящие знаменитости – и всем нехорошо. Потом один в меня пальцем ткнул – а вот у этого, говорит, вообще нет кризиса среднего возраста. Ка-ак я начал тельняшку рвать – мол, у кого нет кризиса?! Да у меня такой кризис, прямо такой кризис, хоть ложись и помирай!..

– Ы-ы, – протянул Витя, изображая глубокое понимание.

Подошел Муромский и спросил:

– Ну?

– Да вот, Андрюху на философию потянувши.

– Хер с ним, с Андрюхой! Ну?

– Спокойно, даю свет.

Витя перебросил рубильник, и слабенькое дежурное освещение потонуло в ярком блеске мощных ламп. Раздались одобрителльные крики.

– Можем же, когда хотим, – сказал Муромский удовлетво-

ренно. — Эх, если бы в этой стране все с такой силой вкалывали!

— На всех зверей не напасешься... — машинально ответил Витя и прыснул: — Да хоть работай, хоть сачкуй... Чего вкалывать, если никто лампы и кабель загодя не припрятавши?

— Тебе зачтется, — пообещал Муромский. — Эй, народ! Разошлись по номерам! Дедушка, проследи! Курим по сигарете и сидим, ждем. Готовы? Витя, отбой.

Иллюминация погасла, и Лузгин моментально ослеп от навалившейся темноты. Витю и Муромского он не столько видел, сколько ощущал. Это должно было пройти, но первым впечатлением стала полная беспомощность.

— Ну что, забьем кабанчика? — сказал рядом Муромский.

— А? — Лузгин обрадовался живому голосу и хотел услышать еще.

— Купила бабка поросю. Кормила, растила, вымахал здоровенный хряк. А бабка-то старая. Выходит на улицу, глядит — трое поддатых мужиков идут. Она им — сынки, помогите, забейте кабанчика. Я, типа, не обижу. Те — бабка, давай полбанки авансом. Ну, бабка налила. Мужики приняли на грудь, и в сарай к хряку. И начинается там светопреставление: вопли, удары, визг свинячий, аж сарай трясется. Потом стихло все, мужики выходят, потные, довольные... Бабка — что, забили? А те ей — ну, мамаша, забить-то, конечно, не забили, но п... ды дали капитально!

Лузгин рассмеялся от души, немного даже чересчур.

– Ладно, я пошел, – сказал Муромский. – Задачу свою знаете. И ты, Андрей, когда начнется, умоляю, вплотную не лезь. Твое дело смотреть. Раз уж ты эту херню выдумал...

– Чего я-то? – буркнул польщенный Лузгин. Он помнил за Муромским нехорошую манеру – присваивать чужие идеи. И если уж захищевский бугор отметил его авторство...

Громадная фигура растаяла в темноте, стало неудобно, и тут же пришла мысль совсем противоположная – Муромский просто сомневается в успехе предприятия. Вот и напомнил, кому в случае неудачи работать козлом отпущения.

– А покурить-то надо, пока можно, – сказал Витя. – Покуривши – оно веселее. Не как выпимши, конечно, но все же, все же... Все же.

Витя перешел на едва слышный шепот. Лузгин насторожился.

– Все же курить лучше после... – услышал он.

Раздался характерный выдох. Забулькало. Еще один выдох, протяжный, немного сдавленный, но ощутимо расслабленный. Пахнуло сивухой.

– На.

– Ох. Ладно, давай.

Самогон у Вити как был всегда тошнотворный, так и остался. Но внутрь проскочил и назад не запросился.

– Вот теперь закурим.

Лузгина хватило лишь на то, чтобы утвердительно хмыкнуть. Говорить он не мог.

Тем не менее уже через минуту говорить захотелось. Очень. Вообще стало, как Витя и обещал, веселее. «Кажется, организму уже все равно, что пить, – подумал Лузгин. – Деградирую. Если охота затянется на неделю-другую, я, наверное, обрасту шерстью. Почему местные до сих пор не обросли шерстью? Это же удобнее. В баньке попарился, заодно и постирался. У Вити в сортире я видел стакан. Витя там с утра пивом лечился, без отрыва от дырки. Правильно, зачем далеко ходить?»

При воспоминании о сортире вдруг туда и потянуло. Неожиданно резко. За Витиным самогоном Лузгин такого побочного эффекта не помнил и озадачился.

«Выйти, что ли, пока не поздно? Да вроде терпимо. Вероятно, это у меня нервное. Медвежья болезнь в начальной стадии. Тело намекает: пора бы успокоиться. Ой, пора. Неспроста я перед Витей про кризис распинаялся. Странная вышла болтовня... Сдержанная мужская истерика. А ну-ка, подумаем о чем-нибудь абстрактном...»

В селе залаяли собаки.

– Началось, – сказал издали Муромский. – Ну, теперь... Вы поняли.

Прислушиваясь к шевелению в кишечнике, Лузгин поднял глаза и сквозь неплотный полог сети заметил несколько ярких звезд. «Однажды на месте Полярной окажется Вега. Увидит ли ее кто-нибудь с Земли? Почему я не верю, что увидит? И почему так мучительно хочется, чтобы это все же

случилось? Может, это просто еще одно тщеславное желание личной реализации? Ведь если человечество погибнет, мой труд пропадет зря. То, что я успел сделать, – малюсенькая крупинка в общем здании, но она все же присутствует, и я хочу, чтобы она... была. Хотя бы поддерживала другие крупинки. Уже достаточно. Живите, люди. Всякие-разные, умные и глупые, красивые и не очень, белые и черные – живите. Пока вы есть на свете, я не умер. Я же столько работал для вас! Рассказывал, какие вы есть на самом деле. Иногда делал вам приятно, но чаще больно. Не со зла, а чтобы вы менялись к лучшему. Пусть не всегда у меня получалось, да и не очень важно это, главное – живите. Хотя бы какие есть».

Протрезвел он еще резче, чем опьянел.

На душе скребли кошки, и снова хотелось выйти. И побольшему, и еще глобально – убежать к чертовой матери.

Коровы обеспокоенно топтались в стойлах.

Заблеяла овца, потом еще одна.

Лузгин вцепился в ружье. Ему показалось, что он слышит тяжелое дыхание за стеной.

А потом он вправду услышал – как по кирпичам шваркнули когти.

Опасливо выставив ствол перед собой, Лузгин посмотрел вверх и увидел на фоне темно-серого неба грузный человекообразный силуэт.

Кто-то сидел там на корточках и глядел со стены вниз.

Лузгин готов был поклясться: глаза у зверя желтые, и он

что угодно, только не животное.

Коровы звенели цепями и топали копытами, овцы уже просто орали дурными голосами. Лузгин, не дыша, смотрел на темную ссутулившуюся фигуру, медленно поворачивающую из стороны в сторону массивную голову.

Лузгин понимал, что не дышит, но дышать – не мог. Он бы сейчас удрал, если б не боялся подставить опасности спину. Еще помогало держаться воспоминание об интервью с одним профессионалом, который уверял: картечью хорошо расстреливать машины, это надежнее, чем автоматная очередь, пуля мало ли куда угодит, а дробовым зарядом из двенадцатого калибра ты просадишь дверь и вомнешь ее внутрь с противником вместе...

Худо-бедно, это успокаивало.

Скотина бесновалась. Зверь все принюхивался. Лузгин боролся с желанием по темному силуэту выстрелить, сбить его обратно за стену – черт с ним, пусть раненый уйдет, лишь бы перестал нагнетать страх, лишь бы можно было вздохнуть. Лузгин сейчас не чувствовал присутствия вокруг надежных опытных вооруженных людей. Он был со зверем будто один на один. И испытывал дикий ужас, по сравнению с которым померкли все известные ему страхи. Он вообще не предполагал, что может так бояться.

Зверь приподнялся на задних лапах и неспешно, будто в замедленной съемке – видимо, настолько у человека обострилось восприятие, – начал валиться вниз. Лузгин прикинул

возможную траекторию, шевельнул стволом, чтобы встретить им зверя в нижней точке полета...

И тут сообразил, что у него пять выстрелов в магазине и ни одного в патроннике. С утра перезаряжал, потом не было повода дослать патрон, а дальше Лузгин окосел, задумался... Забыл.

Рука лежала на цевье помповухи – а где ей быть еще? Движение вперед-назад заняло бы четверть секунды максимум.

Зверь прыгнул.

Лузгин обосрался.

\* \* \*

Увесистая туша ухнула в сеть, потеряла равновесие и с хрустом вломилась в гнилые доски пола. Вспыхнули лампы. Четверо мужиков, пинком распахнув ворота, бросились на улицу, затягивая горловину кошелья. Остальные подскочили к бьющейся в сети фигуре и принялись исступленно молотить ее прикладами, а кто похитрее да посмелее – зараннее припасенным металлоломом.

Сквозь невообразимый гвалт прорвался оглушительный рык, и тут же – отвратительный вой.

Лузгин, держа обеими руками брюки, выскочил со двора и скрылся за углом, взяв курс на водонапорную башню, к знакомому с детства крану, откуда всегда текло.

Мало того, что он провалил ответственную задачу сторон-

него наблюдателя, еще и ружье бросил.

И на дальнейшую судьбу зверя Лузгину сейчас было категорически наплевать.

Хотя, судя по доносящимся со двора звукам, стоило бы этим озаботиться. Там кое-кого забивали – ой, не как кабанчика из анекдота, а конкретно, до состояния домашней колбасы. Мясо в кишки заколачивали.

Испытывая жуткий стыд и почему-то редкостное облегчение, Лузгин добежал до крана, разделся, отмылся, кое-как вычистил штаны, трусы зашвырнул в ночь, прикурил сигарету и постарался успокоиться. Его трясло. Надо было немедленно возвращаться, но делать этого не хотелось совершенно, и сил хватило лишь на то, чтобы пойти назад раздумчивым неспешным шагом.

На совхозном дворе бляло, мычало, выло – и смачно, с оттягом, било твердым по твердому, но живому.

Материлось еще. Радостно, звонко, душевно, как обычно русский крестьянин восхищается собственной работой, которую сделал хорошо.

Сам двор со стороны выглядел фантастически – длинное грязно-белое здание, из которого вверх уходит даже не столб, а параллелепипед электрического света.

И били там, и били – и били, и били.

– Рррр-а-а-а!!! – кричал зверь почти человеческим голосом. – А-а-а!!! У-у-у!!! Гррр... Ы-ы-ы!!!

Судя по всему, он уже на отдельные удары не реагировал,

а просто орал в предсмертной тоске. Потому что когда тебя забивают, в некий момент приходит осознание – забивают к чертям собачьим или поразвлекутся да бросят. Зверь, похоже, решил, что уж его-то, ясен пень, на хрен забьют.

– А ты бы раньше подумал! – грозно заявил Лузгин, появляясь в воротах эдаким героем-победителем: руки в карманах, сигарета к губе прилипла. Заявил, глянул на зверя – и опешил.

Желудок прыгнул к самому горлу. Сигарета выпала изо рта. Лузгин поперхнулся, закашлялся...

Его стошнило.

\* \* \*

Витя нашел Лузгина у подножия водонапорной башни. Тот нервно курил, в промежутках между затяжками тихо подвывая от жалости к себе.

Витя дышал, казалось, чистым самогоном. Лузгин тяжело сглотнул.

«Он, наверное, этой гадостью еще и кончает», – пришла в голову безумная мысль.

– Жахни, – предложил Витя, протягивая бутылку.

– На х... й!!! – заорал Лузгин, вскакивая и отпрыгивая назад.

– Чего-то ты, Андрюха, сегодня расстроивши, – миролюбиво заключил Витя. – Прямо с самого утра. Ну, ладно.

Это... Будешь тут куковать или ко мне пойдешь? Все одно концерт закончивши.

– Концерт... – буркнул Лузгин, затапывая сигарету. – Шоу уродов. Славный парень Андрюха и его дрессированные внутренности... Из чего ты свое пойло гонишь, дядь Вить?

– Как из чего? Из меда, конечно. У меня же пчелы, забыл?

– Уфф... Ну, вы как там вообще?

– Да ничего, – уклончиво ответил Витя.

– Скотину по домам сейчас?

– Не-а, темно. До утра оставим. Зверя оттащим подальше, чтобы не вонял. Привяжем, вон, прямо к водокачке.

– Было бы чего привязывать...

– Так он живой, зверь-то.

Лузгин вытаращил глаза и шумно рыгнул. Снова зашевелился желудок, слава богу, пустой – только одарил ночь си-вушным факелом.

– Он дышит, зараза, – пояснил Витя. – Вломили мы ему знатно, убить могли, а он дышит. Образина, мать его.

– Не то слово, дядь Вить. Чудовище, блин. Я уже жалею, что уговорил вас поймать его.

– Ерунда, привыкнем, – оптимистично заявил Витя. – Ты Ваню Русского помнишь? А Гошку? Тоже были... красавцы редкие. Я однажды на Гошку бревно уронил – бум его в канаву, а он там спавши. Рожу высунувши – ну, думаю, привет, уважаемый Кондратий. Ей-ей, чуть не помер.

– Бабушка рассказывала, – вспомнил Лузгин, хватаясь за малейшую возможность говорить не о звере. – Просыпается однажды на рассвете с ощущением, что в доме кто-то лишний. Открывает глаза, а перед ее кроватью стоит на коленях мужик с искаженным лицом. Она ему – Гошенька, бедный, что с тобой случилось? А он ей – тетка Нина, дай рубль! М-да... Привыкнем, говоришь? Ваня с Гошкой люди были. А эта нечисть – что она? Сказать? А? Объяснить тебе, чего нас от нее колбасит? Проклятье, да я хоть сейчас пойду и отстрелю ему башку! Привыкнем...

– Лучше осиновый кол в сердце, – посоветовал Витя.

Зрение Лузгина адаптировалось к темноте, и он хорошо видел, какое у собеседника выражение лица. Серьезнее некуда. Интонации-то Витины были всегда чуть дурашливые, не поймешь, шутит или как.

– Это вервольф, – сказал Лузгин. – Знаешь слово?

– Знаю.

– Оборотень. Ты мог представить, что они бывают?

– Влегкую.

– Дядя Витя, не валяй дурака! Ну чего ты...

– Андрюха, мы люди деревенские, темные, суеверные, с любой херней готовы согласиться – догадываешься, почему? А с волками рядом живем. С медведями. Видим разное, чуем всякое. Не боимся его обычно. Мы привыкли. Если кто ночью вокруг дома ходит – собака лает, и я с ружьем на улицу. Потому что мой дом. Но место-то общее, и наше, и ихнее.

Мы хозяева, и они, в общем, тоже хозяева. Вот. Этот зверь, он – другой. Он не отсюда, я думаю. Издалека пришедце.

– Перестань называть его зверем, дядь Вить. У него должно быть человеческое имя. И фамилия. Я одного не понимаю – какого черта он бегаёт в шкуре и всех жрет, ведь полнолуние давно прошло! Или это какой-то ненормальный оборотень, или мы о них ни черта не знаем. Ох... Вот же угодзило!

Подошел Муромский. Собственное ружье висело у него на плече, под мышкой торчала лузгинская помповуха.

– Ну что, засранец! – весело сказал он. – С боевым крещением!

– О-о... – простонал Лузгин, отворачиваясь.

– Не ссы, Андрюха, бывает, – утешил его Витя. – Нас однажды минометами накрывши – целый взвод в штаны наклавши. Дружно.

– Ты же не воевал! – усомнился Муромский.

– А в Советской Армии воевать не надо было, чтобы снаряд на башку упал. Сам не помнишь? Американцы и те до сих пор по своим долбят, чего уж про нас-то...

– Это да, согласен. Андрей, держи ружье, и правда, не ссы. Дело житейское. Все перепугались. Чуть насмерть зверя не забили со страху. Насилу я прекратил это безобразие. Главное, людей оттаскиваю, а сам так бы и треснул гада лишний раз ломом по морде. Но крепкий он, сука! Думаю, у него все кости целы. Разве что пара ребер того. Его пульей надо в го-

лову.

– Серебряной, – подсказал Витя.

– И обычная сойдет. Но мысль твою я улавливаю. Андрей, что скажешь? Вервольф?

Лузгин молча кивнул.

– Фантастика, – сказал Муромский. – Прямо кино. Был американский оборотень в Лондоне, а теперь русский в Зашишеве. Вот этого говна нам для полного счастья не хватало. Ведь не поверит никто! И вообще – ну, поймали. И что теперь с ним делать? И что сделают за это с нами? Он же, сука, наверняка секретный! Думаешь, он сам по себе зародился? Щас!

– Секретный, не секретный – по фигу. Сейчас он наш. Вот и пристроим его на пилораму – бревна ворочать, – предложил Витя. – Я не шучу. А там видно будет.

Муромский посмотрел на Витю с сомнением. Принюхался.

– Как, вы говорите, ваша фамилия? – осведомился он елеинно. – Бухой?

– Ошейник ему надо железный и цепь, – упрямо гнул свое Витя. – На ноги кандалы, чтобы не разбежался. На руки тоже придумаем что-нибудь. Скажи Сене, чтобы кузню раскочегаривал. Все равно сегодня не спать.

– Зачем кузню? – спросил издали Сеня.

Лузгин вдруг осознал, что вокруг тихо. Наконец-то. Даже овцы на дворе не блеяли. То ли свыклись с присутствием

зверя, то ли впали в ступор.

– Дедушка, а дедушка! Тут Витя придумал – на пилораму зверя, чтобы бревна катал.

– И правильно, милоч. А что еще с ним делать?

– Совсем с ума посходили... – бросил Муромский недовольно. – Андрей, хоть ты меня поддержи. Нельзя это чудовище в селе держать. А как его и куда... Не представляю.

– В городе есть лаборатория «Кодак-экспресс»? – спросил Лузгин. – Должна быть хоть одна.

– Целых две, – сказал Муромский. – В городе теперь все есть. Вплоть до ночного клуба и Интернета. А через месяц обещают из Москвы привезти мужской стриптиз. Бабы уже деньги считают. Ничего развлечение – пидарасам в трусы купюры засовывать? Свою не пушу, бля буду.

– Ну чего, я в кузню пошел? – спросил Сеня.

– Иди уж, – вздохнул Муромский. – Забирай этого... мечтателя и иди. Зверя мы вам прямо к горну доставим. Хоть всего в железо упакуйте. Намордник бы ему, да рожа плоская, бульдожья... Я сейчас машину подгоню, зацепим его – и волоком...

Витя кивнул Лузгину и ушел вместе с Сеней в село.

– Дедушка грустный, – сказал Муромский тихонько. – Дедушка о зверя приклад сломал. Два раза. У своего ружья, а потом у чужого! М-да... Так зачем тебе «Кодак», Андрей?

– Пригодится, – заявил Лузгин уверенно. Он бы мог объяснить свой интерес к фотолаборатории прямо сейчас, но

ему хотелось Муромского немного помучить. В отместку за «засранца».

– Лишнего спрашивать не буду, – Муромский зевнул. – Ваши журналистские профессиональные секреты... Сам расскажешь, когда время настанет. Ладно, надо руководить, пока все не перепились в жопу.

– Пойду, что ли, с вами. Посмотрю...

– Теперь-то бояться тебе нечего, – многозначительно сказал Муромский, подавляя смех.

– Это Витин самогон виноват, – буркнул Лузгин, шагая рядом. Оправдываться было противно, но – очень хотелось.

– А ты его не пей больше. Захочешь накатить, ко мне приходи, я налью сколько угодно. У меня качественный национальный продукт. Двойной перегонки и тройной очистки. Почувствуешь разницу.

– С детства меня волнует один вопрос. Чего они-то дважды не перегоняют и совсем не чистят, а? Неужели просто от жадности? Как из крантика закапало – тут же присасываются?..

– Именно, Андрей. Именно от жадности. Ты поставь им самой лучшей водки, они скажут: ох, хороша! А когда водка кончится, будут хлестать смагу за милую душу. И попытаться самостоятельно приблизиться к высокому стандарту – ни-ни. Зачем? Им что бухло, что пулемет, лишь бы с ног валило.

Муромский подумал и добавил:

– Хотя люди в общем и целом очень хорошие. Такой,

блин, нюанс!

\* \* \*

У вервольфа оказалась роскошная шерсть – темная, почти черная. Даже сейчас, изгвазданная, свалывшаяся, местами ободранная, залитая кровью, она производила впечатление.

Больше в его внешности найти что-то положительное было решительно невозможно.

С первого же взгляда на это существо тянуло плевать и убивать.

Порвать на куски, хоть зубами. Стереть с лица земли. А потом сделать что-нибудь с собственной головой, чтобы не мучиться остаток жизни ночными кошмарами.

Комплекцией вервольф напоминал мальчишку-подростка, правда, очень ширококостного и тяжелого. С отвратительно худыми и жилистыми конечностями, мерзко вывернутыми в суставах. Причем если туловище и ноги шерстью заросли густо, то плечи, например, были почти голые, лишь местами на них красовались черные клочья. Очень странно выглядела стопа – когтистая и ороговевшая, чем-то она походила на птичью лапу. И кисти рук были... Тошнотворны. Лузгин поймал себя на том, что не смог бы описать их на бумаге.

Морда и вправду бульдожья, плоская, с торчащими нару-

жу клыками, тяжелыми брылами – гадкая черная морда.

Одни уши были вполне человеческие, разве что сильно в шерсти, зато на подходящих местах, по бокам головы.

– А глаза желтые, – сказал Муромский. – А кровь почти черная...

Лузгин сплюнул.

Вервольф лежал неподвижной тушей, и только бока чудовища едва заметно шевелились. Спеленали его умело – руки за спину, ноги заломлены и примотаны к рукам. Проволокой.

– Кобель. Вишь – яйца? Ох, получил он по ним сегодня... За все хорошее.

Лузгин сплюнул еще раз.

– Надо бы в зубы ему чего-нибудь, – решил Муромский. – Ну-ка...

С неожиданной ловкостью он махнул ногой и всадил каблук оборотню под ребро. Лузгин удивленно покосился на отставного моряка. Удар был хорошо поставленный и не простой, спецназовский, из тех, какими ломают хребты вражеским овчаркам.

Вервольф тихо охнул, пустил слюни и размазался по полу.

– Я думал: а если он придушивается, – объяснил Муромский. – Ну здоров, чертяка. Точно, на пилораму его! Эй, народ! Там обрезок трубы валялся, суньте ему в зубы, проволоку внутрь пропустите и на загровке смотайте. А я за машиной пошел. Сейчас устроим... доставку товаров населению.

Лузгин закурил и прислонился к ограждению стойла. В ухо тепло и влажно дышала сонная корова.

– Узнать бы, кто ты... – пробормотал Лузгин тихонько, глядя на вервольфа и напряжением всех сил заставляя себя поверить: это не сон. – Хотя бы откуда. И раскрутить цепочку. Я ведь умею. Могу. Выяснить, что с тобой случилось. Мне ведь тебя почти жалко, парень. Я не плохой, не злой. Просто... Какой же ты отвратный!

Подошел и встал рядом Юра Яшин.

– Да, – сказал он, – такого мочкануть не грех. Но знаешь, какая штука, Андрюха? Слушай. Мы, когда его месили, были все точно голову потерявши. А он в один момент из сети-то почти вылезши, лапу высвободивши. Ох, хорошо отмахнуться мог! И меня достать, и Сенька по чану точно бы огреб. Муромский ему по суставу ломом, да поздно. И вот я думаю теперь – а чего зверь нас не тронувши, а? И раньше – собаки, овца... Ты ж не знаешь, его на той неделе баба Вера поленом огревши. Думала, мужик пьяный на двор залезши. Сама потом от страху чуть не окочуривши...

– Мелковат он для взрослого, тебе не кажется? – спросил Лузгин.

– Слушай, да, пацан, – сказал Юра уверенно. – Лет четырнадцать.

– И все-таки в округе были человеческие жертвы.

– Это не его.

– А кто же тогда?

– Городские, кто...

– Ох, не любите вы городских!

– Слушай, фигня это, – не согласился Юра. – Мы к городским нормально. Нам с ними друг без друга никак. В Зашишевы каждый второй наполовину из города – либо там работавши, либо еще чего. Не в этом дело совсем.

– Ладно, замнем. В любом случае, вот кто все знает. Допросить бы! Если в нем осталось хоть что-то еще человеческое... Но я боюсь, с такой собачьей рожей он не в состоянии говорить. И не факт, что он вообще помнит, как это делается.

– Слушай, ты ему ксиву свою предъяви, – предложил Юра. – Скажи: я корреспондент московской газеты, нарочно сюда приехавши, чтобы взять у вас интервью. А? Слушай, он сразу вспомнит, как разговаривают!

– Любите вы, Яшины, над людьми издеваться, – буркнул Лузгин.

– Слушай, да я от чистого сердца посоветовавши! – тоном оскорбленной невинности сообщил Юра и отошел, сдавленно хихикая.

– Так и сделаю, – пообещал Лузгин ему вслед.

Оборотень вдруг напрягся всем телом, громко хрюкнул и снова расслабился, затих.

– Фу... – выдохнул Юра, опуская ружье.

Лузгин потер грудь в области сердца.

– Вот же пакость! – сказал он. – Даже сейчас напугать в со-

стоянии.

– Трубу-то ему в зубы точно надо, – вспомнил Юра. – Мало ли...

– Зубы – выбить! И когти вырвать.

– Слушай, Андрюха, пожалей мальчишку.

– Мальчишку?! – взвился Лузгин.

– Чего-то ты сегодня расстроивши, – в точности повторяя недавнюю фразу брата, заметил Юра.

– Мое дело маленькое, – сказал Лузгин твердо. – Суйте ему хоть трубу, хоть лом. Хоть в зубы, хоть в жопу. А я к себе пошел. Хватит с меня на сегодня. Могу ведь и вправду расстроиться!

Он вышел со двора и побрел по едва заметной тропке коротким путем в Зашишевые. На душе было крайне мутно. Связанный и измороженный до потери сознания, вервольф все равно страшил Лузгина. Уже не столько внешнею, сколько фактом присутствия здесь, на родной земле. Спокойно осознать ситуацию и жить в ней, как это делали местные, не выходило. Сложившаяся за тридцать лет единая картина мира оказалась грубо взломана. Лузгин более-менее представлял себе, как дальше придется действовать, но все еще не мог принять, что происходящее ему не снится.

А ведь не снилось.

## Глава 2

Проснулся Лузгин от человеческого крика. Орали где-то посреди села, на много голосов. Слова разобрать было невозможно, но, судя по общей интонации, – собирались убивать. Лузгин знал, как в Зашишевые кричат перед дракой. Нынешнее орово тянуло на большее, чем тривиальный мордобой по-соседски.

Еще собаки лаяли. Опять. И бабы голосили.

Это начинало действовать на нервы. Он приехал в Зашишевые за тишиной и покоем. И выдерживать ежедневно такую свистопляску в его планы не входило.

Лузгин рывком сел в кровати, схватился за голову, упал обратно.

– О-о-о... У-у... Сволочи. За что?!

И тут он вспомнил события прошедшей ночи – сразу все.

Одновременно стало больно, стыдно, противно и... любопытно.

Проклиная себя, оборотня, Витину самогонку, местных оптом, Муромского отдельно и вообще жизнь, Лузгин кое-как поднялся на ноги, похлебал из ведра холодной водички, быстро оделся, схватил ружье и выбежал на улицу.

Напротив дома Муромского посреди дороги бушевал пыльный смерч, а внутри его активно шевелилась куча-мала человек на десять.

– Пассатижи, блядь! – орали из кучи начальственным голосом. – Пассатижи, блядь, держи! Крепче!

К обочине приткнулся древний, но еще крепкий на вид «Форд Сьерра». От машины внутрь кучи уходил трос, дергающийся и извивающийся, как змея в агонии.

Супруга Муромского, могучего сложения женщина, стояла на крыльце, и в тональности милицейской сирены, без малейшей паузы на вдох, кричала что-то вроде «ой, чего делается, убивают, гады, пидарасы, остановите их, мудаков, кто-нибудь».

– Палец! Палец ему! Перехвати!

– Ой-ё-о!!!

– Андрей! – донеслось с крыльца. – Стрели! В воздух стрели!

Лузгин не стал раздумывать, а просто сделал, что просили, – дернул помповуху за цевье и нажал спуск.

Бахнуло так, что заложило уши и заломило виски.

«О, черт! Это после вчерашнего. Ей-ей, пить брошу».

Куча-мала распалась, открыв скрючившегося вервольфа, подобравшего под себя все четыре конечности. На Лузгина уставились бешеные глаза мужиков.

– Ты какого хрена... – начал было Муромский.

– Какого хрена?! А за каким... вы его сюда приволокли? – перебил Лузгин. – Зачем он здесь?

– Тебя спросить забыли!

– Слушай, Андрюха, он Пирата зашиб, – вклинился Юра.

Лузгин огляделся и увидел на обочине кучку шерсти с лапками и хвостиком.

– Пират набежавши, прыгнувши, а он его...

– И кто виноват? Тот, кто собаку с цепи спустил? Или тот, кто средь бела дня опасную тварь по улицам таскает?

– Ишь ты, как завернул! – Муромский растолкал народ, поднялся на крыльцо, грубо оттер жену и скрылся в доме.

Лузгин шмыгнул носом и достал сигареты. Все было ясно. Бугру понадобился небольшой триумф. Он решил на буксире протащить вервольфа по улицам села. И доигрался. Подставил собственного пса.

Лузгин подошел к вервольфу поближе. Разглядел железный ошейник, крепкие цепи... Кандалы оборотень прятал под собой вместе с руками-ногами.

Когти ему рвать собирались, не иначе.

От черной шкуры осталось лишь воспоминание, теперь это был один сплошной колтун серо-желтого цвета. На песке Лузгин заметил несколько крупных темных пятен.

А еще вервольфа била мелкая дрожь.

– Эй! – позвал Лузгин с безопасного расстояния. – Ты живой вообще?

– Слушай, хули ему сделается? – бросил Юра.

– Игрушку нашли? Вы зачем его ловили, а? – Лузгин постарался быть убедительным, сейчас все зависело от того, удастся ли ему запудрить мозги озверевшим крестьянам. – Вы Зашишевы прославить хотели, кажется. Сами героями

заделаться собирались. Денег заработать. Хороши же из вас герои, ничего не скажешь...

– Агитатор, бля! – крикнул Муромский, спускаясь с крыльца. В одной руке у него был тяжелый молоток, в другой – здоровенные клещи. – А ну, кончай демагогию! Нашел за кого заступаться!

– Да как тебе не совестно, живодер ты эдакий! – вступила жена.

– Он нашего Пирата убил!

– Знаю, что убил! Не нарочно ведь!

– А ну пошла в дом, зараза! – прорычал Муромский, резко понизив голос. Это возымело действие – жена с крыльца испарилась мгновенно.

– Значит, когти я ему вырву, – будничным тоном сообщил Муромский, подходя к собравшимся. – Ну-ка...

Вервольф перестал мелко дрожать. Его заколотило.

Муромский собирался еще что-то сказать, но осекся.

Лузгин, чувствуя, что сам тоже сейчас весь затрясется, выставил в сторону Муромского ладонь.

– Видел? – спросил он громким шепотом.

– Зубы до следующего раза оставим, а когти – извините...

Лузгин не мог понять, играет Муромский или нет. Как любой настоящий лидер, тот обладал качествами почти несовместимыми – умением переть танком до полного упора и способностью мгновенно ориентироваться в меняющихся обстоятельствах.

– Взяли, перевернули, – скомандовал Муромский.

Вервольф застонал и... расплакался. Больше всего это было похоже на жалобное нытье очень маленького ребенка.

– И такая пое... ень – целый день! – провозгласил некто, проламываясь сквозь придорожные кусты. – Вы чего, мужики, совсем охреневши?

Лузгин с облегчением вздохнул. Сейчас он готов был простить Вите Яшину все – даже регулярное злостное нарушение правил самогоноварения. Лишь бы тот переломил ситуацию.

Вервольфа ухватили за бока и кувыркнули на спину. Тот не сопротивлялся, только ныл и пытался спрятать лапы. Железной трубы у него в зубах уже не было – проволока, наверное, размоталась, пока оборотня таскали по селу. Лузгин не заметил слез на изодранной в кровь черной морде, но готов был голову прозакладывать – существо действительно плачет.

Еще стало ясно, насколько же оборотень маленький. Самому невысокому из мужчин он едва достал бы до плеча.

– Бугор, а бугор, – позвал Витя с приторным миролюбием, выходя на дорогу. – Чегой-то ты нынче круто взявши.

– Разберемся, – буркнул Муромский, наклоняясь над вервольфом и щелкая клешнями.

– Дя-а... – проныл оборотень. – Не-е...

– Чего-о?!

Впервые Лузгин увидел Муромского по-настоящему опе-

шившим.

Впрочем, от услышанного обалдели все.

Кроме Вити.

– Он говорит: дядя, не надо, – перевел Витя очень спокойным тоном.

– Не-е... Дя-а... Не-е... Дя-а... Не-е...

Глаза вервольфа были крепко зажмурены, он выстанывал свое «дя-не», как заклинание, чуть мотая вобранной в плечи головой.

Муромский выпрямился, поглядел растерянno на Витю, потом на Лузгина... и вдруг лицо его озарила торжествующая ухмылка.

– Расколос гада! – сообщил он гордо. – Вот как это делается. Желających с ним побазарить – милости прошу. Закурить дайте мне кто-нибудь.

Протянули сразу несколько пачек. Лузгин показал издали «Парламент» и угадал – Муромский со словами «А ну-ка, угостимся с барского стола» подошел к нему. Старательно пряча бегающие глазки.

Никого он, конечно, специально не раскалывал. Просто хотел в припадке жестокости выдрать оборотню когти. По-человечески Лузгин его, в общем, понимал. Но что-то подсказывало: мучить пойманное существо дальше некоторого предела нельзя.

Не потому, что ты сам окажешься хуже зверя – кого волнует философия, когда руки сами тянутся к железу... А вот

довольно. Точка. Одна глава прочитана, начинается совсем другая.

– Ловко сделано, – сказал Лузгин.

– Дык! – кивнул Муромский, наклоняясь к зажигалке.

– Я все думал, это игра или нет. Прямо испугался.

– Пирата жалко... А так – конечно, игра. Что же я, и вправду живодер?

Боковым зрением Лузгин поймал насмешливый Витин взгляд. Не удержался и подмигнул.

Вервольф продолжал жалобно ныть. Витя осторожно ткнул его носком сапога в плечо.

– Хватит тебе, – сказал он. – Больше не тронем. Если с нами как с людьми, мы тоже как люди. Эй, пацан! Завязывай.

– Слушай, братка, а вина ему! – предложил Юра. – В пасть. От нервов.

– А есть вино? – мигом встрепенулся Витя, оглядывая собравшихся.

– Не надо! – поспешил встрять Лузгин. – Свернет ему башню, сами пожалеем. Лучше просто отойдите. Он же вас боится. К вон тому столбу трос принайтуите, а сами хотя бы шагов на двадцать в сторону. Я тут останусь, если вы не против. Я, кажется, единственный, кто его не тронул еще. Может, это подействует?

– Дело говорит, – признал Муромский. – Но к столбу не тросом, я лучше цепь принесу и замок. А сами – ко мне на лавочку. И не близко, и слышно будет, как Андрюха его раз-

говорит.

– На быстрый результат я бы не надеялся, – помотал головой Лузгин. – Ему успокаиваться час. И учиться говорить – неделю. Если это возможно в принципе. И вообще... С чего мы взяли, будто он понимает нашу речь? Может, он считает каким-то образом сами намерения. А «дядя, не надо» – единственное, что у него в мозгах осталось от прежней жизни...

Тут Лузгина озарила неприятная догадка – а озвучил ее сообразительный Муромский.

– Если там вообще что-то имелось, в мозгах этих! – сказал он брезгливо. – Вдруг он был алкаш, бомж или умственно отсталый... Обидно получится, столько усилий зря. И Пират – зря. А могли расстрелять и не париться.

– Расстрелять никогда не поздно никого, – буркнул Витя. – Цепь свою неси, расстрельщик. А замок у тебя какой?

– Какой надо замок. Ему не по зубам. Сейчас я. Давайте это... чудо пока к столбу.

Успокоился вервольф действительно не скоро. Зато Лузгин, сидя рядом на краю придорожной канавы, успел к нему попривыкнуть. До того, что уже не подташнивало.

Мужики на лавочке заскучали, притащили вместо стола ящик, надергали с огорода закуски и принялись, как это здесь испокон веку называли, «отдыхать». Зашишевые постепенно возвращалось к нормальной жизни, шевелилось, производило затейливые деревенские шумы. Издали, от самых

Крестов, за вервольфом подглядывали ребяташки. Потом им надоело, и они стайкой упорхнули к озеру. Сеня, которому жена объявила принудительный мораторий на пьянку, у себя в огороде поливал из шланга грядки. В прогал между домами видно было, как невдалеке на пригорке дрыхнет пастух и лениво бродят коровы.

Вервольф лежал на боку, крепко прижав к груди скованные передние лапы – назвать их руками Лузгин не мог себя заставить. Глаза оборотень так и не открыл. Зато дышал ровно. И не спал. Лежал, отчаянно трусил, ждал развития событий.

– Теперь все будет хорошо, – сказал Лузгин, прислушиваясь к мерному дыханию вервольфа. – Тебе больше нечего бояться. Я хочу говорить с тобой. Если понимаешь меня, кивни. Не разучился кивать-то?

Голова оборотня немного склонилась.

– Мы правильно догадались – ты просил: «Дядя, не надо»? «Да».

– Дядя не будет, я тебе клянусь. А как мы скажем «нет»? Оборотень довольно живо помотал головой.

– У тебя есть имя?

– В-ва!

Лузгин от неожиданности дернулся.

– Чего там? – крикнули с лавочки.

– Нормально все, погодите! Эй, ну-ка, повтори.

– В-ва.

– А неплохо получается. Расскажи мне что-нибудь.

Оборотень, давясь и булькая, выдал нечленораздельную фразу слов на пять и очень по-человечески обиженно застоялся.

– Научишься, – пообещал Лузгин, сам себе не веря. – Давай еще немного поиграем в «да – нет». Согласен? Отлично. Ты помнишь счет времени? Годы, месяцы?

Оборотень качнул головой из стороны в сторону.

– Ах, вот как... То есть, сколько ты прожил в таком состоянии, не можешь сказать?

«Нет» и жалобный всхлип.

– И все же ты гораздо больше человек, чем зверь. Я сейчас говорю с человеком, верно? И зовут тебя... Вова?

Оборотень приоткрыл глаза. Находиться под его взглядом было неприятно, хотя не так, как вчера. Или Лузгин терпелся, или из вервольфа частично выбили зверскую сущность, а может, и то, и другое сработало.

Только оставалось гаденькое ощущение, что смотрят желтые глазки человеку прямо в душу.

– В-ва, – сказал оборотень и часто закивал. Если Лузгин верно его понял – закивал радостно.

– Точно Вова?

«Да», «да», «да».

– Ну, привет. А я Андрей. Значит, слушай. Я стану говорить медленно, а ты кивай, если понял, и мотай головой, когда не поймешь. Ты пока что будешь жить здесь, в этом селе.

Тебя будут кормить и не будут обижать. От тебя нужно одно: ты больше никого не тронешь. Задавишь хотя бы курицу – простишься с когтями. Ну ладно, не нервничай. Скажи, пожалуйста, ты по-разному чувствуешь себя ночью и днем? Когда темно, хочется охотиться, убивать? Ага. Просто есть хочется, да? Ты поэтому не трогал людей? Люди не еда? Погоди, я по-другому спрошу. Честное слово, все останется между нами, просто мне очень нужно знать – ты уверен, что никогда не нападал на человека? Та-ак... Здесь – я повторяю: здесь ты не убивал людей? В окрестностях этого села? А у города? Знаешь, что такое город? Знаешь, где он? Ну? А в самом городе? Точно? Ты вообще откуда пришел? Секундочку, а ты писать умел когда-нибудь?..

Оборотень послушно зачеркал когтем по песку, но вышло у него хаотичное переплетение линий, пародия на букву «ж». Он раздраженно вякнул. «Осваивается», – подумал Лузгин.

– Помнишь, сколько тебе было лет, когда это началось? Когда ты стал меняться?

Снова знак «не уверен».

– Примерно хотя бы. Погоди! Ты считался взрослым? «Нет».

– Десять? Одиннадцать? Двенадцать? Тринадцать? Четырнадцать?

Оборотень застонал и снова заплакал. Даже немного побился головой о дорогу. Лузгин напряженно размышлял. По-

хоже, существо теряло самообладание, когда начинался счет. При этом оно отличало день от ночи, город от деревни, человека от курицы...

– Сколько пальцев? Эй! Сколько пальцев?

Два кивка.

– А сейчас?

Три.

– Сколько тебе лет?

– Ы-ы-ы-ы... У-у-у!!!

Прибежали с лавочки мужики.

– Ты его довел, – констатировал Муромский. – И меня тут называли живодером?

– Что-то с ним категорически не так, – сказал Лузгин, поднимаясь на ноги и отряхивая штаны. – Впрочем, я не был готов к разговору. Надо подумать, составить вопросник... Главное – подумать. И парень намерен сотрудничать. Вова, язви его. Простой русский вервольф. Писать умел. Считать может. А как называю цифры – его клинит. За этим наверняка кроется нечто. Понять бы, что... Слушайте, мужики, сообразите ему пожрать. Кашки, супчику хотя бы. Он давно голодный, к ночи может с собой не совладать и начнет рваться с цепи. Нам это надо?

– Вовчик! – позвал Витя заметно пьяным голосом. – Кушать хочешь? А? Вовка, твою мать! Не слышу ответа. Ну-у, мальчик расплакавши...

– Мальчик, бля! – фыркнул Муромский. – Хорошо, не де-

вочка.

– Почему? – удивился Лузгин.

– Убить будет легче, если что.

– Он не даст повода, – сказал Лузгин убежденно.

– Ответишь? – прищурился Муромский.

– Если он поселится на самом краю села – почему нет? К моему дому его, там как раз последний столб рядом. Я и присмотрю за парнем, и разговаривать с ним буду.

– Слушай, это он пока на солнышке перегревши – смирный, – предположил Юра. – Ночью-то, по холодку, как бы чего не натворил.

– Вот я и говорю – пожрать ему надо. А потом, куда он денется с цепи? От столба-то?

– Столб там херовый, – авторитетно заявил Витя. – Сгнивши. Зверю на ползуба. Да я его сам перегрызу.

– Сам поставил, сам и перегрызу, – ввернул Юра.

– Когда было-то? Лет двадцать уже. В общем, столб херовый. А надо знаете чего? Трактором подтащить ту чушку бетонную, которая у дороги валяется. Она как раз с проушиной. И весит килограмм двести. Будет якорь, ха-ха!

– Разумно. Короче, Андрей, кормежку и привязь мы обеспечим, но поведение зверя под твою ответственность, – заключил Муромский. – А то у нас разговор простой будет. Пулю в лоб, и баста.

– Лично застрелю, – сказал Лузгин жестко. Надоело ему спорить и выторговывать условия. – Ясно?

– Застрелил один такой... Видали мы ночью, как ты стреляешь. Из главного калибра! Без промаха! Гы-ы! Ладно, молчу. Сейчас все организуем. Это хорошо, что ты его на себя берешь, а то нам поработать не мешало бы.

– Беру... – вздохнул Лузгин. – Взял на себя и с честью несу. Проследите, чтобы на мой край детишки не шлялись. И всякие домашние животные. Да и сами тоже... не отсвечивайте.

– Когда он тебя жрать будет, кричи громче, – посоветовал Муромский. – А то ведь не услышим.

– Кажется, он кого-то убил в самом начале. И с тех пор этого не делал. Надеюсь, и дальше не собирается.

– Ты ему веришь? – Муромский снисходительно улыбнулся.

– Я своим ощущениям верю. Это чудо природы было раньше человеком. И если обращаться с ним правильно, оно захочет снова человеком стать. Вряд ли у него это получится, но оно хотя бы расскажет нам свою историю. Как сможет, так и расскажет. Если сможет.

– М-да... Он расскажет, а ты запишешь... Бред!

– В чем проблема? – напрягся Лузгин. Муромский опять поворачивался к нему какой-то совершенно новой стороной.

– Ты, конечно, прости, но недаром я говорил: журналисты все е... анутые. Верят во что угодно. И пишут, и пишут... То-то меня от газет воротит. Сил нет читать. С самой перестройки одно говно. Будто это жулики печатают для идиотов.

– Газеты ему не нравятся... А ты ящик смотри! – огрызнулся Лузгин. – Если читать кишка тонка.

– Мы же договорились: про кишки ни слова! – напомнил Муромский и довольно заржал.

Лузгин секунду-другую поразмыслил и Муромского красиво уел. Потому что вместо ответной колкости сказал просто:

– Ну, я пошел. Отдохну немножко. Вы, значит, это... действуйте.

И вправду пошел досыпать.

– Вот жопа! – бросил Муромский ему вслед почти что с восхищением.

\* \* \*

Строго говоря, приковали оборотня все равно к столбу. Та самая «чушка с проушиной» оказалась здоровым куском железобетона, обломком мачты низковольтной линии, которую еще при социализме хотели пробросить от Зашишевьа дальше, да передумали.

– Не сдвинет? – усомнился заспанный Лузгин. – А-а, да хрен с ним, главное, в дом не залезет с таким якорем на буксире.

– Без шума не залезет, – многозначительно заметил Муромский.

Словно в воду глядел.

Посреди ночи вервольф принялся теребить цепь. Лузгин в окно посветил фонариком, прикрикнул: «Вот я тебе щас!», наткнулся на тяжелый желтый взгляд и счел за лучшее спрятаться. Банально струсил. Там, на улице, шуровал отнюдь не испуганный мальчик Вова. Хотя и не жестокая смертоносная тварь. Нечто среднее.

Оно хотело на волю и просило не становиться у него на пути. Всего лишь просило. Не нагоняло ужас на все живое, как прошлой ночью, а просто отодвинуло человека, чтобы не мешал. Во всяком случае, так это понял Лузгин.

«Понял? Не-ет, батенька, ты прямую команду принял и выполнил! Неужели эта зараза – телепат? Да запросто. Копается в мозгах, внушает эмоции, подслушивает мысли. Тогда понятно, отчего ему не даются некоторые абстрактные категории. Счет, например. Два пальца, три пальца – это то, что он глазами видит. А считать из чужой головы цифру – фигушки. Хм... Оказывается, мы и в телепатии совершенно не разбираемся. Собственно, чего тут странного – откуда нам?»

Ничто не препятствовало выйти и попросить вервольфа утихомириться, но просьбу наверняка пришлось бы вколачивать, а этого Лузгин себе позволить не мог. Он все еще верил, что статус человека, не причинившего боли, даст ему шанс записаться оборотню в друзья-защитники.

Очень захотелось увидеть Муромского, и желательно – с ломом в руках.

Снаружи перестали брехать и начали скрести. Потом – скрести со звоном. Зашишевские псы давно устали брехать, предупреждая о наличии в селе «зверя», тишина стояла groboвая, и все было прекрасно слышно.

Лузгин сидел в темноте и прикидывал, насколько положение запуталось. Полдня назад он был уверен, что вервольф неплохо понимает человеческую речь. На этой посылке строился вопросник, который Лузгин вчерне набросал в уме. А теперь... Как общаться с существом, которое слышит тебя через пень-колоду, зато отлично видит, что ты спрашиваешь? А может, и слышит хорошо, но все равно больше видит? Главное – как разобрать, поняли тебя или нет? И если поняли, то насколько правильно? Что именно кроется за ответами «да» и «нет»?

Скребуще-звонящий шум потянулся от избы куда-то по улице. Лузгин взял ружье, фонарь, вышел на крыльцо и обалдел.

Картинка ему открылась из разряда иллюстраций к книгам в жанре «стебучий хоррор». Под серым-серым небом по серой-серой деревенской улице брел, раскорячившись в напряженном полуприседе, некто черный-лохматый и пер на себе бетонный столб. Взвалив один конец столба на плечо, а другой волоча по песку.

Звения кандалами.

Кряхтя и пыхтя.

– Бля-а... – выразил Лузгин всю гамму охвативших его

эмоций.

Вервольф через силу попросил убраться подальше, и человек шатнулся за дверь.

– А вот хрен! – отважно крикнул Лузгин, высовываясь из-за косяка. – С тобой пойду.

Вервольф попросил не лезть в его дела вторично, но «прозвучало» это довольно вяло. Похоже, оборотню под столбом несладко приходилось.

Лузгин закурил, повесил ружье на плечо и, не включая фонаря, пристроился вервольфу в отсутствующий хвост.

– А колоритно мы с тобой смотримся, парень! – сообщил он. – Напрашивается аналогия. Хм... Какая страна, такой и Христос. Какая судьба, такой и крест на себе переть. Где пригодился, там тебе и Голгофа. Ага. Надо будет записать, сойдет за мировоззрение.

Вервольф под столбом гнулся все сильнее, но упрямо двигался по улице вперед. Что особенно интриговало – шел он в глубь села, к Крестам.

– Дурак, там килограммов не двести, а все триста. Грыжу наживешь. Пупок развяжется!

Лузгин представил себе развязавшийся пупок с выпадающими из него кишками, да так ярко, что едва удержался от желания схватиться за живот.

Вервольф утробно взвыл, отбросил столб – тот гулко хлопнулся в пыль, – и упал на колени, вцепившись передними лапами в брюхо.

Залаляли сиплыми голосами собаки.

Лузгин присел на удачно подвернувшуюся водоразборную колонку. Сигарету он выронил, пришлось доставать новую. Курить в общем-то хотелось не очень, но чем-то надо было себя заткнуть.

От накатывающих мыслей.

Оборотень немного подышал, встряхнулся по-собачьи, пронзил человека взглядом, полным омерзения, показал клыки и прохрипел:

– Ф-ф-ф-ф-ф!!! У-у! М-м-м! У-у!

После чего попытался снова подлезть под свою ношу.

– Извини, я не нарочно, – смущенно буркнул Лузгин. – А мудаками старших обзывать нехорошо!

Подумал и добавил:

– Даже если они мудаки.

Хлопнула дверь, скрипнула калитка. В поле зрения возникла тощая сутулая фигура в майке, семейных трусах и галошах на босу ногу. Зато при двустволке. Ружей у отставного егеря было запасено изрядно, он приклады мог хоть каждый день ломать.

– Привет, дядь Сень. А мы вот тут дурака валяем.

Сеня критически оглядел надрывающегося вервольфа и спросил тихонько:

– Это... Только никому не говори. Чуешь, милок, как он в голову торкает?

– Раньше было, сейчас нет. Наверное, он со мной общать-

ся не хочет. Или устал. Или ты лучше его чувствуешь.

– Я думал – мне блазнится. Не говори нашим. Не поймут.

– Еще бы.

Вервольф почти взвалил столб на плечо, но уронил его.

– Не надоело тебе? – спросил Лузгин. – Знаешь, как это называется?

Вервольф хрюкнул и совершил очередной подход к весу.

Вес опять ему не дался, да еще и на ногу упал. Оборотень сдавленно рыкнул, уселся, вырвал из-под столба отдавленную конечность, прижал ее к груди и принялся баюкать.

– Мудовые рыдания, – сказал Лузгин. – Вот что это.

– С вами, может, сходить...

– Еще не факт, что у него получится. И все равно далеко не уползет.

Вервольф отпустил ногу, встал на четвереньки и снова взялся за столб.

– Хотя интересно было бы посмотреть, в какую сторону он от Крестов попрется.

– Да к кузне, – сказал Сеня просто.

Вервольф оторвался от столба, под который безуспешно пытался загнать когти, и устоялся на Сеню.

– Ну-ну! – пригрозил тот, замахиваясь ружьем. – Не балуй.

Вервольф плюхнулся на задницу, вывалил язык и совсем по-человечьи закрыл лапами глаза.

– Трактором его обратно волоочь, – заметил Сеня. – Ума-

явши он.

– И зачем ему понадобилось в кузницу? – спросил Лузгин мягко и слегка удивленно, надеясь не спугнуть удачу. Сеня мог закрыться, а то и пойти на попятный. Его охотничьи рассказы в Зашишевые далеко не всегда принимали всерьез, и частенько бывшего егеря выставляли на смех. Он любил приписывать зверью человеческие эмоции. Слишком человеческие, даже по здешним широким меркам.

– Вот не скажу, милок. Точно не скажу. Однако там инструмента всякого... Замок сбить, вывернуть скобу, цепь подпилить. Он же прошлой ночью все в кузне высмотревши. Он не постоянно без сознания лежавши. Витька думал – так, да я-то вижу. Я, милок, в лесу верных полжизни... Эй, чего глядишь? Отпустить бы тебя, дурака.

Вервольф тихо подвыл.

– Уйдешь отсюда? Знаю, уйдешь. Только ведь ты, глупый, еще где-то набедокуришь. Оставайся лучше с нами. Чем плохо? За кормежкой бегать не надо, люди хорошие, Андрюха про тебя в газете пропишет...

Вервольф занервничал, чуть приподнял шерсть на загривке и покосился на Лузгина.

– Не хочешь? – удивился Сеня. – Зря. Пусть узнают о тебе, глядишь, приедут ученые, придумают чего. Ведь зоологи искавши тебя в прошлом годе – а?..

В воздухе между Сеней и вервольфом что-то повисло. Лузгин ощутил это почти физически.

– Не понял, – сказал человек оборотню. Буднично сказал, но на самом деле его интонации маскировали очень серьезное напряжение. – Вот не понял я тебя, милоч.

– Расскажи! – не удержался Лузгин.

– Я не понял, – Сеня удрученно помотал головой.

– А что ты видел? Он тебе картинку показал?

– Дай закурить.

– Ты же не... На, бери.

– Я, милоч, до сорока лет смоливши, – сказал Сеня, прикуривая и несмело затягиваясь. – Кхе! А потом в завязку. Кхе! Яшкины, Витька с Юркой, на спор бросали, на ящик водки, и от жадности теперь не курят. А я просто бабе своей наказавши – увидишь с папироской, бей смертным боем... Ха! Кхе. А она ж у меня дама крепкая. И научила, как не курить. Коромысло до сих пор за сараем валяется, треснувши.

– Странные московские зоологи, – вывел собеседника на тему Лузгин. – Медленные, будто примороженные. Днями больше спали, а ночью шастали по лесу. К тебе не обращались...

– Это Яшкины наплели? Ой, навравши-то. Приходили ко мне эти двое. Как не прийти. Лучше меня никто тут леса не знает. И, понимаешь, милоч... Вот не показались они мне. А я, если человек не понравивши... Бояться начинаю, что не уберегу его, случись беда. У нас вроде и не тайга какая, а всякое может быть. Ну, я и того. К Муромскому их пославши.

– ... и он тоже не пришел в восторг.

– Кхе! – Сеня бросил под ноги окурок и аккуратно затоптал. – Ну да. Он их когда за Горелый Бор завезши, потом и говорит – убрались нелюди. Только он, понимаешь, милоч, решил, что ребята... – тут Сеня ощутимо понизил голос, – из КГБ. А я думаю – не-а. Хуже дело.

Лузгин оглянулся на вервольфа. Тот сидел, поедая желтыми глазами столб и по-прежнему топорщил шерсть.

– Ты, милоч, никому не говори, – в очередной раз попросил Сеня. – Особенно нашим.

– Как тебе поклясться? Типа крест на пузе желтым фломастером? Предположим, я обещаю всячески охранять твое право на конфиденциальность в рамках Закона о печати. То есть, допустим, если ты мне сообщишь нечто важное, до того важное, что я как честный журналист буду просто обязан это рассказать людям, – никаких ссылок на тебя. Нормально?

Сеня задумчиво притих, осознавая услышанное.

– Ты же собираешься выдать такое, во что все равно никто не поверит, – напирочил Лузгин. – Никто вообще. Зашишевским я не разболтаю, зуб даю.

Сеня посмотрел на вервольфа, тот фыркнул и отвернулся.

– Ну и контакт у вас, – позавидовал Лузгин.

– А думаешь, милоч, мне с этого много радости? Если б я хотя понимал, как оно получается... Короче, они его нащодце тогда в лесу. И вроде бы погибши оба.

– Загрыз?

– Конечно. Хотя перепугавши был сильно, толком не помнит ничего. И не люди они. Люди так не могут.

– Как – так?

– А не знаю, милоч. Он же не говорит. И картинок никаких я не вижу, ошибши ты. Я... отношение его чую.

Вервольф снова фыркнул, встал и с новыми силами примерился к столбу.

– Вот дурак упорный... – вздохнул Лузгин. – И что с ним делать?

– А пускай тута живет. На пилораме сгодится. Мы ж все старичье, нам трудно уже. Доски-то плевое дело, с бревнами плохо. Тот же Муромский до чего бугай, а в прошлом месяце как за сердце схвативши...

– Я думаю – сейчас что?

– А проводим, чтобы не скучал. Все одно до кузни не допрет.

– Шел бы ты спать, дядь Сень. Тебе на работу с утра.

– А мне уж скоро доить, я бабе-то не позволяю, у нее рука не та. Всем хороша баба, а вот доить – ну не та рука.

Вервольф поднатужился, громко пукнул и, звякая цепями, поволок столб к Крестам.

Лузгин последовал за ним, Сеня попросил еще сигарету и пристроился рядом.

«Значит, когда он говорил, что убивал человека в самом начале, – вот что имелось в виду, – думал Лузгин о вервольфе. – Те «зоологи» для него не люди. Итак, какая склады-

вается картина? Отчасти прав Муромский, бредовая. Но попробуем во все поверить. Выключить критику, оставить голую логику. Значит: в городе и окрестностях творится дурное. Кто-то нападает на людей, они исчезают без вести, по дорогам ночью лазают странные персонажи. Население запугано, милиция ведет себя неадекватно: будто знает о проблеме, но не может ее решить и старается удержать контроль над городом доступными средствами – зажимая информацию и давя народ. А оборотень ко всему этому бардаку не причастен, на его совести одни домашние животные. Максимум, чего он мог натворить – лишнего шороху навести. За самим оборотнем охотятся нелюди в человеческом обличье. Двоих он загрыз...»

Стало как-то холодно внутри. К Лузгину пришел очередной страх, новый, непохожий на тот, который он испытывал перед вервольфом. «Подумаешь, оборотень! Вещь понятная. Вон ползет себе, пыхтит. Вы говорите – проблема вервольфа в Средней полосе? Дюжина мужиков из Зашишевя решит эту проблему за одну ночь! Поймаем зверя с выездом к заказчику. И п... ды ему дадим капитально. Хоть зверю, хоть заказчику. Быстро, качественно, недорого. Оптовикам значительные скидки. Возможен бартер на алкоголь. Звоните нам по телефону...»

С Крестов оборотень свернул направо, в сторону кузницы.  
– Ага! – напомнил Сеня.  
– Вижу... Слушай, как рано светает. Петухи скоро закри-

чат.

– А дни-то сейчас длинные самые. Гляди, ловко тащит! Приноровивши.

Оборотень и вправду как-то приспособился к своей ноше. Его заметно водило из стороны в сторону, однако скорее от усталости, чем от неудобства. Он был не только крепок, но еще и ловок.

– М-да... Я не понимаю, на что он рассчитывает? Ну, через полчаса-час доберется до кузницы, попробует освободиться. Уже народу вокруг будет немерено. Снова отмудохают и на место вернут. С шутками и прибаутками.

– А он чувствует, бедняга, что без когтей останется. Вот и хочет уйти. По-любому. Не может иначе. Его отсюда естественный инстинкт сохранения гонит.

– Э-э... – Лузгин в очередной раз опешил.

– Дурной, – сочувственно вздохнул Сеня. – Не понимает, что лучше тут без когтей, чем потом без головы. Верно, Андрюха? Не смотри, милочка, я не знаю, чего он так думает.

– Ты ему втолковать не можешь, что с головой действительно лучше?

– А ему виднее, пожалуй, – возразил Сеня. – Он хоть наполовину, все равно зверь – раз чего учуявши, не свернет. Особенно ночью, когда у него естественные инстинкты в полной силе.

– Наполовину зверь... Понять бы, насколько он может своей волчьей натуре сопротивляться. Точно ведь допрыгается. И зачем тогда было это все? Чего мы, спрашивается,

его ловили...

— А ты думаешь, милоч, он очень хотел на совхозный двор идти? — загадал очередную загадку Сеня. И, не дожидаясь следующего изумленного «э-э», объяснил: — Ему тогда жрать было охота до полной одури. Я еще смотрел и думал — сейчас уйдет ведь, почуявши нас да разглядевши. И тут он в сеть ка-ак прыгнувши...

— Хреново это, — заключил Лузгин. — Ну, будем кормить до отвала, а мало ли какие у него еще... енстинкты откроются. Например, охотничьи.

— А ты говори с ним, милоч. Побольше говори. Пусть вспоминает, что был человеком. Он же пацан совсем. Ему мамку с папкой надо. Вот и будешь... заместо папки, хе-хе. Своих-то нету еще у вас с Маринкой?

«И не будет», — подумал Лузгин, а вслух сказал:

— Всю жизнь мечтал о зубастом мускулистом сыночке. Чтобы сам кормился, мог за себя постоять, да еще и тяжести перетаскивал. Э! Ты близко к канаве не бери. Свалишься!

Оборотень, похоже, вконец умаялся. Он уже не управлял столбом, напротив, кусок железобетона мотал его по краю дороги. У Лузгина мелькнуло желание как-то помочь носильщику — плечо, что ли, подставить...

Вервольф потерял равновесие и едва успел отпустить столб.

Тот навернулся в канаву. Пошла разматываться цепь.

Сеня с Лузгиным дернулись и остановились — они сделать

ничего не могли. Дорога здесь проходила по высокой насыпи, канава была что надо, оставалось посочувствовать и увидеть, как незадачливый силовой акробат спикирует в густые заросли крапивы с лопухами.

Это заняло полсекунды – вот вервольф стоит на краю, наблюдая за падением столба, вот цепь натягивается... И срыгает его за ошейник вниз!

Он только лапами взмахнул.

– Мы, летчики, специалисты, – уныло пробормотал Лузгин. – Есть такие, которые снизу вверх, а есть такие, которые сверху вниз... Тьфу.

– Приехавши, – сказал Сеня.

– Угу, приплывши.

Вервольф лежал в крапиве, раскинув лапы и закрыв глаза.

Он теперь мог с чистой совестью отдыхать, пока не придет трактор.

\* \* \*

Днем сильно разогрело. Оборотень зарылся в лопухи и тяжело дышал там.

Вытаскивать его из канавы никто и не подумал. Решили – обойдется. Дети к вервольфу потеряли интерес, взрослым на него стало и вовсе наплевать, а скотина, вплоть до кошек, вроде бы к присутствию в селе «зверя» адаптировалась. Пока оборотень гулял сам по себе, легендированный и обросший

мифами, его боялись и ненавидели. Реальный, пойманный и закованный в цепи, он больше никого не волновал.

Муромский спустился в канаву, задумчиво попинал оборотня сапогом, заглянул в кастрюлю с собачьей похлебкой и пришел к выводу:

– Не жрал? Значит, решил сдохнуть. Ну-ну. Меньше проблем.

– Он не хочет меня слушать, – пожаловался Лузгин. – Закрылся наглухо, никак не реагирует. Может, оттащить его к моему дому, а? Там от кустов хоть какая-то тень.

– А ты водичкой поливай. До колонки недалеко. Пройдись с ведром, что, трудно?

– Понятно, – Лузгин вздохнул. – Вы на него забили. Все.

– Работать за нас ты будешь? – веско спросил Муромский.

– Трактор! На двадцать минут! Жалко, да?

– Не жалко. Но... Пускай тут повалывается. Куда упал, пусть там и лежит. Чтобы осознал!

– С вами осознаешь... – буркнул Лузгин и пошел за ведром.

Первая же водная процедура довела вервольфа до истерики.

– А я знал?! – взорвался Лузгин в ответ на дикие вопли. – Я хотел как лучше! Да пошел ты на хер! С тобой одни проблемы! Трудно сказать было, что у тебя водобоязнь?! Собака ты бешеная!

Тут он вспомнил, что оборотень запросто ходил по ручью.

И сообразил, что воду-то принес очень холодную, а шкура у вервольфа перегретая дальше некуда. Наверняка бедолага воспринял обливание как ожог.

– Извини, я не нарочно... – пробормотал Лузгин и отправился набирать следующее ведро. Дал воде нагреться и вылил ее на страдальца не одним махом, а плавно.

Вервольф ныл и закрывал морду лапами.

– Правда, так лучше?

– Ы-ы-ы...

– Да тьфу на тебя. Что я, нянька? Ты сам виноват. Какого черта сюда приперся? Сидел бы сейчас под кустами, все было бы нормально.

– Ы-ы-ы...

– Ну хватит, парень. Сердце разрывается на тебя глядеть.

– Ы-ы-ы...

Лузгин поймал себя на желании засветить бестолковому оборотню ведром по затылку и поспешно выбрался из канавы на дорогу, пока и вправду не дал волю рукам.

– Ты бы поел, что ли! – крикнул он с безопасной для вервольфа дистанции. – Помрешь ведь! Или нарочно разозлиться хочешь к ночи? Зверя наружу выпустить? Убьют же, дурила! Себя не жалко – других пожалей. Думаешь, большая радость караулить тебя на солнцепеке? Уйду, так и знай! А без меня с тобой быстренько разберутся...

Вервольф проявлять благоразумие не думал. Лежал и стонал. Может, вправду решил помереть. Или ему стало окон-

чательно плохо, и он уже не мог контролировать себя. В любом случае, нужно было что-то решать, пока солнце не зашло.

В обед Лузгин перехватил на дороге Сеню.

– Дядь Сень, подойди хоть послушай, чего с ним.

– А непонятно, милоч, – сказал Сеня, приглядевшись к вервольфу. – Ну-ка...

Он безбоязненно протянул руку и запросто, без усилия, снял с оборотня здоровый клок шерсти. И еще один.

– Облезает? – прошептал Лузгин с благоговейным ужасом.

– А я знаю? Мож, линяет. Хотя он как бы кобель, ему не положено.

– И что делать?

– А я знаю?

Лузгин присел рядом с вервольфом. Загадочное существо больше не вызывало у него приступов отвращения. Да, выглядел мальчик Вова по-прежнему мерзко, но уже не до рвоты. Это наверняка было связано с тем, что оборотень перестал «торкать в голову», как сказал бы Сеня. То ли сил у него не хватало давить людям на мозги, то ли желания.

Лишний шанс парню выжить в нынешней ситуации.

– Пойдем ко мне обедать, – позвал Сеня. – А этот пусть лежит. Все одно он теперь никому здесь не нужный.

– Твоя правда. Никому.

Лузгин отлучился почти на час, а когда вернулся, ничего

не изменилось – вервольф лежал себе полутрупом, разве что не стонал уже. К еде он не притронулся.

– С ложечки я тебя угощать не буду, – заявил Лузгин твердо. – И из соски тоже не буду. Вообще ничего не буду. Либо сам выкарабкаешься, либо тебе кранты! Эй, парень! Ты живой?

Он присел на корточки и осторожно ткнул вервольфа пальцем в висок. Подергал за ухо. Положил ладонь на горячий бок. Оборотень дышал редко и слабо-слабо.

Лузгину в голову не пришло, что это может быть охотничья хитрость. Он взял тяжелую башку оборотня руками, повернул ее к себе, взгляделся в черную морду. И сразу понял, что ему раньше мешало запечатлеть образ вервольфа правильно, во всей полноте. Те самые легенды и мифы.

«Мы ничего не знали об этих существах. Ни-че-го. Впрочем... Кто сказал, что они вообще были?! Может, водились другие типажи. Или просто люди, сложившие легенды, никогда не видели обезьяну».

Да, в физиономии вервольфа сквозило что-то собачье, и даже медвежье. Но в целом-то, если присмотреться, он был версией на тему шимпанзе.

Малосимпатичной версией, надо признать.

– Может, ты это... Русский народный йети? Мать твою ети...

Веки оборотня дернулись. Он медленно, очень медленно приоткрыл глаза.

Лузгин не испугался и сам удивился этому. По идее, вервольф сейчас мог свернуть ему шею одним взмахом лапы. Но Лузгин откуда-то знал: ничего подобного не случится.

Глаза у вервольфа оказались мутные, измученные, безразличные.

– Хреново? – участливо спросил Лузгин.

Оборотень едва заметно кивнул.

– Я вытащу тебя отсюда, слышишь? Вытащу сначала из канавы, а потом и из этого села. Только помогай мне хоть немного, и все получится, – быстро заговорил Лузгин, поражаясь тому, насколько искренне рвутся с языка слова. – Если повезет, мы найдем людей, которые смогут тебе помочь. Если нет – значит, отыщем место, где ты сможешь жить в свое удовольствие, никому не мешая, и никто не будет мешать тебе. На земле свободного места очень много. Веришь?..

Он представил себе что-то вроде новозеландского предгорья, которое видел во «Властелине Колец», – и вервольф кивнул снова. Кивнул благодарно, в этом Лузгин готов был поклясться.

– В России есть территории не менее красивые и к тому же безлюдные. Это мы тебе организуем, честное слово. Это никуда не денется...

Вервольф поблагодарил. Слабенько, будто перышком огладил. Кто бы мог подумать, что он так умеет. Еще ночью Лузгин был уверен, что этот тип соткан из ненависти.

– Взамен я не попрошу от тебя ничего дурного или невы-

полного. Обещаю. Хорошо? Ладно, а сейчас придется еще немножко тут полежать одному. Я скоро вернусь и освобожу тебя от этой штуковины. Не надейся, все равно будешь на привязи. Но зато в тени. А ты пока что хоть воды немножко выпей. Пожалуйста.

Ключа от замка, скреплявшего цепь на торчащей из столба проушине, у Лузгина не было. Зато дома в инструментальном ящике валялась ножовка по металлу. Перепилить арматурный прут – не вопрос.

Тащить вервольфа к себе пришлось волоком. У страдальца заплетались ноги, он все порывался встать на четвереньки, но когда Лузгин ему это позволил – рухнул мешком в дорожную пыль.

Скрежеща зубами от беспомощности.

Лузгин огляделся. На Крестах возбужденно щебетали дети, из-за занавесок пялились недобрые глаза. Под ногами валялся полудохлый оборотень.

«Красота. И ведь не расскажешь никому!»

– Эй ты! Адекватно униженная особь! – позвал Лузгин. – Попробуй хоть немного пройти.

Оборотень мысленно пожаловался на дурное обращение, которое довело его до подобного ничтожества.

– Ничего себе! Ты хоть понимаешь, жопа, до какой степени всех тут успел задолбать? Поэтому они и рады были тебя помучить. То-то. Не держи на местных зла. На самом деле здесь люди хорошие.

– У-р-р-о... – сказал вервольф и отрубился.

– Сам урод, – парировал Лузгин. У него заметно поднялось настроение. Во-первых, он больше не боялся оборотня, во-вторых, наконец что-то реальное делал, в-третьих, был убежден, что «зверь» выживет.

К тому же он впервые очень четко воспринял и детально разобрал то, что оборотень хотел ему передать. Это вселяло определенную уверенность.

Весила туша килограммов пятьдесят, но взвалить ее на плечи, бесчувственную и аморфную, оказалось непросто. Лузгин повозился с минуту, плюнул, схватил вервольфа за задние лапы и поволок.

Резонно предположив, что после катания по пыли за машиной оборотню должно быть глубоко по фиг, как перемещаться.

На дороге оставались клочья черной шерсти. Это было чертовски интересно. Втайне Лузгин лелеял надежду, что у вервольфа на нервной почве запустился процесс обратной трансформации.

Но так вышло бы чересчур хорошо.

«Очень уж по-киношному, – думал Лузгин, обливаясь потом. – В действительности – особенно в российской действительности – оборотню положено разве слегка облить. Он еще меня убьет и съест, если по сюжету-то идти... Только отчего я не верю в такой сюжет? Почему мне кажется, что впереди нас ждет какая-то полная фигня? Невообразимая?»

Возле своего дома он кое-как упишал вервольфа под куст сирени и чуть не свалился рядом. Цепи как раз хватало за-якорить пленника за столб – по мнению Вити, херовый, а на взгляд Лузгина – вервольфу не по зубам. Нашелся и замок взамен прежнего.

Пришлось еще возвращаться за кастрюлей и ведром. Сно-ва под настороженными взглядами. Лузгин посмотрел на ча-сы. Мужики должны были вернуться с работы уже скоро. Им, естественно, накапают, они придут разбираться...

Он вытащил из дома раскладушку, пристроил ее в тени рядом с вервольфом и улегся, заслонив оборотня собой. За-курил. И сказал:

– Вот! Возможно, кто-нибудь с перепугу упадет в обмо-рок, но это его личная проблема.

Подумал и добавил:

– Если ты после всей моей заботы сожрешь меня, сука... С того света достану!

Вервольф не отзывался. Он спал.

## Глава 3

К середине июля похолодало, зарядили дожди. Лузгин от-пустил бороду, а Вовка заново оброс густой черной шерстью.

Оба работали на пилораме. На равных условиях – за еду. Правда, Лузгину еще наливали сколько попросит самогона. Вовке иногда давали пожевать конфет. Лузгин к самогону

адаптировался, оборотню конфеты просто нравились.

Ну и толку от Лузгина было гораздо меньше, чем от вервольфа. Вовка пахал как черт, с видимым удовольствием. В перекурах, наострив уши, внимательно слушал мужицкий треп. Когда обращались – кивал или мотал головой. Речь ему давалась с большим трудом. А «торкать в голову», транслируя напрямую свои эмоции, он больше и не пытался. Запомнил, насколько местные этого не любят.

Вовка был с людьми послушен до подобострастия. Когда смотрели в глаза, тут же опускал их. Руки держал расслабленными. Вырасти у него хвост, он бы его поджимал. Оборотень выглядел совершенно ручным. Дрессированным.

Сломленным.

– Ну и хитер же ты, – сказал ему однажды Лузгин.

Вовка объяснил, что до сих пор иногда видит во сне Муромского с пассатижами.

– Дай тебе волю, надрал бы ему задницу?

«Нет». Вовка показал Лузгину череду образов, и тот догадался, в чем дело. Муромский напоминал вервольфу какой-то ужастик из раннего детства, скорее всего – разъяренного папашу. Вовка чувствовал себя жертвой в его присутствии и терял способность давать отпор. Случись оборотню впервые столкнуться с Муромским в прямом бою, он бы просто отвесил мужику затрещину и пошел дальше по своим делам. Но Вовку поймали, загнали в положение жертвы и долго истязали. Теперь он находился со своим бывшим мучите-

лем в каких-то очень сложных отношениях, на грани худого мира и «холодной войны». Муромский делал вид, что Вовка его не интересуется, вервольф притворялся, будто все забыл.

Вовке приходилось очень трудно, однако парень держался молодцом. Его полужверина психика оказалась на редкость устойчивой. Вовка тяжело страдал от своей раздвоенности, но при этом умудрялся выжимать максимум пользы из «одомашненного» житья. Всего за месяц оборотень заметно отъелся и нарастил мышцы. Черная шкура блестела. Лузгин нашел старый бабушкин гребень, и теперь Вовка ежедневно тщательно расчесывал шерсть. Выглядел он почти неплохо. Зашишевские бабы его жалели, а которые посмелее, норовили подкормить. От детей Вовка благоразумно держался подальше – Лузгин объяснил вервольфу, что если с ним и случится в Зашишевы беда, то из-за ребенка. Один-единственный случайный детский испуг мог стоить Вовке жизни. Даже Витя и Сеня, редкие добряки, убили бы оборотня сразу, едва заподозрив в недобром взгляде на человеческого детеныша. С учетом поразительной живучести вервольфа и крепости его шкуры – черт знает, как именно, но убили бы.

Кувалдой по черепу, а потом раскатать в лепешку трактором?

Вовка в ответ только поморщился. То ли не знал, как его убивать, то ли не хотел выдавать слабые места.

А если из «калашникова»? Лучше старый, калибра семь шестьдесят два. Эх, полетят клочки по закоулочкам.

Но Вовка не помнил, что значит «калашников».

Он вообще мало что помнил.

Дом, родители, детство присутствовали в его памяти, но скорее как абстрактные понятия. Дом был большой, родители тоже большие, детство – перемежающиеся радость и страх. И ничего сверх этого Лузгину выяснить не удалось.

Оставалось надеяться, что постепенно разум Вовки прояснится и воспоминания станут конкретнее. Должно было повлиять и общение с людьми. Блуждая по лесам, оборотень день ото дня зверел и дичал. А теперь у него появились стимулы восстанавливать свое человеческое «я». Но чем дальше Вовка продвигался по этому пути, тем больше и неуютнее становилось Лузгину.

В Зашишевы один Лузгин знал, что почти каждый день, точнее каждую ночь, мальчишка горько плачет от безысходности и жалости к себе. Случалось, он звал маму, и тут Лузгину хотелось расплакаться самому. Жил Вовка в бане – пристегивался цепью к каменке и отдавал ключ. Спал вечерами, прихватывал еще понемножку днем. А с полуночи обычно просыпался и начинал страдать, когда молча, когда вслух. Иногда поутру Лузгин видел в глазах оборотня давешний звериный блеск, уже затухающий. А иногда боль. Тогда Лузгин обнимал несчастного звереныша и принимался нашептывать ему, что все будет хорошо, все непременно будет хорошо, вот увидишь, мы придумаем, ты сам найдешь свое место в этой жизни, надо подождать, освоиться, ну что ты, сы-

нок, ты же замечательный... Вовка доверчиво прижимался к Лузгину и тихонько скулил, жалуясь, как его мучают сны. Иногда во снах его избивал кто-то страшный и огромный, но чаще Вовка всю ночь бегал по лесам, свободный и счастливый, а под утро возвращался домой, к маме.

Наконец Лузгин не выдержал. Однажды он не забрал ключ с собой, а демонстративно бросил на подоконник. И сказал: «Только вернись».

В первую ночь Вовка не ушел. Лузгин не стал задавать бестактных вопросов. Потом Вовка остался в бане снова. И снова. А потом вдруг ускользнул, незаметно, бесшумно. И не вернулся.

Было воскресенье, хмурое и дождливое, на лесопилке – выходной. Лузгин сидел дома, пил стаканами запасенный самогон, перечитывал свои рабочие записи и ругался последними словами. Он понимал, что Вовка, убежав, одним махом решил сложнейшую этическую проблему, которая могла в перспективе Лузгина просто раздавить. Но все равно было очень горько на душе. Да, Лузгин понятия не имел, что делать с Вовкой дальше. Да, он опасался, что, провоцируя оборотня вспоминать больше и больше, причиняет ему лишь зло. Как вервольф адаптируется к человеческой жизни? Никак. Зачем она ему? Ни за чем. Но что с ним будет на свободе?!

Скорее всего, оставшийся без присмотра оборотень скоро погибнет. Но сначала наломает дров. Он неминуемо вновь

одичает, потеряет осторожность, звериные инстинкты подавят рассудок... Европейская часть России населена гуще, чем кажется на первый взгляд. Значит, рано или поздно вервольф неминуемо перейдет дорогу человеку. Примется зимой по бескормнице воровать мелкую скотину, и...

А имеет ли смысл ему вообще жить? Кому он нужен в принципе, этот Вовка, одинокий вервольф? Да нужен ли он себе?!

Может, и не нужен. Только почему кто-то будет решать это за Вовку? Он какая-никакая, а личность. Вот, реализовал свое право на свободу.

Что она вообще такое, свобода, драть ее вперегреб...

Лузгин ругался и пил. Очень не хотелось идти к Муромскому, говорить, что Вовка сбежал.

Уж Муромский за ответным словом в карман не полез бы.

\* \* \*

Лузгин проснулся затемно. Лежал, слушал предутренние шорохи, ворочался под двумя толстыми одеялами. Наконец выбрался из кровати, оделся, прошел в сени, ежась от утреннего озноба, зачерпнул кружку воды, жадно выпил. Помогился с крыльца, глянул в сторону леса, тихо выругался. Вчерашнее пьянство один на один с больной совестью не принесло ни малейшего облегчения.

Он поплескал в лицо из рукомойника, почистил зубы, вер-

нул в дом. Постоял у холодной печки, убеждая себя, что топить сейчас бессмысленно, потом не выдержал. Бросил в топку несколько поленьев, развел огонь. Воткнул в розетку старый электрочайник, сел на кровать, раскрыл ноутбук, уставился мутными глазами в монитор. Вечером он перечитывал свои файлы не раз, но не запомнил, пришел ли к каким-то выводам, – самогон все стер из головы.

Жутко хотелось удрать из Зашишевья. Прицепить на дверь записку: «До свидания, я в Москву уехал» – и пешком. Сначала покрутиться в городе, оценить тамошнюю обстановку, может, что-то интересное углядеть, а потом и вправду уехать. Домой. И забыть эту историю. К чертовой матери. Потому что не получится из нее ни-че-го.

Домой. Вернуться на работу. Зайти к Маринке. Поглядеть друг на друга свежим взглядом, поговорить. Заняться любовью. Зажить по новой. Почему нет? В этот брак столько было вложено с обеих сторон – сил, нервов, денег, наконец... Маринка хорошая. Почему у них нет детей? Все откладывали на потом. А кончилось тем, что Лузгин нерастраченную отцовскую нежность обратил – на кого? На мальчишку-оборотня. И наверняка сделал ему хуже.

«Пора отдавать долги», – думал Лузгин. Он уже оторвался от текста, сейчас его взгляд рассеянно блуждал по резной дверце шкафчика, за которой пряталась недопитая бутылка. Минуту-другую Лузгин маялся, потом собрался с духом и пошел опохмеляться. Граммов пятьдесят опрокинуть,

сразу полегчает. А то просто депрессия какая-то.

«Не надо ля-ля. Настоящая депрессия – это когда ни пить, ни есть, ни двигаться, ни жить не хочется, – всплыло в памяти интервью с психиатром. – А ты вон какие планы строишь».

Бутылки в шкафчике не оказалось. Добил, значит. Лузгин облегченно вздохнул. У него самообладания не хватало грамотно похмеляться. За терапевтической дозой непременно следовала еще одна, для улучшения погоды, потом за мир во всем мире, а дальше как пойдет. Бороться с неправильным опохмелом приходилось по методике начинающего Стивена Кинга – выжирать все, чтобы на утро не осталось. Методом зрелого Кинга, который перед сном выливал недопитое в раковину, Лузгин искренне восхищался. Как проявлением железной силы воли, отличающей матерого писателя от графоманствующего пацана.

Лузгин хлопнул залпом еще кружку холодной воды. Заварил чай. Готовить полноценную еду было лень, и он просто залил кипятком лапшу из пакетика. Ничего, обед на лесопилке плотный, хоть сразу ложись и засыпай от сытости. М-да, на лесопилке.

Бежать.

Но все же сначала поболтаться в городе. Ох, с городом неладно. Значит, придумать себе легенду, снять жилье – это сущие гроши, позвонить в Москву, спросить Маринку: «Ты меня еще любишь?» – а потом на разведку. Дialeкт вспом-

нить, прикинуться местным, насколько получится – морда, слава богу, не московская, одежда простая. Потолкаться на рынке, побродить по окраинам. Может, устроить засидку где-нибудь на крыше, чтобы оценить, что творится ночью. Не забыть автобусную станцию – центр, куда стекаются все сплетни. Еще бабушки и алкаши. Под большим вопросом больница. А вот вокзал с его всезнающей мафией извозчиков и редакция газеты отпадают по умолчанию. Эти стуканут мгновенно. Все равно – как быстро его раскроют и возьмут под колпак? Если через неделю, выходит, он крепкий профессионал.

Только зачем ему игра в расследование? Неужели он до сих пор не вырос, не выпестовал в себе здоровый журналистский цинизм и чувство меры? Внутренний цензор, ау, ты где? Ведь даже сейчас, когда публиковать можно почти все, очень многое осознанно не выкладывается авторами на бумагу и в Сеть, потому что писать об этом – не надо. Не стоит. Нехорошо.

Что, собственно, вы надеетесь раскопать, господин Лузгин? По городу и окрестностям ночами шастает нелюдь? Экая, понимаешь, сенсация. Ты эту нелюдь сначала поймай да допроси с пристрастием. Вон, словил уже одну. И?..

Хотя Вовка не нелюдь. Просто несчастный мальчик, жертва странной мутации. Написать про него? Роман фантастический! Кропать вечерами после работы по чайной ложке целый год, потом скинуть в какую-нибудь средней парши-

вости книжную серию. Долларов семьсот-восемьсот дадут максимум, как начинающему. И купят ли? Это же получится невыносимо грустная история жуткой несправедливости судьбы и запредельного одиночества. Жизненная история. Рецензенты скажут: автор писал про жуткого оборотня, но вышло у него о несчастных людях, а нашему читателю это на фиг не нужно, читатель уверен, что сидит в дерьме по уши, ему подавай настоящую фантастику – про то, как русские захерачили американцев, или Чужих уфигачили, или построили развитой капитализм, или тыщу лет назад легли под китайцев и стали от этого счастливы...

Да, массовый российский читатель уверен, что его жизнь – дерьмо. Ему это вколачивают в сознание уже двадцать лет. Он отбрасывает газеты и книги, включает телевизор, но оттуда идет то же давление, еще более эффективное... Раньше бездарно убеждали, будто кругом рай земной и коммунизм вот-вот. Теперь одаренно внушают совершенно противоположное. И куда бедному крестьянину податься?

Лузгин захлопнул ноутбук, вышел в сени, посмотрел наверх. Там, в дальнем углу чердака, он спрятал от себя поллитра хорошей водки. Под кучей хлама прикопал.

Накатить для храбрости – и домой.

На фиг этот город, сорваться прямо в Москву.

Отдохнул, называется, обрел просветление, к корням прикоснулся.

Кряхтя, Лузгин полез на чердак. Думая, что можно сейчас и не пить, но оставлять пузырь бессмысленно – когда он еще сюда вернется. Водку на вокзале перелить в бутылку из-под минералки, и в поезде уже спокойно употребить. С бутербродами и толстым автомобильным журналом на закуску. Хорошая выйдет поездка.

Он уже стоял на последней ступеньке лестницы, когда во дворе шумно, по-собачьи, отряхнули воду с шерсти.

Лузгин выскочил из дома как ошпаренный. Рассвело, за околицей по земле тонко стелился туман, с неба легонько капало. Ноги скользили по мокрой траве. Он рванул на себя дверь бани.

В предбаннике сидел Вовка. И улыбался жутким своим оскалом.

Лузгин сгреб вервольфа, сжал в объятиях, замер, переполненный самыми противоречивыми ощущениями. И радость, и разочарование, и страх – чего только он не почувствовал в этот миг, крепко прижимая к себе странное и очень близкое существо.

– Вовка, черт... Нагулялся. Вернулся. Слушай, ты вырос немного, а? Или мне кажется? Вов-ка! Привет. Я соскучился. А ты? Эх, Вовка, Вовка...

Они «говорили» битый час, в итоге у Лузгина голова разболелась, переполненная картинками странствий оборотня по окрестным лесам и его впечатлениями от пережитого. Вовка воспринимал окружающее до того глубоко и ярко, что

Лузгин невольно позавидовал вервольфу. Тоже захотелось приобрести такое зрение и обоняние, и еще какие-то немислимые чувства – шестое, седьмое, восьмое... Вовкино видение было гармоничным. Казалось, обретя его, человек сразу одумается. Перестанет разрушать свой мир и уничтожать себе подобных.

Оборотень нагулялся вдоволь. Питался мелкой живностью, лакомился ягодами, жевал какие-то полезные травы, спал в густых зарослях, дышал свободой. И вот – пришел обратно к людям... Одно насторожило Лузгина: Вовка несколько раз ловил тревожную волну, идущую от города.

Тот же сигнал, что посылали искавшие его «нелюди-зоологи».

Только гораздо сильнее.

\* \* \*

Лузгин терзался сомнениями еще неделю. Вовка почти каждую ночь уходил гулять и возвращался под утро очень довольный. Он стал живее, веселее и даже на Муромского смотрел без прежней боязни. Напротив, во взгляде его теперь читался некий брезгливый интерес. Муромский нервничал. Лузгин, конечно, украдкой хихикал, но, по большому счету, было ему не до смеха. При внешней благоустности, ситуация с оборотнем в Зашишевые потихоньку набирала опасное напряжение. Казалось, Вовка в жизнь села впи-

сался лучше некуда. Но это если не обращать внимания на настороженные взгляды, которыми иногда одаривали его мужики. И внезапные приступы черной меланхолии, находившие на самого Вовку. В любой момент оборотень мог уйти в кусты, залечь там на полчаса, выйти обратно с перекошенной мордой и некоторое время глядеть сущим волком. Нет, он не проявлял агрессии. Ему просто становилось необъяснимо плохо, и он не собирался этого скрывать. Однажды, будучи хмур и подавлен, Вовка послал Юру Яшина на три буквы, вполне членораздельно. За что тут же огреб по черепу железным крюком для перетаскивания бревен. Яшин вызверился на Вовку мгновенно, будто давно был готов к конфликту. Оборотень принял боксерскую стойку и начал ловко отмахиваться от железяки, не пытаясь атаковать, но и не пропуская удары. Подбежал Витя Яшин, отнял у брата крюк, обматерил его, Вовку, Лузгина и – превентивно – Муромского, уже тащившего из штабеля досок заныканный там лом.

Вовка отделался довольно легко – ему снова прицепили к ошейнику длинную цепь. Цепь мешала работать, и смысленный оборотень тут же обмотался ею, как революционный матрос пулеметной лентой. А свободным концом покрутил над головой, со свистом рассекая воздух. У Муромского отвалилась челюсть. Поразмыслив, он цепь с Вовки снял и вручил ее Лузгину, сказав: «Еще раз вы... нется щенок – сам ответишь». – «А ты на меня тоже ошейник надень и присобачь одного к другому, – предложил Лузгин. – Будем с Во-

вкой как в песне – скованные одной цепью, связанные одной целью...» – «Дождешься», – пообещал Муромский. – «Не дождусь. Надо как-то решать это все, пока не случилась беда». – «Ишь ты! – усмехнулся Муромский. – Никак поумнел».

Назавтра ситуация обострилась – приехала на мотоциклах целая делегация из Филина, «разобраться насчет зверя». Лузгин струхнул было, но тут навстречу гостям выдвинулся Муромский и показал себя во всей красе. Изъясняясь с небрежной уверенностью, он за пару минут сбил с филинских боевой задор и погрузил их в состояние униженной зависти. Потому что заишевские, хоть числом поменьше, зато разумом крепче, зверя словили, приручили и к делу приспособили! Визитеры посмотрели, как Вовка расправляется с бревнами, почесали в затылках и уважительно первыми достали пузырь.

Вместе с филинскими прибыл опухший Ерёма. Его отозвали в сторонку, по-свойски расспросили с применением угроз и шантажа и выяснили: слух о поимке «зверя» уже добрался до города. Бабы растрепали по телефону городским подружкам, и была наверняка утечка информации через магазин в Филине. Так или иначе на городском рынке (когда, зачем, каким образом он туда попал и как вернулся назад, Ерёма не помнил) его расспрашивали – правда ли, что за Горелым Бором мужики поймали громадного черного волка, бегающего на двух ногах... А в окрестных селах началось

брожение умов. Народ дружно задался вопросом – не слишком ли много позволяют себе эти зашишевские куркули? Не обурели ли они от хорошей жизни – ручных двуногих волков заводить?

Муромский при поддержке братьев Яшиных задал Ерёме резонный вопрос – не обурел ли он сам? Но Ерёма клялся и божился: за что купил, за то и продаю, сам лишнего не болтал, катался по родственникам с сугубо разведывательными целями, как просили, а налейте стакан, ну хоть полстакана.

Филинских умеренно напоили и спровадили. Муромский хорохорился и говорил, что общественное мнение видал в гробу. Если общество плюнет, зашишевские утрутся, а вот если Зашишевы дружно харкнет – утонет весь район. Лузгин молча грыз ногти. Вовка жевал соевые батончики и глядел в лес.

Ясно было, что дальше так продолжаться не может. Русские народные рокеры на мотоциклах, помятых, как долго бывшие в обращении купюры, и с такими же рожами, явились в Зашишевы при двустволках.

По сельским меркам это уже не шутки, а прямая угроза.

Однажды в обед Лузгин подсел к Сене.

– Что с Вовкой-то будем делать, а?

– А чего, милоч? – удивился Сеня. – Разве нехорошо? Вон, живет, кашу жует.

– Что-то надо делать, – пробормотал Лузгин.

Витя с Юрой многозначительно кивали друг другу на

бревно, за которым пряталась бутылка. Силу воли испытывали.

– Тяжело Вовке с нами, – начал издалека Лузгин.

– Слушай, да ремня ему, и все дела, – бросил Юра. – Ты это... Вишь, там за бревном? Ну-ка, дай сюда.

– Не по правилам! – сказал Витя. – Андрюха, не трогай. Он сам должен.

– Да я не хочу.

– И я не хочу!

– И я не хочу, – сказал Лузгин. – Мужики, а мужики, ну признавайтесь, вы бы хотели, чтобы Вовка тут надолго остался? Как вам с ним?

– Слушай, да никак. Пусть живет пока, а там видно будет.

– Точно, – согласился Витя, гипнотизируя торчащее из-за бревна зеленое горлышко, заткнутое газетным жгутом. – Там видно будет...

– Ой, не будет, – буркнул Лузгин и ушел.

Он твердо знал – в Зашишевые у каждого мужика свое мнение о Вовке, и свое понимание, как ему дальше жить. Но дожждаться совета было нереально. Местные перекладывали решение судьбы оборотня на «городского», да еще и «москвича». Чтобы потом в случае чего спросить: «Как же так, Андрюха? Сгубил ты пацана. А мы тебе говорили...»

Муромский подошел к Лузгину сам.

– Ну? – спросил он. – Вижу, наигрался со зверушкой своей?

– Наигрался, – кивнул Лузгин, отводя взгляд. – Пора бы и совесть поиметь. Завтра приноси фотоаппарат. Пленка есть? Вот и приноси. Будем сдавать мальчишку. В надежные руки спецслужб. Ох и подлец же я.

– Не переживай, Андрюха, – посоветовал Муромский. – Все правильно. Это сейчас он мил да хорош, а что дальше будет? Рано или поздно кого-то загрызет, помяни мое слово. И капец. А если не загрызет – сам посуди, как ему жить с нами, такому? Не человек, не зверь. Измучается и от тоски подохнет. Или с ума сойдет. Короче, по-любому кончится эта история убийством.

– Да, – сказал Лузгин просто, встал и пошел к Вовке. Тот уплетал кашу из большой кастрюли. Культурно, ложкой.

Лузгин присел рядом, обхватил руками плечи и пригорюнился. Было очень стыдно. Обещая Вовке найти ему тихий уголок на земле, где вервольф будет жить свободно, он погорячился. Теперь, более-менее изучив внутренний мир оборотня, Лузгин понимал, что это нереально. Вовка с каждым днем все больше нуждался в общении. И чем теснее сживался с людьми, тем острее чувствовал свою инородность. Отпущенный на волю, он проживет недолго. Оба доступных ему сценария – одичание и сумасшествие либо попытка заново установить контакт с человечеством – однозначно приводили к насильственной смерти вервольфа.

«Как все было бы просто, расстреляй его мужики сразу, едва поймав», – родилась в сотый раз мысль, подлая, но ра-

зумная. Подговорив зашишевских поймать «зверя», Лузгин взвалил на себя ношу, с которой теперь просто не мог справиться. Душа разрывалась от боли за Вовку, а выхода никакого не придумывалось.

Вервольф обречен на одиночество. Он ни разу не почув-  
ял ни намека на присутствие где-то подобных себе. Вовка был уверен, что «унюхал» бы другого оборотня с громадного расстояния. Но ему не виделось самой возможности зарождения таких существ. Будто не предполагалось их здесь. Россию населяли люди, звери и тоненькая, едва заметная прослойка «нелюдей».

Значит, надо как-то устраивать Вовкину судьбу именно сейчас. Пока у вервольфа сохранился интерес к жизни и хватает воли контролировать свою нечеловеческую составляющую.

Идею притащить Вовку в Москву, прямиком в редакцию, Лузгин отмел давно и сразу. Технически это было вполне решаемо, нехитрыми партизанскими методами. Но что дальше? Сенсационный материал? Телевидение, консилиум ученых, скандал. На короткое время Вовка становится ярмарочным уродом, получает тяжелейший стресс, а потом исчезает в каком-нибудь научном центре. Страна – та небольшая часть ее, которая поверит в реальность сенсации – забывает о чуде через неделю. И нету Вовки. Растворился в информационном поле.

Почему тогда сразу, без скандала и шума, не направить

мальчишку туда, где им займутся? Должны в России найтись какие-то закрытые «фирмы», интересующиеся подобными аномалиями. Были же они в СССР. Если верить слухам. И сейчас наверняка есть. Не может их не быть. Пусть забирают вервольфа. Худо-бедно, там Вовка почувствует себя нужным. При деле. Не разрежут же его на части для подробного исследования, елки-палки!

И будет парень жить.

Вот только как рассказать ему об этом?

«Чистой воды попытка свалить ответственность с себя. Я виноват, конечно. Но я не виноват. Мне надо возвращаться к жизни самому. Заново ее выстраивать. Интересно, насколько повлиял на это мое решение Вовка? Похоже, еще как повлиял. Что ж хреново так, а, люди?»

Вовка доел кашу, облизал ложку, повернулся к Лузгину и послал ему легонький сигнал утешения. Оборотень не понимал, что именно творится с его другом, но чувствовал, до чего тому плохо.

Лузгин, как мог, передал оборотню мысленно, что им предстоит большой серьезный разговор о Вовкином будущем. Передал и сам опешил – хорошо получилось, емко, образно.

Вовка занервничал, но ответил, что готов к беседе в любое время.

Тут его позвали загружать в пилораму бревно. Лузгин закурил. В поле зрения снова показался Муромский.

– Ты не жалеешь его, Андрюха.

У удаляющегося Вовки на загривке встопорщилась шерсть.

– Хочу, и жалею, – сказал Лузгин. – Вы, что ли, не жалеете никого?

– Да я всех жалею. Тебя вот, например. Людей жалеть надо.

– Беспредметный какой-то разговор.

– Точно. Я это... Что за фокус ты задумал с фотографиями?

– Спорю на бутылку – когда мы приедем забирать отпечатки, нас встретит ФСБ. Заинтересованное дальше некуда.

Муромский заметно поежился.

– Я с ними разберусь, – заверил Лузгин. – Вы-то при чем? Вы герой, поймали вервольфа... Согласитесь, так удобнее. Чем ехать к ним и доказывать, что у нас не приступ белой горячки, сразу доказательства на бочку – хлоп!

Муромский шумно вздохнул.

Лузгин заметил, как Вовка издали коротко зыркнул веселым глазом. Оборотно явно нравилось замешательство Муромского. Сути разговора он не понимал, но результат ему был по душе.

– В «Кодаке» отсматривают негативы, – объяснил Лузгин. – И если обнаружат нечто странное, тут же стучат. Попробуй отнеси туда пленку с окровавленным трупом, увидишь, что будет. Они, конечно, сволочи, и для себя трудятся.

Я слышал, почти у каждого проявщика есть фотоальбомы по интересам. Кто отбирает прикольные снимки, кто по бабам специализируется... Ладно, бог им судья. Главное, они отслеживают все, выходящее за рамки закона и нормы. Уж такое чудо, как Вовка, не проглядят. Надеюсь, капнут именно в ФСБ. Но даже если ментам – будьте спокойны, я все устрою. С московскими журналистами никто не хочет связываться. Нас либо уважать приходится, либо сразу убивать.

– Вот это я давно понял! – веско сказал Муромский и тяжело утопал к пилораме.

\* \* \*

Лузгин отщелкал все тридцать шесть кадров – оборотень анфас и в профиль, в полный рост, лежа, сидя, в движении... Несколько снимков с мерной рейкой. Только на природе – ни разу в кадр не попал человек или строение. С Вовки даже ошейник сбили. Лузгин очень не хотел, чтобы остались какие-то доказательства причастности зашишевских к поимке «зверя». Он и думать забыл, как уговаривал крестьян стать героями сенсации. Слишком все изменилось с тех пор.

Местные вроде бы не возражали. Они, кажется, поняли, что странная история с вервольфом близится к концу – и бог с ней. Один Сеня повздыхал немного. Но Муромский сказал ему: «Дедушка, забудь. Ну его на хер. Оно нам надо?» Дедушка согласился: не надо.

Вовка позировал охотно. Он четко увязал фотосессию с будущими переменами в судьбе, которых немного страшился, но и страстно желал. Оборотень устал. Ему хотелось вырваться из рамок, четко выставленных Зашишевым.

Сдавать пленку отправились с Муромским на его «Форде». Лузгин решил, что случай подходящий, и сбрил бороду. Долго рассматривал себя в тусклом бабушкином зеркале. Показалось – лицо помолодело, а взгляд обрел какую-то новую глубину. А может, добровольная абстиненция повлияла: Лузгин уже неделю не пил Витиной самогонки. Надоело.

Город производил странное впечатление. Древние русские городки с населением сто-двести тысяч человек обычно покойны и неспешны. Но тут было нечто другое. Выйдя из машины, Лузгин огляделся и всей кожей ощутил неестественную сдержанность, пропитавшую городскую жизнь. Люди на улицах, люди в автомобилях, люди в окнах домов будто все чего-то напряженно ждали. На миг Лузгину стало очень страшно.

– Вовка, черт, – прошептал он. – Неужели я от тебя нахватался? Заразился...

– А? – спросил Муромский. Он хмуро озирался по сторонам, ему тут не нравилось.

Город умирал.

Он был густо заляпан рекламой, завален хорошими товарами, через дорогу красовался щит «Интернет – здесь» (стрелка указывала под землю, на облезлую подваль-

ную дверь), а машину Муромский запарковал у супермаркета вполне московского уровня. Тут были офис мобильной связи и искомый «Кодак-экспресс». В городе можно было найти все, что требуется для жизни. По слухам, даже работу, оплачиваемую не прилично, но сносно. И уровень преступности считался терпимым.

А город умирал, Лузгин это чувал крошечным своим шестым чувством, несоизмеримым с Вовкиным, но развившимся явно из-за общения с вервольфом.

– Атмосферный городок, – сказал Лузгин. – И кто так убил мою родину? Уж точно не Чубайс. Кишка у него тонка.

Муромский неопределенно хмыкнул. У него на возможности Чубайса был свой взгляд.

В «Кодаке» на приемке заказов сидела флегматичная полноватая девица с вызолоченным перманентом и в кофточке дикой расцветки. К этому осколку советского прошлого клеился тощий сутулый мужик, удивительно похожий на птицу-падальщика. Лузгин давно не видел таких роскошных типажей.

– Да ты не волнуйся, лапуля, – донеслось до Лузгина. – Он вывихнул руку, и доктор запретил ему пить. Все будет культурно! Посидим, расслабимся, поговорим о современном искусстве...

Нижняя челюсть приемщицы ритмично двигалась.

– Ну-у, не зна-аю, – невнятно жеманилась девица.

– Добрый день, пленочку возьмете? Проявка, печать.

Падальщик глянул на Лузгина – как и положено, одним глазом, – прошил насквозь, аж до дрожи, оценил, классифицировал, счел невкусным по причине недостаточного разложения и деликатно отвернулся. «Мент», – подумал Лузгин.

Девушка, жуя, вяло оформила заказ.

– Послезавтра с утра.

– А срочный тариф есть?

Падальщик оглядел Лузгина вновь, уже не как потенциальную добычу, а с каким-то естествоиспытательским интересом.

– Завтра после обеда.

– Отлично.

Лузгин расплатился и пошел в магазин, где Муромский, раздраженно сопя, изучал длиннющий список покупок, которым его снабдила жена.

– Наш, но давно в Москву перебрался... – объяснил падальщик девушке.

«Точно мент», – решил Лузгин.

Он остановился у витрины с охлажденными продуктами, быстро пробежал глазами по ценникам и оторопел.

## КРОВАВОЕ МЕСИВО

Стараясь не терять самообладания, Лузгин закрыл глаза, открыл, перечитал ценник и с облегчением вздохнул. Там было написано: «Крабовое мясо».

Всего-то.

Часа два они провели в разъездах, набивая багажник

«Форда» товарами по списку. И с каждой минутой город, такой когда-то родной, нравился Лузгину все меньше. Ни узнавание знакомых мест, ни воспоминания юности не помогали – впечатления необратимо портил всепроникающий запах мертвечины. Город утратил индивидуальность, стал неприятно похож на Москву. Он просто существовал, без какой-то идеи, без смысла. Только Москва жадно пожирала жизненную силу, текущую в ее чрево со всей страны, и тут же выплескивала наружу излишки, создавая иллюзию бьющей фонтаном энергии. А этому городу неоткуда было подпитаться. Вот он и умирал.

Они остановились на перекрестке, Лузгин увидел впереди почтовое отделение. Тут же хлопнул себя по карману и понял, что оставил мобильник в рюкзаке. Отвык от этого чуда техники.

– Заедем? Я быстро в Москву звякну.

Очереди не было, соединили почти сразу.

– Маринка! – позвал Лузгин. – Ты меня еще любишь?

– Какой же ты дурак... – сказала жена. – Господи, какой дурак! Когда ты вернешься?

– У меня тут случайно наклюнулась работа, но я справлюсь за неделю, ну, дней за десять максимум, и сразу домой! – протараторил Лузгин. – Марина, я правда дурак. Был дурак. Больше не буду. Простишь?

– Не спеши, приезжай, когда сможешь. Да, я люблю тебя...

Лузгин вышел на улицу, закурил и подумал – вот и все.

Он подписал Вовке приговор.

Но и себе ведь тоже.

Всю обратную дорогу Муромский молчал, что-то соображая, и уже на въезде в Зашишевые разродился:

– Знаешь, Андрюха, давай-ка ты завтра с Яшиными. Братья доски на базу сдавать повезут, ну и... База от центра недалеко, три остановки автобусом. А то у меня левый шрус похрустывает, слышал на повороте? Надо разобрать и промазать как следует.

– Я понимаю, – сказал Лузгин. – Не беспокойтесь.

– Понимаешь? – спросил Муромский со странной интонацией.

– Очень хорошо понимаю, – кивнул Лузгин.

– Вот и ладушки. Заедем, что ли, на пилораму, глянем, как там твой приемыш.

Вовку они нашли сидящим на цепи. Оказалось, пока их не было, прикатил на своем разваливающемся мотоцикле пьяный Ерёма с ультиматумом. Сказал, мужики из Филина выражают неодобрение позицией зашишевских, прикормивших опасного зверя, с каковым неодобрением и прислали Ерёму парламентаром, налейте стакан, ну полстакана хотя бы, ну капните хоть на донышко... И что дальше, спросили Ерёму. А то дальше, что застрелите его, пока филинские не приехали и сами не убили... Мы им, бля, приедем! Мы им так приедем – ежалка отвалится!.. А я чего?! Мое дело маленькое, сами на разведку послали, и хоть бы стакан теперь

налили... Тут подошел Вовка и на Ерёму уставился. И то ли просто напугал его недобрым взглядом, то ли «торкнул в голову», потому что Ерёма вдруг завизжал, как свинья, прыгнул на мотоцикл, дал по газам – только его и видели. А Вовку за это Яшины поставили в угол, то есть посадили на цепь, чтобы знал, как встречать в разговоры старших.

– Завтра в город Андрея с собой возьмете, – распорядился Муромский. – А пацана... спустите с цепи. Он хороший, пацан-то.

Сел в машину и уехал.

– Ты чего с бугром сделал, Андрюха? – ехидно поинтересовался Витя Яшин.

Лузгин отмахнулся и пошел отстегивать Вовку.

Долго гладил оборотня по загривку и шептал ему на ухо, что все будет хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо... почему тебе так горько, малыш?

– Па-па... – сказал Вовка и передал серию образов. Лузгин до боли сжал челюсти. Оборотень видел Ерёму раза три-четыре, да и то мельком. А сегодня он хорошо рассмотрел его – и вспомнил отца. Никакой внешней похожести, но совершенно тот же тип. Крепкий, сильный, колоритный русский мужик, будто задавшийся целью утопить свою неординарную личность в водке. Из-за него мальчишка старался как можно реже появляться дома и большую часть времени проводил на улицах... На улицах какого города? Что с ним случилось там? Вовка пока не мог вспомнить. Но очень хо-

тел. Это было как-то связано с «нелюдьми».

«Уверен?»

«Убивать их. Убивать. Очень страшно. Но я могу. Я хочу».

– Быстро растешь, парень... – выдавил Лузгин сквозь зубы.

\* \* \*

Яшины думали забросить Лузгина прямо к «Кодаку», но он не позволил.

– Незачем вам светиться. Лучше в три часа подъезжайте на автобусную станцию. Увидите меня у пивного ларька – заберете. Не увидите – значит, либо я уже в Зашишевы, либо позже сам приеду.

– Слушай, Андрюха, ты это... – сказал Юра. – Ну, понял, да?

– Опытный, справится, – буркнул Витя.

Грузовик остановился, Лузгин распахнул дверцу, встал на подножку, обернулся к братьям и сообщил:

– Летит стая напильников, вдруг один пикирует и в болото хлоп! Вожак поглядел и говорит – да хрен с ним, он все равно без ручки был.

Юра усмехнулся, а Витя сказал:

– Ты прилетай. Ручку приделаем. Раз плюнуть.

На улице было прохладно, градусов шестнадцать, дождь

все собирался, но никак не мог начаться. Лузгин плотнее запахнул куртку. Вспомнил, как не любит русское лето жёна, привыкшая с детства отдыхать на «югах». Лузгин сто раз предлагал ей отправиться на неделю-другую к морю, но в одиночку Марина туда не хотела. А Лузгина на юге раздражало все. Кроме самого моря... Теперь придется ехать, устроить подарок супруге. Если не шиковать, денег хватит.

Денег хватит... А нервов? Ремонт квартиры, ремонт машины, возня на подмосковной даче – опять головой в ту же задницу. И попробуй не сделай. Ничего, он справится. Просто раньше все было непонятно зачем. Без внутреннего смысла, отсутствие которого убивает целые города – как этот вот. Теперь смысл вроде бы появился. Его личный смысл жизни. Оказывается, когда существуешь только для себя, это не жизнь, а дорога к смерти. И обманываться тем, что твоя работа нужна людям, можно лишь до определенного предела. Однажды приходится выбирать: или ты служишь конкретному человеку, или ложись и помирай.

Любить надо. Детей рожать. И – жить...

В «Кодаке» сидела та же приемщица, с ней опять болтал мужик. На этот раз – плечистый грузный дядька в легком черном плаще. Бледный, одутловатый, заметно невыспавшийся блондин с круглыми водянистыми глазами.

– Привет! – бросил он Лузгину. И улыбнулся, как старому знакомому.

– Э-э... Здравствуйте.

– Я был уверен, что это именно ты. Ну, пойдем?

И зашагал на выход.

Лузгин неуверенно посмотрел на приемщицу, та отвернулась.

На улице их ждала черная «Волга», которой – Лузгин поклясться был готов – минуту назад тут не стояло. Загадочный блондин приглашающе раскрыл заднюю дверь. Лузгин покорно забрался внутрь. Блондин, ловко подобрав развевающиеся полы своего одеяния, уселся рядом и заговорщически поднес к губам палец.

– Обедать, – распорядился он.

Машина тронулась. Лузгин искоса разглядывал блондина. Потом сказал:

– Черт побери... Неужели?!

Тот протянул руку, Лузгин крепко ее пожал.

– Там поговорим.

– Угу.

Ресторан был небольшой, уютный. Блондина встретили с подчеркнутой любезностью. Под плащом у него оказался строгий деловой костюм. Камуфляжную армейскую куртку Лузгина на плечики вешали, будто изделие «от кутюр». И улыбались.

Холодные закуски и ледяная водка на столе возникли мгновенно. Блондин поднял рюмку:

– Ну, за встречу. Сколько лет? Пятнадцать?

– Около того. За встречу.

С минуту они жевали, потом Лузгин сказал:

– Прости, Игорь, что сразу не узнал. Мы же не за одной партой сидели.

– Через одну. Да все нормально.

– Гляжу, ты стал большим человеком на исторической родине?

Блондин протянул визитку. «Игорь Долинский», и ничего больше. Лузгин повертел карточку, потер между пальцами.

– Дорогая игрушка.

– Положение обязывает, я же местный полиграфический бог.

– Типографию, что ли, под себя подмял?

– Подмял! Возвысил. То есть сначала подмял, конечно...

Ну, дружище, рассказывай.

– Да я чего, – засмутился Лузгин, потупившись. – Так, журналистика всякая. Живу себе, никого не трогаю...

Долинский насмешливо прищурился, и Лузгин почувствовал – кровь прилила к лицу. Бывший одноклассник изучал его, сканировал, примерно как Вовка.

«Он не то, что Вовка считает «нелюдью», – мелькнуло в голове. – Он человек, но измененный. Другой».

– Слышь, ты, экстрасенс, – сказал Лузгин неприязненно и потянулся за графином. – Давай ближе к делу. Какие у тебя полномочия?

– Широкие. И мне налей, пожалуйста. Ага. Полномочия у меня разные. Тебе документик показать, что ли?

– А покажи.

Долинский отвернулся, посмотрел в окно. А на Лузгина будто навалилось что-то, упало сверху, обволокло.

– Вот какие у нас докуме-ен-ты... – донеслось еле слышно.

Лузгин встряхнулся. Посмотрел на рюмку с водкой и отодвинул ее подальше.

– По второй-то можно, – сказал Долинский, ласково глядя на Лузгина.

– Не хочу.

– А я выпью, если не возражаешь.

– Хм... Одного не понимаю! Ты же серьезный человек, бизнесмен, и вдруг такие интересы... Что с тобой случилось? Это личное?

– Да. Я с ними столкнулся по собственной дурости. Потерял близкого человека и сам чуть не пропал, – сказал Долинский просто. – У меня личные счета к ним. Тут у всех, кто этим занимается, – личные счета. Иначе трудно привлечь человека к ночной работе, он либо не поверит, либо перепугается.

– Но ты с ними... и сотрудничаешь тоже.

– Я наблюдатель и посредник. Понимаешь, они без поддержки со стороны людей – обречены. Но и люди без некоторой помощи, хотя бы консультативной, не справятся с их... выродками и отбросами. И наши, человеческие структуры, без взаимной координации тоже... наломают дров по отдель-

ности. Замкнутый круг. Вот я и обеспечиваю связность всего этого в районных масштабах.

– Хорошо, но Вовка-то зачем тебе?

– Вовка... Дай посмотреть, а то я маловато знаю о твоём питомце.

Лузгин прикрыл глаза и постарался расслабиться. Опять пришло ощущение мягкого одеяла, упавшего сверху.

– Теперь понятно, – сказал Долинский. – Спасибо. Ну что же. Твой Вовка очень волнует их. Беспокоит. Это какая-то редкая мутация, и ее появление здорово их пугает. А все, что пугает их, закономерно интересует нас.

– Потому что в конечном счете мы были бы счастливы от них избавиться, – уверенно закончил Лузгин.

– Это, знаешь, вопрос философский. Сам подумай, у нас под носом с незапамятных времен живет альтернативная цивилизация. По всем признакам – тупиковое, нежизнеспособное, уже заметно деградирующее ответвление рода людского. Но вот способности, которыми обладают его представители... Там есть чему учиться и что распространить на всех. Было бы обидно потерять этот шанс.

Лузгин снова придвинул к себе рюмку.

– Вампиры, блядь, – произнес он без выражения.

\* \* \*

«Волга» подъезжала к Зашишевыю, когда Лузгин ощутил

смутное беспокойство. И тут же Долинский передернулся.

– Что там справа, в лесу? – спросил он.

– Метров через сто поворот на лесопилку. Эй! – Лузгин хлопнул ладонью по спинке водительского сиденья. – Сейчас направо уходим.

– И быстро! – приказал Долинский.

«Волга» глухо взревела, нырнула с дороги в лес и, закидывая корму на виражах, припустила по узкой колее.

– Убьют же, гады... – прошипел Лузгин, судорожно цепляясь за ручку двери.

– Не позволю, – отрезал Долинский.

Водитель что-то крикнул, машина вильнула, сошла с колеи, вломила в подлесок и встала так резко, что сидевший сзади Лузгин крепко ударился щекой о подголовник, едва успев отвернуть нос. Водитель громко выматерился. Перед капотом мелькнула детская фигурка. Мимо пробежала, пряча лицо в ладонях и не разбирая дороги, маленькая девочка. «Волга» едва-едва не сбила ее.

Лузгин распахнул дверь. Долинский уже был снаружи и бежал к шевелящейся впереди, между штабелями досок, куче-мале из множества тел.

«Я это раньше видел», – подумал Лузгин.

– Пассатижи, блядь! – орали в куче. – Пассатижи крепче держи, мать твою!

Лузгин продрался сквозь кусты и понесся изо всех сил. Позади водитель громко лязгнул затвором чего-то крупно-

калиберного.

Под кучей-малой возился и рычал полузадавленный вервольф.

– Стойте! – крикнул Лузгин на бегу. – Остановитесь!

Грянул выстрел.

– Стойте! – крикнул Лузгин. – Да стойте же! Люди вы или нет?!

# Часть вторая

## День вампира

### Глава 1

– Не пора нам? – спросил Зыков. – Скока время?

– Рано, – ответил Котов, не глядя на часы. – Время пять с копейками. Солнца мало.

– А рассвет уже все заметнее... – пробормотал Зыков, глядя в хмурое утреннее небо.

– Я и говорю – мало солнца, – повторил Котов и достал сигареты.

Они сидели на поваленном столбе. Мокрые – сверху капало. Усталые – лазали по пригороду всю ночь. Злые. Котов закурил, плотнее запахнул плащ, обхватил себя руками и стал окончательно похож на нахохлившуюся хищную птицу. А Зыков был в шляпе. Птицы шляп не носят.

– Пойдем, а? – попросил Зыков. – Ну нормально же. Ну уже можно.

– Я докурю, – буркнул Котов.

Зыков вздохнул и отвернулся.

– Надоело ждать, – сказал он. – Я всегда устаю, когда жду. И начинаю дергаться.

– А ты не дергайся. С нашей клиентурой чем солнце выше,

тем работа легче. Мне дай волю, я бы тут до полудня сидел.

– Нельзя, – сказал Зыков серьезно. – Кто-нибудь мимо пойдет, заметит нас...

– Слушай, можно человеку покурить спокойно, а?

Зыков снова вздохнул и поднялся.

– Ты чего это? – спросил Котов подозрительно.

– Ноги затекли, – сообщил Зыков и принялся расхаживать у Котова перед носом. Тот раздраженно выплюнул сигарету и тоже встал. Очень медленно подтянул рукав плаща. Долго смотрел на часы. Так же медленно рукав оправил. Подобрал с земли обмякший от старости потрепанный саквояж. Зыков остановился и теперь, переминаясь с ноги на ногу, ждал. Его круглое полнокровное лицо страдальчески кривилось, показывая, как Зыкову тяжело и неудобно.

– Черт с тобой, – сказал Котов. – Пять десять. Будем считать, что нормально. Пошли.

Они начали спускаться с холма в низину, к покосившимся заброшенным баракам. Они странно и угрожающе выглядели, когда шли рядом, – одного роста мужчины в одинаковых промокших заношенных плащах, только Зыков вдвое шире Котова. И в мятой шляпе.

Серая одежда, серые лица. Два человека, таких же серых и тоскливых, как наступающее утро.

Серых и облезлых, как жизнь.

Перед дверью второго барака мужчины остановились. Зыков распахнул плащ и достал помповую гладкостволку, обре-

занную по самый магазин. Приклад ружья был тоже спилен, подобие рукоятки обмотано синей изолентой. Зыков дослал патрон, вытащил из кармана еще один и дозарядил обрез.

Котов извлек из саквояжа фонарь.

– Ну... – выдохнул он. – С богом!

– Зря я тоже не покурил, – сообщил вдруг Зыков.

– Уже все, – отрезал Котов. – Уже начали.

– Знаю... – Зыков безглаголиво взялся двумя пальцами за ржавую осклизлую ручку двери и осторожно потянул ее на себя. Петли взвыли глухо и зловеще.

– Вот ё! – сказал Зыков.

– Они не слышат, – утешил напарника Котов. Он включил фонарь, и открывшийся за дверью коридор залило лунным светом.

Кривые обшарпанные стены с лохмотьями драных обоев. Распахнутые, а то и вовсе повисшие на одной петле двери. Хлипкие половицы с зияющими щелями.

– Ужас, – сказал Котов. – Как чувствовал. То-то мне сюда не хотелось... Зацени, Робокон, вот в таком примерно говне я родился.

– А я деревенский, – посочувствовал Зыков.

– В деревне, что ли, говна мало... Да оно там всюду.

– Там не говно, там навоз.

– А навоз не говно?

– На говне картошка не уродится, – авторитетно заявил Зыков. – Ну, кому стоим?

– Ну и пошли.

– И пошли.

Котов зевнул.

– Надоело, – сказал он. – Что-то мне все надоело. Давай, когда закончим, нажремся. Чтобы спалось лучше.

– Давай, – согласился Зыков и, выставив перед собой обрез, шагнул вперед. Половицы, ощутив на себе верных сто двадцать кило, закрипели. Зыков замер и, словно приняхиваясь, задрал короткий облупившийся нос.

– Не слышат, – сказал Котов. – Уже пять двадцать. Все, нормалек, придавило их.

Зыков шагнул снова, половицы скрипнули опять.

– Да иди же, – подбодрил его Котов. – Вон та дверь, которая закрытая. До чего ж они тупые. Не закрылись бы, пришлось бы сейчас во все комнаты лезть...

Оглашая барак тоскливым скрежетом досок, они добрались до закрытой двери, гнилой и хлипкой на вид. Зыков осторожно толкнул ее стволом обреза. Дверь немного подалась и застряла. Зыков вопросительно посмотрел на Котова.

– Какой-то ты сегодня нервный, – сказал Котов и с неожиданной для своей комплекции силой врзал по двери ногой. Та с хрустом отлетела, попутно расслоившись вдоль. Зыков, что-то возмущенно рявкнув, прыгнул в комнату. Котов не спеша зашел следом.

– Я же говорю – придавило их, – усмехнулся он.

– В следующий раз получишь по шее, – пообещал Зыков,

не отводя взгляда и ствола от безвольно распластанных тел.

– Ага, – согласился Котов. Он огляделся, нашел торчащий из стены ржавый загнутый гвоздь, повесил на него фонарь и переключил режим лампы. В комнате стало почти светло.

– Угу, – констатировал Котов с печальной усмешкой, – вот именно в таком говне... Да и соседи, доложу я тебе, были немногим лучше.

Заколоченное снаружи окно щетинилось внутрь комнаты осколками стекол. Потолок, давно прохудившийся до совершенной прозрачности, открывал взгляду стропила. А на грубо сколоченных голых нарах лежали... Не люди – тела. Все лицом вниз. У нескольких головы оказались замотаны тряпьем. И руки они под себя запрятали.

И много их лежало, много.

– Да-а... – удовлетворенно протянул Зыков. – Нехило. Прямо, блин, хоккейная команда. Взяли мы их, а, Кот? Взяли стаю.

– Взяли, – согласился Котов. – Праздник. Они думали, у них красный день календаря, а будет у нас. Не знаю, как ты, Терминатор, а я точно нажрусь сегодня.

– Раз, два, три... Шесть, – сосчитал Зыков, сопровождая цифры кивками ствола. – Ух, гляди, какая девочка!

– Уже не девочка... Шесть, говоришь?

– Раз, два, три... Не понял. Кот, мы же вели пять. Откуда шестой?

– Разберемся... Вон тот – вожак. Который телогрейку на

голову натянул. С краю валяется.

– Этот? – Зыков моментально развернул оружие в ту сторону. – Почему жоак? – Он был очень напряжен, а Котов, напротив, вел себя внешне абсолютно спокойно. – С чего ты взял?

– Немного дышит еще. Наверняка чует нас, а проснуться не может.

– Мне поддержать?..

– Не-а, – Котов пристроил саквояж на нарах, раскрыл его и принялся внутри копать. – Расслабься. Мы жоака оставим напоследок. Пока с этими управимся, он уже будет совсем никакой.

– Крепкий, однако, – Зыков посмотрел на часы.

– Угу... – Котов достал из саквояжа стандартный милицкий набор для дактилоскопии и грязноватый металлический ящичек. Вдруг он замер – с таким выражением лица, будто его внезапно осенила гениальная мысль.

– Ты че? – еще больше напрягся Зыков.

– Минуточку... – Котов с неуловимой быстротой, свидетельствующей о хорошей тренировке, шевельнул рукой, и в ней будто ниоткуда появился тупорылый пистолет, исцарапанный и тусклый. – А вот мы сейчас поглядим...

Он неспешно пошел вдоль шеренги распластанных тел, приближаясь к крупному мужчине, обмотавшему голову драной телогрейкой. Зыков нервно засопел и двинулся следом.

В шаге от вожака Котов остановился, медленно протянул руку с пистолетом и осторожно ткнул мужчину стволом в ногу. Тот не отреагировал.

– И ничего он не дышит, – сказал Зыков. – Слушай, Кот, а ведь мы его этой ночью не видели. Не было его.

– Вот именно... – пробормотал Котов. – Но я зуб даю – это не одиночка приبلудный, а конкретный вожак. И еще один зуб, что он дышит.

– У тебя столько зубов нет, – заметил Зыков.

Котов сделал жующее движение нижней челюстью и поморщился.

– Опять болят? – участливо спросил Зыков.

– Да пошел ты... – Котов снова ткнул мужчину пистолетом, на этот раз в бок. Безрезультатно.

– Посмотрим? – Зыков подошел к мужчине вплотную, направил ствол обреза ему в поясницу и свободной рукой потянулся к телогрейке.

– Нет, отставить. Рано, – вздохнул Котов и посмотрел на часы.

– Боисься? – просвистел Зыков. Не насмешливо. Понимающе.

– Опасаюсь. Подождем немного, пусть солнышко повыше взойдет.

– Слушай, Кот, я же вижу – у тебя версия. Давай колись. Что это за чудо-юдо?

– Да хрен его знает... Если он не водил стаю, а гулял сам

по себе, но под утро все равно соединился с ними... Кто угодно. Хоть «мастер». Все может быть.

– «Ма-астер»... – протянул Зыков недоверчиво.

– Стоп! – скомандовал Котов. – Версии – пока что забыть. Действуем по плану. Сначала обрабатываем стаю. А вожак никуда отсюда не денется. Ты это... страхуй.

– А я и вправду не красавец.

– О-о, шутки юмора? Повеселел, гляжу? Хорошо.

– Да, вроде отпустило... Ладно, гражданин начальник. Моя страхуй твоя страхуй!

Получив инструкции, Зыков моментально потерял к вожаку интерес. Вышел на середину комнаты и картинно встал там, широко расставив ноги и закинув обрез на плечо.

– А девочка – вещь, – сказал он.

– Н-да? – Котов убрал пистолет в плечевую кобуру, заложил руки за спину и прошелся вдоль шеренги тел, придиричливо их рассматривая. Возле «девочки» он остановился. – А ведь правда, хороша. Жалость-то какая...

«Девочке» исполнилось, наверное, чуть больше двадцати. Она не прятала голову под одежду, но лица ее все равно не было видно – его окутала грива черных волос, длинных, выующихся плотными кудрями. Потертые джинсы были спущены до колен, открывая серые ягодицы, казавшиеся совершенно искусственными, пластмассовыми. В грязных засохших потеках. Как вся стая час-другой назад отымела девчонку попой кверху, носом вниз, так и бросила ее. А у той даже штаны

натянуть сил не хватило – солнце поднялось из-за горизонта.

– Какая жалость, – повторил Котов. – Вот это жопа. Кра-  
сотища. Эксклюзив. Хоть в кино снимай.

– Молодая еще, вот и красивая, – подал голос Зыков.

– Не-ет, коллега. Ты посмотри, какая... э-э... линия бед-  
ра. И вообще – какие ноги. Вот за это я их, гадов, отдельно  
ненавижу.

– За ноги? – уточнил Зыков.

– За руки! – неожиданно разъярился Котов.

– Да понял я, понял...

– Мне такая все равно никогда не даст, – процедил Ко-  
тов сквозь зубы. – Но хоть кому-то. Может, хорошему чело-  
веку повезло бы. А теперь... Что? Ну что с нее толку? Она  
же смертница. Когда бы мы ее накрыли? В следующий раз?  
Через год? А если не мы – во что она через несколько лет  
превратится?

– А допустим, она завтра проснулась бы и пошла к хоро-  
шему человеку... – предположил Зыков. – До следующего  
раза.

– Щас! Размечтался! В лучшем случае к другому упырю.  
Но уж точно не ко мне. И не к тебе.

– Абыдна, да, слюшай?

– Не то слово... – Котов окинул взглядом «девочку» и раз-  
драженно цыкнул зубом. – Знаешь, Терминатор, давай не  
просто нажремся. Давай еще по бабам. А?

– Прямо с утра?

– А чего?

– Начальник, ты начинал бы, а? – предложил Зыков. – Хватит переживать. Клиенты вон заждались. Полшестого. В городе уже будильники звонят.

– Твоя правда. Извини. Люблю оттягивать этот момент.

– Я знаю, – кивнул Зыков. – Они сейчас такие... Ничего не могут.

– Это страхи наши, страхи подавленные, – объяснил Котов, еще раз взглянул на «девочку», тяжело вздохнул и пошел к своим разложенным на нарах инструментам. Натянул хирургические перчатки. Бесцеремонно встряхнул крайнее тело и выдернул из-под него левую руку. Кисть оказалась того же цвета, что «девочкин» зад. Так же безжизненна и искусственна. И почти так же грязна.

Зыков, покачиваясь с пятки на носок, буравил взглядом «девочку» и что-то соображал.

Котов быстро и ловко снимал с руки отпечатки пальцев. Закончив, проставил на дактилокарте номер и открыл свой ящичек. Внутри оказались большущие одноразовые шприцы и полиэтиленовые ампулы с чем-то черным. Котов распаковал шприц, присоединил толстую и длинную, сантиметров десять, иглу, проткнул ампулу, набрал черной жидкости. Оставил шприц в ящичке, влез на нары с ногами и попробовал тело перевернуть.

– Держу, – сказал Зыков сзади, подходя и направляя ствол телу в область почек.

– Не надо, отдыхай, – разрешил Котов. – Он никакой вообще. Они все никакие. У них завтра-послезавтра конец цикла. Ты что, не видишь, девка с голой жопой лежит и не парится? Один вожак еще пыхтит.

– Как ты это чувствуешь? – изумился Зыков, отходя назад и оглядываясь на неподвижного жожака.

– Ненавижу гада, вот и чувствую... – Котов с натугой опрокинул тело на спину. Как бревно. Уселся «клиенту» на грудь, с треском разодрал футболку, зашарил по ребрам. – Тоже молодой парень, черт побери. Смену они себе выращивают, что ли, суки. Давай!

Зыков протянул шприц. Котов прицелился, сказал: «И-и-раз!» и на выдохе, нажимая всем корпусом, с отвратительным хрустом загнал иглу «клиенту» между ребер.

– Есть! – Котов на секунду замер, а потом очень проворно соскочил с нар. – Ага, пошло-поехало!

Тело ожило, дернулось, всплеснуло руками, попыталось кувыркнуться обратно на живот. Не смогло и начало корчиться. Зыков и Котов синхронно полуотвернулись, один налево, другой направо, следя, не шевельнется ли на нарах еще кто.

Тело билось в судорогах, подскакивало, махало руками, мотало головой. Лицо и кисти быстро темнели. На губах выступила пена.

Грохнулся на пол стоптанный ботинок.

Тело сделало «мостик», простояло в таком положении

несколько мгновений и упало на нары мертвое, растянув в страшном оскале черные губы.

– Уффф... – выдохнул Зыков.

– В анамнезе: колбасит, – сообщил Котов внезапно севшим голосом. – В эпилепсии: плющит. Очень хорошо. Никто не реагирует, даже вожак. Можно спокойно работать.

– Как это быстро всегда, – протянул завороченно Зыков. – И до чего же противно! Сколько раз уже гляжу...

– Шестидесят девять, – сказал Котов, пинком отправляя под нары башмак покойника. – Шестидесят девять раз глядишь.

– А ты?

– Девяносто два. Скоро юбилей. И тоже до сих пор не привыкну. Ничего, брат. Зато я с каждым разом все лучше понимаю – они уже не люди. Больше не люди. А значит, нечего их жалеть.

– А кто их жалеет? – удивился Зыков. – Я не жалею.

– И я. Ладно, следующий...

Котов пошел к очередному телу, Зыков снова закинул обрез на плечо и опять уперся взглядом «девочке» промеж ягод.

– Слушай, Кот, – спросил он. – А ты когда-нибудь бабу в жопу е... л?

Котов – он накатывал краску на пальцы следующего «клиента» – от изумления аж передернулся.

– То есть?

– Чего «то есть»? Я спрашиваю – е... л?

Котов посмотрел на Зыкова, потом на «девочку», потом опять на Зыкова. И очень сильно переменялся в лице. Оно и так у него было не ахти какое, а теперь совсем осунулось.

– Мужик, окстись... – пробормотал Котов. – С ума сошел? Только не это.

– Да я ничего... – невинным тоном сообщил Зыков. – Просто интересно.

– Правда? – Котов глядел на напарника весьма недоверчиво.

– А в чем дело-то? Ладно, Кот, не хочешь рассказывать – не надо.

– Почему же не хочу... – Котов все еще сверлил Зыкова подозрительным взглядом. – Ну, допустим, бывало. И не раз.

– И как оно?

– Да понимаешь... – Котов вернулся к своему занятию. – Я, наверное, толком не раскусил это дело. У меня почти каждая подружка рано или поздно сама предлагала – давай попробуем. Чисто из любопытства. Все же знают, что так можно, но не понимают, какой в этом кайф. Ну и пробовали. Чтобы понять.

– И чего они потом говорили?

– Говорили, больно, но интересно. Второй раз почему-то не просили. Наверное, у меня женщины были под такой секс не заточенные. Я потом в газете прочитал, что для этого нервные окончания должны быть сдвинуты к прямой кишке.

И уж тогда...

– А тебе как было? – не унимался Зыков.

– Говорю же – не раскусил. Мы еще всегда по пьяни это делали. А ты ведь знаешь, какой я по пьяни. Никакой. Вот как наша клиентура сегодняшняя.

– Угу...

– Чего «угу»? – Котов поднял глаза: Зыков опять тарасился на «девочку».

– Робокон, я тебя умоляю, – действительно взмолился Котов. – Не думай о ерунде. Лучше меня страхуй.

– Да чего тебя страховать-то... Сам говоришь – нечего.

– Тогда просто стой и не дергайся! – взорвался Котов. – Ты что, совсем мальчик? Не знаешь, с кем дело имеешь?!

– Подумаешь... Не так уж это опасно. Вообще кто придумал, что случайные заражения бывают?

– А вдруг?! Если этот вирус, который ее перекосябил, еще не выдохся?! – Котов судорожно дернул рукой, чтобы посмотреть на часы. – И потом... Потом... Да ты представь на секундочку, кого она жрет и какая дрянь после этого у нее в крови плавает! Там самая ерундовая зараза – сифилис! Ей-то до фени! А тебе п... ц! Стопроцентный! Жить надоело?!

– У меня есть три гондона, – безмятежно сообщил Зыков.

Котов от этого заявления потерял дар речи и только отдувался.

– Ну, Котик... – ласково попросил Зыков. Видно было, что он для себя все уже решил. – Ну что тебе стоит?

Котов шумно выдохнул.

– Нет, я понимаю... – пробормотал он. – Я же образованный, я читал. Нассать врагу на голову или, допустим, сожрать его печень... Или в жопу трахнуть. Даже мертвого, вот как сейчас...

– Ничего она не мертвая!

– Это она не мертвая?! – взвился Котов. – Это она-то не мертвая?!

– Ну ладно, ладно... – Зыков выставил в сторону Котова широченную ладонь. – Физически практически мертвая. Теоретически. А юридически?

– Терминатор, ты мудака, – сообщил Котов упавшим голосом.

– Ну, Котик... Котярушка... Что тебе, жалко, что ли?

– Ты в курсе, что так поступают дикари? А ты кто? Сержант Зыков, очнись! Ты что, папуас?

– Сам ты папуас!

– Нет, ты что, людоед? С какой-нибудь Новой Гвинеи, мать ее? Ты взрослый русский человек! Со средним специальным образованием! К тому же при исполнении служебных обязанностей...

– Друг называется... – вздохнул Зыков.

Котов склонил голову набок, отчего стал еще больше похож на грифа-падальщика, и с тоской поглядел на приунывшего здоровяка.

– Друг, – поизнес он негромко. – Конечно, друг.

– И ни хрена не друг. Как оказывается... – Зыков отвернулся и демонстративно потупился.

– Да делай ты что хочешь! Пожалуйста! Разрешаю! Вперед! И с песней!

– Пра-а-вда? – спросил Зыков, немного поворачиваясь обратно, чтобы искоса недоверчиво глянуть на Котова.

– Да! Но учти, Терминатор... Если подхватишь от нее... гангрену – подохнешь в одиночестве. Я к тебе в больницу ходить не буду!

– Заметано, – легко согласился Зыков.

– А подцепишь ее вирус, – использовал главный козырь Котов, – я тебе собственноручно вкачу серебра!

– К следующему полнолунию сам напомним, – сказал Зыков очень серьезно. – И наблюдай за мной сколько угодно. Котик, не сердись. Я вот понял... Надо мне. Хочу.

– Дикарь и папуас, – Котов нагнулся над саквояжем и одной рукой в нем шарил.

– Когда еще будет подходящий случай... – оправдывался Зыков. – Я же не потому, что она из этих... А потому, что случай.

– Знаем мы вас, папуасов... Хм, что у нас тут... Мазь универсальная «Спасатель»... Нет, сомнительно. Ну, где же это... Ага! Левомеколь. На, держи. Он жирный и резину не должен разесть.

– Котярушка, ты настоящий друг!

– А то... – Котов покачал головой и продолжил работу. –

Только быстро давай.

– Да я мигом! – Зыков уже бросил обрез на нары и тянул с себя плащ.

– Это п...ц какой-то, – сообщил Котов в пространство, рисуя номер на очередной карте.

– Совершенно верно, – поддакнул Зыков, расстегивая штаны.

– Лучшие, можно сказать, люди нашего города... – Котов зарядил шприц и перевернул «клиента».

– А-шо-же-худшие-што-ли... – согласился Зыков сквозь зубы, грызя упаковку презерватива.

– Прямо у меня на глазах сходят с ума!

– Н-бз-этого... – опять согласился Зыков.

– Ты учти, Робокон. Еще одна подобная выходка, и конец. Я просто все брошу и эмигрирую.

– Как это?! Куда?! – уже нормальным голосом возмутился Зыков.

– Просто! В Москву! И-и-раз!

Снова раздался тошнотворный хруст. Котов спрыгнул с «клиента», того моментально начало корезить.

– Не уедешь ты в Москву, – пробормотал Зыков, карабкаясь на «девочку». Нары издали стонущий звук. – Кому ты там нужен?

– Ну, тогда в Питер. Говорят, там народ получше, чем в Москве, может, кому и пригожусь... – предположил Котов, наблюдая, как тело, принявшее дозу серебра, исполняет

пляску смерти и на глазах чернеет. При этом он не забывал настороженно поглядывать в сторону жожака и руку держал под плащом.

«Клиент» так яростно отбросил копыта, что с него слетели кроссовки. Котов запинал их в угол комнаты.

– Был ты беленький, а стал черненький... – промурлыкал Котов. – Все на борьбу с апартеидом.

Зыков сосредоточенно ворочался на «девочке». Стройная фигурка скрылась под его тушей целиком. Нары скрипели, похрустывали и опасно шатались.

– Вот ё! Да что ж такое?!

– Чего? – вяло удивился Котов.

– Не лезет! – возмущенно объяснил Зыков.

– Хм-м... Цитата...

– Чего? – в свою очередь удивился Зыков. Он даже голову к напарнику повернул. С выпученными глазами.

– Ничего! Отрастил, понимаешь, агрегат – вот и не лезет. С левомеколем попробуй, я зачем тебе дал...

– Забыл, – пробормотал Зыков и продолжил беспорядочное ерзание.

Котов тяжело вздохнул, обошел Зыкова – «девочка» лежала в ряду третьей, – присел на край нар спиной к напарнику и принялся за следующее тело.

– Ага! – провозгласил Зыков и приступил к возвратно-поступательным движениям. Нары зашатало всерьез. Котов вздохнул еще тяжелее.

– Терминатор, ты не можешь, э-э... полегче как-нибудь? – спросил он.

– А в чем дело? – пропыхтел Зыков.

– Трясет очень, вот в чем.

– Я постараюсь... – серьезно пообещал Зыков.

– Буду тебе глубоко признателен.

Некоторое время прошло в относительной тишине, нарушаемой только скрипом нар, запаленным дыханием Зыкова и неразборчивыми проклятиями, которыми Котов сопровождал попытки снять отпечатки пальцев с «клиента». Укол пришлось делать при такой серьезной качке, что Котов почти уже отказался от этой затеи – велик был риск промазать мимо сердца, но тут Зыков решил то ли перевести дух, то ли осмыслить впечатления. Котов быстро вогнал иглу, надавил поршень, сполз с обработанного тела, оступился и упал на колени в пыль. Зыков кряхтел и постанывал. Котов отряхивал брюки и тихо матерился. Когда он уселся между следующим «клиентом» и вожаком, нары уже не шатало – бросало. Котов, пытаясь хоть как-то унять их эволюции, крепко уперся ногами в пол.

– Ну как? – спросил он, не оборачиваясь.

– А-а-а-а? – выдохнул Зыков.

– Я спрашиваю – как ощущения? Зае... сь?

– А-а-а-ага...

– Ну-ну. Будем надеяться, что она не проснется. Я бы проснулся на ее месте.

– А-а-а-а?

– Давай шевелись. Некрофил.

Зыков шевелился. Котов пытался работать. Потом он не выдержал. Пробормотав: «Нет, это нереально», – Котов отпустил дактилоскопируемую костлявую руку, ставшую уже из белой черной, с тоской посмотрел на свою перчатку, измазанную краской ничуть не меньше, и потянулся за сигаретами.

– Ты долго там еще? – спросил он раздраженно.

– У-у-у... А-а-а...

– Тьфу! Вот угораздило...

Наконец Зыков издал глухой утробный рык, несколько раз по инерции дернулся взад-вперед и затих.

– Слава тебе, господи! – провозгласил Котов, выплевывая сигарету и возвращаясь к прерванному занятию. – Я уж думал, этот кошмар никогда не кончится.

– Вот... это... да! – сообщил Зыков.

Чавкнуло – повис на стене презерватив. Прошуршало и чмокнуло – отлип и упал на пол.

– Отношения с клиентурой прояснились? – небрежно поинтересовался Котов. – Забрезжил свет в конце тоннеля бытия?

– Ы-ы-ы... Э-э... Эй! Кот!

Кличку напарника Зыков не выкрикнул – вышипел. А Котов, уже почуявший опасность, сидел очень прямо и смотрел в глаза, взгляд которых никому из живых не дано поймать

дважды.

Вожаку было очень плохо. Сев напротив Котова, он строил ужасные гримасы костлявым серым лицом. Коренные зубы у него давно вывалились, зато в черной дыре приоткрытого рта желтели острые длинные клыки. Руки вожака судорожно комкали грязную телогрейку, которой он до этого был укрыт.

У рядовых членов стаи руки были другие. А в этих уже не осталось ничего людского. Не руки – грабли. И зубы еще, зубы... Прямо как у собаки.

– Что, дружок, хреново? – участливо спросил Котов. До жути спокойно. Нечеловечески.

Вожак не то вздохнул, не то всхлипнул.

– А ты приляг, – посоветовал Котов. – Приляг, накрой лицо, тебе сразу же станет легче...

Придерживая одной рукой штаны, сзади к Котову медленно, очень медленно приближался Зыков. Лицо у него было еще серее, чем у вожака. Впрочем, в молочном свете фонаря тут все плохо выглядели. Зыков не взял обреза. Не потому, что растерялся, а просто вожак сидел к Котову слишком близко, и брызги его крови могли попасть человеку на лицо. Риск весьма умеренный, но риск. Случись такое, Котов бы потом долго и обидно ругался.

– Ничего страшного, ты просто заболел, – ворковал Котов. – Это не опасно, у тебя уже все прошло, но ты сейчас очень слабенький, тебе нужно спать. Как можно больше

спать...

Вожака ломало. Он с хриплым посвистом втягивал в себя воздух и по-прежнему строил рожи. Зыков кое-как застегнул штаны и подошел вплотную. Пригляделся к вожаку повнимательнее и окончательно спал с лица.

– Спать и видеть прекрасные сны... – мурлыкал Котов. – Не удивляйся тому, что вокруг, это... м-м... карантин. Ты не один здесь. Еще сутки-двое, и тебя отвезут домой. Просто сейчас нужно отдохнуть. Ложись скорее, мой хороший. И ничего не бойся. Все уже позади. И мы тебя не оставим. Пока ты будешь спать, мы будем рядом, мы позаботимся о тебе...

По идее, больше всего на свете вожак сейчас хотел именно спать. Но не с такими сиделками под боком. В иных обстоятельствах он бы вообще, наверное, удрал. Проломил бы хлипкую стену, выскочил в коридор и задал стрекача. Увы, сейчас за стеной занимался день. Серый и паскудный, но все равно день. А перед вожаком было двое врагов, твердо убежденных, что не боятся его. Придавленный невидимым солнцем, вожак плохо видел, чувствовал, двигался, соображал. И поэтому был смертельно напуган. Его загнали в угол, и он не мог понять, что страшнее – утро за стеной или двое убийц здесь, в комнате.

– Ладно, больной, хватит! – повысил голос Котов. – Ну-ка, ложитесь. Я кому сказал! – Он протянул руку и толкнул вожака в плечо. Тот чуть пошатнулся.

– Ты ляжешь, сука, или нет?! – взревел Зыков.

Против ожидания, вожак на Зыкова не отреагировал вообще и продолжал стеклянным взглядом пялиться Котову в глаза.

– Тебе что сказано, пидарас сраный?! – орал, надсаживая глотку, Зыков.

Вожак смотрел на Котова. Тот на вожака. Сеанс двустороннего гипноза.

Зыков откашлялся.

– Ни х... я не понимает, – просипел он. – И что теперь?

– Товарищи, наша разминка окончена, – голосом радиодиктора произнес Котов. – Переходим к сексуальным извращениям. Где берданка, Робокон?

– Ох, забрызгает тебя...

– Я плащом закроюсь и назад упаду. Тащи свой бластер. И в душу ему на счет «три». Чего стоишь? Последние мозги прое... л?

– Да ладно тебе... – начал было Зыков.

В этот момент вожак, собравшийся, видимо, с силами и переборовший страх, перешел в наступление. Выронив телогрейку, одну когтистую граблю он выбросил в сторону Котова, а второй махнул, пытаясь зацепить Зыкова. Котов дернулся было, но вожак достал его и ухватил за лацкан. Котов рванулся назад и попытался вскочить на ноги. Ветхая ткань плаща затрещала и «поехала».

Несмотря на свои габариты, двигаться Зыков умел стре-

мительно и с неким тяжеловесным изяществом. Сначала он вобрал живот, отчего когти вожака прошли мимо. А потом мощным рубящим ударом врезал сверху вниз по запястью руки, вцепившейся в одежду Котова. Раздался короткий треск. Освобожденный от захвата и лацкана заодно, Котов упал на спину. Зыков взвыл от боли. Вожак раздраженно зашипел и развернулся к нему лицом. За что моментально огреб ногой по зубам и опрокинулся на нары. К несчастью, удар, после которого нормальный человек оказывается в глубоком ауте, вожака только раззадорил. Или разбудил. Сделав на нарах кувырок и ударившись о стену, вожак от нее пружинисто оттолкнулся и прыгнул к Зыкову.

Котов уже встал на четвереньки и прямо из такого положения тоже прыгнул, совсем в другую сторону. Он схватил лежащий рядом с неподвижной «девочкой» обрез и развернулся, чтобы бросить его Зыкову. Развернулся и обомлел.

Вожак, скаля клыки, сидел на краю нар, обеими руками вцепившись в громадную волосатую лапу, которой Зыков ухватил его за тощую длинную шею. Свободным кулаком Зыков методично бил вожака в переносицу. Каждый удар сопровождался коротким взреыванием Зыкова, которому, видимо, было очень больно колотить по твердому. И тяжким оханьем вожака, у которого, наверное, сдвигались все сильнее остатки мозгов. Вожак был в панике. Вместо того чтобы полосовать руку Зыкова когтями, он пытался сдернуть ее со своей шеи.

– Кот! Кот! Кот!!! – звал Зыков.

– Ох! Ох! Ох! – жаловался вожак.

Котов швырнул ружье назад, выхватил пистолет и метнулся к единоборствующей парочке. Сгрёб телогрейку, накинул ее вожаку на голову, упер ствол в область темени и нажал спуск.

Даже на фоне уже имеющегося концерта, в замкнутом пространстве комнаты выстрел прозвучал оглушительно. Вожак резко дернулся назад. И заорал Зыков, да так, что уши у Котова заложило совсем.

– Су-у-у-ка-а!!! Ру-у-у-ку!!!

Присмиревший вожак медленно и неуверенно тянул с простреленной башки телогрейку. Зыков, задрав лицо к потолку, рычал и выл. Его левая рука безвольно повисла, заметно вывернутая в плече.

– Уход! – скомандовал Котов до того громко, что сам слышал. – Зыков! Уход!

– Слома-а-ал!!!

– Да ни хера не сломал, вывихнул!

– А-а-а! Гр-р-р... – Зыков схватился правой рукой за левое предплечье и, видимо, сделал еще больнее, потому что выкрикнул лишь одно слово: – Убью!!!

Вожак обнажил голову и теперь с крайне задумчивым видом ощупывал свою макушку. Зыков сунулся было врезать ему ногой еще раз, так сказать, в знак благодарности, но Котов ухватил напарника за воротник.

– Атаc! – рывкнул он Зыкову прямо в ухо.

– А-а?!

Глаза у Зыкова оказались похлеще, чем жожаковы стекляшки. Тут были прямо фары от «КамАЗа». Конечно, если фары отмыть.

Котов застегнул на Зыкове засаленный неопределенного цвета пиджак, не без труда отнял у напарника пострадавшую руку и быстро, но осторожно уложил ее за борт.

– Это «мастер»! Не видишь?! Уходим!

Зыков обернулся к жожаку. Тот вставал. С явным намерением продолжить драку. И вставал довольно быстро.

– Бллядь! – выдохнул Зыков, отступая и озираясь в поисках оружия.

Котов несколько раз выстрелил, почти не целясь. Сначала пули толкали жожака в грудь, заставляя всего лишь приостанавливаться, но последняя угодила прямо в глаз и вынесла его напроць – аж с тыльной стороны черепа брызнуло. Жожак кувыркнулся назад, карикатурно дрыгнув в воздухе ногами, и крепко треснулся затылком. Но тут же сделал попытку вскочить.

Зыков подхватил свой обрез и с одной руки саданул по жожаку картечь, снова припечатав того к полу. Расстреливаемый, уразумев, что подняться ему не дадут, встал на четыре лапы и снова двинулся в атаку. Картечь Зыков рубил из технической серебряной проволоки, «рядовой» член стаи от нее закрутился бы винтом, как обезглавленная гадюка. А во-

жак только зашипел, будто угодил в крапиву.

– Уход! Уход! – орал Котов. Он был уже у двери. – Зыков, бегом!

Зыков перехватил обрез за цевье, рванул, досылая новый патрон, снова подбросил оружие и ловко поймал его за рукоятку. Долю секунды помедлил, раздумывая, не стрельнуть ли еще, но все-таки внял голосу разума – или начальника – и мимо Котова метнулся в коридор.

Котов стрелял по вожаку. Взяв пистолет двумя руками, считая патроны и выбирая на теле монстра больные места. От пороховой гари в комнате уже было не продохнуть. А вожак, содрогаясь при каждом попадании, тем не менее упорно полз вперед. Он был страшно изуродован, но по-прежнему опасен.

На выходе из барака смачно бубухнуло – отступающий Зыков прошиб собой дверь. Котов на прощание влепил пулю вожаку в переносицу и бросился наутек.

Снесенная с петель дверь валялась на земле. Котов об нее запнулся и спикировал в глубокую коричневую лужу. Приложился он так, что относительно чистым остался разве пистолет. Поджидавший напарника Зыков, увидев, что тот более или менее жив, повернулся и резво припустил вверх по косогору, оскальзываясь на мокрой траве и размахивая обрезом, дабы удержать равновесие. Котов, матерясь, вскочил на ноги, уронил пистолет в карман плаща и рванул следом.

Далеко позади рычало, скулило и лезло на стену в припад-

ке бессильной злобы то, что осталось от жоака.

На подъеме Котов поскользнулся, упал и, решив попусту не вставать, поскакал вверх на четвереньках. Через несколько секунд он обогнал Зыкова и упрыгал вперед.

– Машину отпирай... – пропыхтел Зыков ему в спину. – Скорее! У меня шок проходит... Кажется...

Потрепанная котовская «Волга», по документам серая, а на самом деле бурая от ржавчины и грязи, сливалась с придорожными кустами заподлицо. Котов секунду провозился с ключами, распахнул дверцу, швырнул на сиденье пистолет, с отвращением стряхнул на землю изгвазданный плащ и полез в машину. Поднял фиксатор задней двери, выбрался наружу и прыгнул к багажнику.

– Давай на заднее! – крикнул он Зыкову.

В багажнике под кучей разнообразного хлама обнаружился еще один саквояж. Котов достал запасную аптечку и поспешил на помощь Зыкову, который уже открыл себе дверь и теперь неловко лез на заднее сиденье.

– Сейчас уколемся быстренько, и все будет хорошо... Давай, Терминатор, уколемся. Пару кубов анальгинчика, будешь как огурчик. Ну-ка! Во-от. Слушай, я не умею вправлять серьезные вывихи. Пусть рука так лежит. Ага? Десять минут до больницы, не больше, гарантирую...

– Да не суетись ты, – буркнул сквозь зубы Зыков. – Все нормально. Бывало и хуже. Ты молодец, Кот. Спасибо.

Смотрел он не на Котова, а в сторону кустов, за которыми

скрылся барак. И в уцелевшей руке крепко сжимал обрез.

– Нет канистры, представляешь? Канистры нет! Кр-р-ре-тин! – простонал Котов. – В гараже оставил, ур-р-род! Подпалить бы сейчас! Это же «мастер» – видел, зубы какие?! – его надо огнем... Плеснуть бензинчику, запалить барак к едрене матери...

– И хорошо, что нет канистры, – сказал Зыков.

– У-у, да ты уже, брат, заговариваешься. Сейчас поедем, сейчас, я только плащ свой подберу, может, хоть на тряпки сгодится...

– Девочку жалко, – объяснил Зыков. – Ты бы и ее спалил. Тебе волю дай, ты кого угодно спалишь. А девочку жалко.

Котов этой реплики толком не расслышал, потому что уже возился в багажнике.

– Чего? – спросил он, возникая на переднем сиденье.

– Ничего...

– Все, мы едем! – Котов вытащил из-под себя пистолет, критически его оглядел, сунул за пазуху и занялся машиной. Заскрипели педали, отчетливо хрустнуло в коробке передач.

– Она нас однажды угробит... – с философским безразличием заметил Зыков.

– Ты про работу? – Котов воткнул ключ в замок и, невольно затаив дыхание, повернул. Из-под капота раздался отвратительный скрежет. Раздался и стих.

– Про машину.

– Какой хозяин, такая и машина, – преувеличенно бод-

ро сообщил Котов, поворачивая ключ снова. «Волга» вся содрогнулась, будто от подступившей тошноты. Котов тихонько ругнулся.

С третьего раза – прямо как в анекдоте – машина завелась. – Береги руку! – сказал Котов. – Не очень больно сейчас? – Берегись автомобиля! – хмуро ответил Зыков. – Совсем не больно.

Подумал и добавил:

– Потом, наверное, будет.

Котов довольно плавно тронул свой рыдван с места и начал петлять, объезжая колдобины. Он преодолел метров двести, когда из переулка выкатился ему наперерез длинный черный «БМВ». Котов дал по тормозам, стертые до металла колодки отозвались хриплым гулом. Зыков тяжело охнул.

Одной рукой Котов крутил ручку, опуская стекло, другой безуспешно пытался воткнуть передачу заднего хода.

Дверь «БМВ» распахнулась, и на улицу не спеша, с достоинством, шагнуло нечто, имеющее внешность человека.

– По самые яйца, – вяло сказал Зыков, кладя на плечо Котову цевье обреза. – Вляпались.

– Не спеши, – прошипел Котов, терзая коробку передач. – Не спеши...

Существо размеренным шагом приближалось. Одетое в безукоризненно отглаженный черный костюм, выглядело оно на разбитой дороге, ведущей в промзону, совершенно неуместно. Что-то на уровне инопланетянина. Или, допу-

стим, президента США.

– Не могу... Заело... – сдавленно пробормотал Котов. – Ну ладно... – Он воткнул первую и легонько газанул, не отпуская сцепления. И вытащил пистолет.

Существо подошло к «Волге» со стороны водительской двери и нагнулось, заглядывая Котову в лицо. А вот в смотрящие прямо на него стволы оно глядеть и не пробовало. Угроза оружием его просто не волновала.

«Расслабьтесь, вы мне не нужны, – подумало существо. – Мне нужен тот, которого вы нашли сегодня ночью. Вы же нашли его, верно?»

– Я с-сейчас т-тебе п-прямо в р-рожу с-с-блюю... – еле выдавил предупреждение Котов.

– А я стрельну, – очень уверенно заявил Зыков. Ему было легко целиться одной рукой – он по-прежнему использовал плечо напарника как упор. Нимало не заботясь тем, что от первого же выстрела у Котова накроется барабанная перепонка.

«Вы нашли его, – подумало существо. – Но не справились. Он совсем рядом. Где?»

– Н-не н-надо т-так, – давился словами Котов. – Я-а п-понял. Я-а с-скажу. Н-не д-дави. Д-давай с-сотрудни... чать.

«Есть направление, я чувствую его, – подумало существо. – Это в таком длинном заброшенном доме. Теперь я знаю, где. Но вы очень сильно все усложнили. Вы разбудили его, запугали, довели до истерики. Плохо».

– Слушай, Кот, чего мы усложнили? – возмутился Зыков. – Да пошел ты на х... й, ты... сам попробовал бы!

«Теперь нам придется очень трудно. Это из-за вас. Я буду жаловаться», – подумало существо.

– Чего-о?! Жаловаться?! Ах ты... Козел нерусский! Да пошел ты!.. Да я тебя... Ща так отрихтую, мама не узнает! Ща как схлопочешь прям в е... ало из двенадцатого калибра! – в искреннем возмущении орал Зыков.

Котов молчал, только головой тряс. И пистолетом.

«Мама?.. Да, мама не узнает, – подумало существо, обращая взор к Зыкову. – Я помню, что такое мама».

Зыковская ругань умолкла по затухающей, будто разъяренного громилу за шнур из розетки выдернули.

Котов у себя на переднем сиденье вроде бы начал дышать.

– Извините, спасибо, до свидания... – пробормотал Зыков очень тихо и скромно, убирая ствол.

«Уезжайте немедленно», – подумало существо, распрямилось и величественной походкой удалилось к своему «БМВ».

– Кот, а Кот? – позвал осторожно Зыков. – Ты живой?

– Вроде, – без особой уверенности ответил Котов. Он спрятал пистолет и теперь утирал лицо грязным рукавом. «БМВ» развернулся и проехал мимо. Котов проводил его безумным взглядом.

– Трое, – сказал он. – Трое их там. Ужас...

– Откуда ты знаешь? Стекла тонированные.

– Знаю, и все, – отрезал Котов. Пedaли под его ногами из-

дали протяжный скрип, «Волга» дернулась, затарахтела и покатилась вперед.

– Он тебя почти и не коснулся, – сказал Котов нарочито громко, чтобы перекрыть голосом фыркание и пукание глушителя. – А вот меня...

– Жуткий тип, – согласился Зыков. – Кто это, а? Тоже «мастер»? Тогда почему днем?.. Как же он днем-то, Кот?

– Я не знаю, кто это. Ужас, летящий на крыльях ночи. Хозяин жизнью.

– Хозяин жизни, – поправил Зыков.

– Не-ет, Терминатор, я не оговорился. Именно жизнью. Вот наших с тобой, например.

– Тьфу! Водки хочется, – пожаловался Зыков. – Слышь, Кот, я понимаю, тебе хреново пришлось, но ты не мог бы побыстрее, а?

– Ничего ты не понимаешь. Мне не хреново пришлось. Он меня убил вообще. Ох, уеду я, уеду...

– Туда, откуда... эти? В Москву? Брось. Слушай, правда, давай газуй. Плечо на глазах пухнет.

– Держись там за что-нибудь, – сказал Котов. – Нет, ну какого же хрена?! Ведь напрасно все, напрасно... И зачем мы это делаем?!

Котов длинно выматерился и утопил педаль в пол. На заднем сиденье Зыкова принялось болтать, он бросил обрез и растопырил здоровые конечности во все стороны.

– «Дворники» опять едва шевелятся, – буркнул Котов. –

Пусть моросит, вот только бы не дождь.

И пошел дождь.

## Глава 2

Всю ночь Мишу одолевали кошмары. Раз за разом он пытался убежать на ватных ногах от каких-то неясных зловещих теней, которые, естественно, настигали его и принимались душить. Миша в ужасе просыпался, но оказывалось, что он лишь перепрыгнул из одного сна в другой, где все повторялось. Непослушное тело, обычно сильное и проворное ночью – о да, там, во сне, была ночь, – отказывалось повиноваться, руки преследователей сжимались на Мишином горле... И так до бесконечности. Закончилось все тем, что Миша, катаясь по постели в тщетной попытке вырваться из лап кошмара, навалился на Катю и почти разбудил ее. А Катя просто как следует двинула Мишу локтем под ребро. Отвернулась лицом к стене и засопела носом.

Миша лежал, мучительно хрипя пересохшим горлом, держась за ушибленный бок и стараясь не глядеть в сторону окна. Там занимался рассвет. Все было естественно и понятно – Миша забыл с вечера задернуть шторы. Точнее, не забыл, а просто вытеснил из памяти эту необходимость. С каждым новым циклом ему все меньше хотелось прятаться от солнца. Чем больше это было нужно, чем сильнее день обжигал сердце – тем меньше хотелось.

Но сейчас придется встать и зашторить в доме все окна. Иначе проснется Катя, и тогда держись. Настоящая Катя никогда не закатывает сцен. Она любит своего Мишу и скорее умрет, чем допустит ссору в доме. А вот эта, другая, измененная, которая сейчас так уютно спит...

Зубами к стенке.

Двигаясь рывками, как марионетка, Миша сел на кровати и зябко обхватил себя руками за плечи. Тело слушалось хуже, чем во сне. Там оно было просто как желе, а в реальности будто состояло из отдельных плохо сопряженных частей. На тупых корявых шарнирах. Примерно через пятнадцать часов это тело будет – вещь, но что толку? Какой во всем смысл, если другое тело, сейчас мирно лежащее рядом, красивое и гладкое, любимое, вдруг – каждый раз это словно плевок в глаза – проснется с душой озлобленной неудачницы?

А может, ну их, эти шторы?

Нет. Будет очень больно, и вскоре случится одно из двух. Либо инстинкт самосохранения погонит Мишу драпировать окно, либо поднимется Катя, сделает это сама, а потом обругает мужа последними словами. А то еще и ударит. Она пока что не пыталась это делать, но в прошлый раз было заметно – готова.

Когда Миша вставал, ему показалось, что у него скрипят все суставы. Шаркающей походкой он дополз до окна спальни, задернул наглухо толстые гардины и тяжело вздохнул.

Предстояло еще топать в мастерскую и на кухню. И там делать то же самое одеревеневшими руками. Зато потом, на кухне, можно будет выпить стакан воды. Многократно удушенное врагами горло невыносимо саднило.

От воды Мишу чуть не вырвало. Он присел на край табурета, закурил – сигарета дважды выпадала из пальцев – и совсем расстроился. Сколько ночей на этот раз? В позапрошлый было две, а в прошлый уже три. Выдержит он три ночи? А если их окажется четыре?! Если бы Миша сейчас мог заплакать, он бы этому утешительному занятию предался. А так – глотал безвкусный дым и переживал.

Три ночи... Или четыре? Да даже три ночи рядом с этим ужасом, этим чудовищем, безжалостно пожравшим его возлюбленную, – невыносимо. Просто невыносимо. И никакого выхода. Никакого выбора. Ни-ка-ко-го.

– Сука... – прошептал Миша. Для затравки, попробовать, сможет ли он это произнести в адрес любимой женщины. А когда вышло, повторил уже уверенно, почти в полный голос: – Су-у-ка...

Тридцать лет всего, а жизнь кончена. Потому что без Кати – разве это будет жизнь? Это что-то такое будет, о чем и подумать страшно. Работать-то он точно не сможет.

А если все же подумать?

Миша честно постарался охватить умом тоскливую перспективу, но не смог. К тому же ему пришло в голову, что Катя без него влипнет в какую-нибудь жуткую историю. Нет,

не выйдет ничего.

– Сука... – вздохнул Миша. Швырнул сигарету в набитую грязной посудой раковину. Кряхтя поднялся и с выражением полнейшей обреченности на лице пошел спать дальше. При- мерно еще пятнадцать часов.

\* \* \*

В крошечной тьме Катя стояла перед зеркалом и «рисовала» глаза. Миша сидел в мастерской и тупо разглядывал последнюю работу – портрет депутата городской думы. Сутки назад и при дневном освещении депутатская рожа Мишу никак не трогала, а вот сейчас его подташнивало. Сама-то картина чисто технически была ничего – крепкий средний уровень, не придерешься. Но в каждом мазке сквозило подсознательное отвращение художника к жертве...

Почему к жертве?

– Ты чего там притих? – спросила Катя. – На уroda своего любишься?

– Это не урод, а тысяча долларов, – хмуро возразил Миша.

– О чем и речь. Когда ты перестанешь на него пялиться и начнешь работать? Тебе осталось-то всего ничего.

– Он мне не нравится, – сказал Миша. Почти агрессивно сказал. Непонятно было, в чей адрес – депутата, его портрета или вообще собственной жены.

– Знаешь, Михаил... Я тебе вроде работать не мешаю.

Я все делаю для того, чтобы тебе было в этом доме удобно. Да?

– Ну... – признал Миша, догадываясь, чего ждать дальше.

– Так вот! – в голосе Кати лязгнул металл. – Тебе не кажется, что должен быть хоть какой-то ответ с твоей стороны?

– У тебя косметика заканчивается? – поинтересовался Миша осторожно.

– Не в этом дело, Михаил. Не в этом дело.

– Понимаю... – вздохнул Миша.

– Да ничего ты не понимаешь.

– Куда уж мне...

– Тебе нужно всего-навсего быстро намалевать этого урода. Потом его жену. Потом дочь. Потом любовницу. Неужели трудно, Михаил, раз в месяц...

– Схалтурить, – подсказал Миша. – Во всех отношениях. Да, трудно. Раньше было нетрудно, а теперь – надоело. Я вообще-то художник.

– Художник, который не знает теории живописи? Хм.

– Знаю!

– Хорошо, – подозрительно легко согласилась Катя. – Значит, халтурить ты у нас больше не можешь. Угу. Но что тебе мешает рисовать их так, как ты считаешь нужным?

– Если я начну работать с этой шушерой в полную силу, – горько сказал Миша, – через месяц у нас не останется ни единого заказчика. И не будет уже никогда. Они просто разбегутся.

– Ха! А сейчас ты чего добиваешься? Того же самого. Ты не работаешь вообще, и они точно так же разбегаются.

– Да закончу я этого уroda, закончу на следующей неделе!

– Ну-ну... Посмотрим. И угораздило же меня связаться с рохлей...

– Ты готова или нет?! За каким дьяволом мазаться, если тебя все равно никто не увидит...

– Уви-и-дит, – промурлыкала Катя. – Кое-кто непременно увидит. А ты заткнись. Не понимаешь, что нужно женщине, вот и заткнись.

– Извини, – вздохнул Миша. – Но... Ты не могла бы чуточку поторопиться, а?

– Куда спешить? Ночь дли-и-и-нная... Краси-и-и-вая... Вкус-с-с-ная... До чего же я люблю ночь!

– Это, конечно, замечательно, вот только у меня уже крыша едет, – пожаловался Миша.

– С чего бы это? – поинтересовалась Катя.

– Голодный, вот с чего, – признался Миша сквозь зубы. – Как-то очень быстро все на этот раз. Ощущение, будто каждого таракана в доме слышу...

– А ты скушай тараканчика, мой хороший, скушай...

– Катенька! – взмолился Миша. – Мне действительно плохо. Честное слово. Очень плохо. Давай уже пойдем? А то...

– А то что?

– Ничего, – отрезал Миша. Его рвало на улицу. Буквально выворачивало. Телесно он еще оставался здесь, но

что-то главное – душа, наверное, – просочилось за стены и теперь множеством невидимых щупалец обследовало мир. Обостренное голодом восприятие стало невероятно тонким, и многое из происходящего вокруг причиняло Мише чуть ли не физическую боль. Соседние квартиры, двор, небо над крышей, земля под домом... Везде что-то творилось, и все это было отвратительно. Потревоженная ворона на дереве скрежещет когтями по ветке – будто по сердцу наждаком. Храпят соседи – кажется, от этого звука стошнит. Какая-то непонятная возня в кустах за аркой, ведущей из двора-колодца на улицу, – фу, до чего грубо!

Стоит утолить голод, и все станет на свои места. Ночь окажется волшебно красива. Можно будет жить ею, дышать, впитывать эту ночь в себя и радоваться ей. Стоит только утолить голод... Пока остался хоть какой-то минимальный контроль, пока еще не поздно...

Будто подпружиненный, Миша вскочил с табурета и вылетел в прихожую. Рванул дверную ручку. Пронзительный негодующий вопль жены почти остановил его. Почти.

Во дворе Мише сразу полегчало. Держась рукой за грудь, в которой бешено колотилось сердце, он несколько раз судорожно вздохнул и почувствовал себя человеком. То есть не совсем человеком, конечно. Хотя бы просто собой. Личностью довольно странной, но отчасти сохраняющей интеллект и какие-то эмоции того Миши, которого он знал по прежней жизни.

Теперь нужно эту личность подкормить, и сразу все наладится.

«Ну что, доволен? – подумала совсем рядом Катя. – Вые... нулся?»

Миша от неожиданности подпрыгнул и опять схватился за сердце.

– Господи... – пробормотал он. – Это ж надо так напугать... Чуть не до смерти.

«Да я б тебя и убила, будь моя воля», – подумала Катя безразлично.

На всякий случай Миша решил не оборачиваться. Он знал, что Катя стоит за левым плечом. Одета в черное, от этого еще более красивая и сексуальная, чем обычно. Он бы с наслаждением ее рассмотрел внимательно, тая от любви. Даже сейчас – с наслаждением. Вспомнил бы, что давно не рисовал ее... Но оборачиваться и пялиться на жену именно сейчас было глупо. Миша спиной чувствовал, какое у нее выражение лица.

«Нож не забыл?» – подумала Катя.

Тут Миша не выдержал и оглянулся. «Что со мной происходит? Неужели я действительно слышу ее мысли? Раньше ничего подобного не было. Боже, в кого я превращаюсь? В такой же ходячий злобный ужас, как она?.. Интересно, а Катя слышит, что именно сейчас думаю я? Ой!»

«Нож, – мысленно повторила Катя. – Забыл, да?!»

Миша таращился на жену, то ли подглядывая, то ли под-

слушивая, как именно она передает ему свои мысли. «И не только мысли, — догадался он. — Сейчас мне влепят пощечину. И она хочет, чтобы я это почувствовал раньше, чем последует удар. Ей не очень приятно меня бить. Но я ее постоянно раздражаю своей тупостью. Она слишком далеко ушла от меня, слишком изменилась. Ей, бедняжке, со мной тяжело». Миша не без труда вышел из оцепенения и сунул руку в карман.

«Вот он, твой нож, — подумал Миша внятно и отчетливо. — Я не забыл его».

«Наконец-то! — Глаза Кати немного потеплели. — Спящий проснулся. Ладно, пойдем... Чудо в перьях».

Она даже под руку его взяла.

Путь их лежал на улицу через ту самую арку, сразу за которой все продолжалось непонятное шевеление в кустах.

\* \* \*

Катя любила делать это медленно.

Две черные тени бесшумно приблизились к костру. «Доброй ночи», — произнесла Катя вкрадчиво. Бродяга поднял голову и застыл, парализованный. Миша, с трудом удерживаясь от желания наброситься на добычу и порвать ее в куски, шагнул вперед. Не-ет, все должно выглядеть аккуратно и эстетично.

Он не отказал себе в удовольствии треснуть бомжа рас-

крытой ладонью в переносицу. Тело завалилось назад, Миша уселся на него сверху. В тишине раздались два щелчка – выскочило лезвие ножа и раскрылся складной стаканчик. Миша надрезал артерию. Катя подставила стакан под струю. Быстро, жадно выпила. Еще. И еще. Миша тихо застонал, но тут посуду наконец-то передали ему.

Уже полную.

На этот раз Миша от крови мгновенно опьянел. Когда-то, поначалу, его вообще тошнило, позже он с трудом перебарывал отвращение, глотая необходимую, но малоприятную живую влагу. Потом мешала омерзительная вонь немытого тела жертвы... Теперь все забивала кровь. Еще на подходе к цели Миша чувствовал ее запах сквозь кожу и одежду человека. Кровь манила и сводила с ума. А сейчас – горячей волной растеклась по желудку и вскружила голову.

Миша сделал еще несколько глотков и удовлетворенно отвалился от бездыханного тела. Вальяжно, будто насытившийся зверь, прилег у костра, подперев голову рукой и разглядывая в затухающем пламени какие-то потаенные вещи, недоступные человеческому зрению.

Катя, тихо мурлыча, смаковала очередную порцию. Отпивала по чуть-чуть, облизывала губы, снова отпивала. Приоткрыв рот, проводила кончиком языка по зубам, выгибалась, запрокидывала голову, оглаживала себя по груди и животу, будто сопровождая движение чужой крови по телу... Раньше Мише в этой манере чудилось нечто извращенно-сексуаль-

ное, неприятно отдававшееся в сердце. Но сейчас ему было просто хорошо, и он не обращал внимания на причуды жены.

Мише наконец-то стало по-настоящему комфортно в его новой ипостаси. Он упивался совершенной внутренней гармонией и хотел растянуть момент радости как можно дольше. Просто лежать и смотреть на огонь... Просто видеть и слышать, чувствовать мир вокруг до малейшей его тонкости. Просто быть...

«Здравствуй, Грэй! – подумала Катя. В мыслях ее звенели и переливались веселые, праздничные нотки. – Здравствуй, мой красавец! А где же твой хозяин? Игорь, ау!»

Миша очнулся от блаженного забытья и неприязненно скривился.

По другую сторону костра стоял, насторожив уши и опустив хвост, здоровенный серый овчар. А позади него, в крошечной тьме, угадывалась грузная человеческая фигура. Кого угодно из племени людского Миша сейчас разглядел бы во всех подробностях. А вот этого – не видел.

Там стоял и наблюдал еще один человек, одетый в черное. Глядел он на Катю, и только на нее.

– А-а... – с деланой ленцой произнес Миша вслух. – Вот и полиция нравов пожаловала. Ночной Позор. Больная совесть русского вампиризма. Здорово, Долинский. Выходи, чего прячешься.

– Я и не думал прятаться, – донеслось из темноты.

Пес на этот голос коротко оглянулся и снова обратился тя-

желый немигающий взгляд к Мише. Морда у собаки была вся в шрамах.

– Я не хотел мешать. – Из тени к костру вышел крупный, но грузноватый для своего роста мужчина в легком черном плаще.

– Игорь, ты мне никогда не помешаешь, – проворковала Катя, выуживая из кармана пудреницу.

– Долинский, ты не умеешь не мешать, – говорил в это время Миша, отчего голоса мужа и жены слились в один невнятный гул.

Ночной гость присел на корточки рядом со своим псом, приобняв его за напряженные плечи. У Долинского было простое, чуть одутловатое лицо с неуловимым выражением, одновременно добродушным и жестким. Миша подумал, хватило бы ему умения нарисовать Долинского, какой тот есть на самом деле, и пришел к выводу, что работать пришлось бы ночью в полнолуние. Этой ночью или следующей, например. Задача показалась ему довольно интересной, но он знал – Долинский не согласится.

– Как дела? – спросил Долинский, наполнив этот невинный по сути вопрос содержанием, хорошо понятным им троем.

– Замечательно, – ответила Катя. Сидя на бревне спиной к мужчинам, она придирчиво изучала себя в зеркальце.

– Угу, – поддакнул Миша. – Если б не вы, господин Кай-фоломов...

– А дальше? – Глядя в огонь, Долинский мягко оглаживал пса по холке. Грэй переступил с ноги на ногу. Садиться в этой компании он не хотел. Похоже, ему очень не нравились Миша и Катя, но опытный пес верно оценивал расклад сил. В свете костра заметно было: не одна морда, а вся серая шкура собаки расписана шрамами.

– Что – дальше? – Миша достал сигареты и обнюхал пачку. Теперь, утолив голод, можно было со вкусом закурить. С таким вкусом, которого ни один нормальный курильщик не вообразит.

– Через месяц... – Впервые Долинский поднял глаза на Мишу, и тот поразился, до чего же у этого симпатяги-увальня, типичного фольклорного русака, холодный взгляд. – Через год... Что будет, если вас поймают? А в особенности – если не поймают? Вы об этом не думаете совсем, а, ребята?..

Миша от изумления чуть не проглотил сигарету. А Долинский буравил его внимательным прозрачным глазом.

– Игорь, ты чё, а-ху-ел? – произнес Миша отдельно и очень медленно.

«Михаил!» – мысленно прикрикнула Катя.

– Ставишь московское произношение? – Долинский ухмыльнулся. – Получается. Но это без толку. В Москве тебя мигом вычислят и убьют. Там упырей-любителей и своих-то давят как клопов, а уж залетных... Тебе придется оказаться нужным, чтобы выжить в столице. Но что особенного ты можешь предложить?

Их разделяло метра три, и дай Мише волю, он бы на Долинского прыгнул. Легко, прямо из положения лежа. Одной рукой свернул бы шею собаке, а другой – этому провокатору. И в болото обоих.

Только вот никто Мише воли такой не давал.

– Да он и здесь ничего не может, – сообщила Катя. – Чтобы стать настоящим художником, ему не хватает образования. А уж настоящим мужчиной...

– Давай не будем обсуждать наши проблемы сейчас, а? – попросил Миша с угрозой в голосе.

– Наши?! Проблемы?!

– Не ссорьтесь, – попросил Долинский тихонько.

– С кем, с этим недоучкой? – возмутилась Катя. – Больно надо. Игорь, пошли гулять! Погляди, какая ночь!

– Тебе со мной будет скучно, – так же тихо промолвил Долинский, опуская глаза.

– Зато тебе со мной не будет, – пообещала Катя. – Гарантирую.

– Как-нибудь в другой раз, ладно? Извини, мне сейчас нужно с Михаилом поговорить.

– А-а... – Катя встала и уперла руки в бока. – Вот как... – в голосе ее звякнули лбышки. – А я думала, ты мужик, Долинский. Ну что ж, если тебе с этим... ничтожеством интереснее, чем со мной, – ради бога. Михаил, не забудь тут прибрать. Найдешь меня потом. Если сможешь!

С этими словами она канула в темноту. Единственным из

мужчин, кто проводил ее заинтересованным взглядом, оказался Грэй.

Миша наконец-то закурил. Увы, сигарета уже не показала ему такой вкусной, как могла бы.

– Зачем ты это, Игорь? – спросил он.

Долинский, кряхтя, поднялся с корточек, шагнул к бревну, критически его оглядел и уселся. Грэй с видимым облегчением отошел в сторонку и там прилег. Без Кати у костра – уже совсем погасшего – стало как-то уютнее.

– Ты не подумай, будто я хочу вас поссорить, – сказал Долинский, приглаживая рукой свои растрепанные светлые волосы. – Просто с тобой еще можно договориться, а с ней уже нет.

– Договориться? – Миша хмыкнул. – Почему бы тебе не прийти дней через пять? Отлично договоримся о чем угодно.

– Я уже пробовал. Но в прошлый раз ты ничего не помнил, Миша. А что будет в следующий, не представляю. Это очень индивидуальная штука, друг мой.

– В прошлый раз?!

– Да. Я приходил месяц назад, дня за два до того, как у тебя должен был начаться очередной кризис. Но ты оказался совершенно нормален и просто не понял моих намеков. А в этом цикле не получилось – были дела. Извини.

– Бред какой-то.

– Не без этого, – согласился Долинский. – Но ты поверь моему опыту, сегодня ночью время для разговора – лучше

не придумаешь. Я вижу, до тебя наконец-то дошло, в какую ситуацию ты влип. Дошло в полном объеме. И теперь важно, чтобы ты решил, как жить дальше. Решил именно на нынешнем этапе. Потому что, боюсь, через месяц-другой разговаривать с тобой будет не о чем. Сегодня ты в состоянии все изменить. А за потом я не поручусь.

– Погоди. Но Катя? Она как же? – спросил Миша слабым голосом. Он вдруг сообразил: его склоняют к чему-то, очень похожему на предательство. «С тобой еще можно договориться, с ней уже нет». Постановка вопроса Мишу просто напугала. Он ждал нормального «мужского разговора», а вместо этого Долинский принялся чуть ли не вербовать старого приятеля. Дружья так не поступают.

– Нет. Я не буду ни о чем договариваться без нее! – почти выкрикнул Миша. – Мы ведь...

– Тебя отпустило уже? – перебил Долинский. – От первой крови?

– Что? А... Вроде да.

– Добавки хочется?

– Н-нет. Кажется... Точно нет.

– Ну давай еще пару минут тихо посидим, – предложил Долинский, доставая сигареты. – Покурим. Ночь послушаем. Ночка-то какая интересная, вкусная... Многогранная. Редкая ночь. Видишь эти структурки полупрозрачные в воздухе? Голубенькие? Ничего, еще увидишь. Если захочешь. Отдыхай пока. А когда совсем в норму придешь, тогда и побе-

седуем всерьез.

– Как скажешь, – кивнул Миша. – И чего я тебе верю так...

– Может, потому, что я – живой пример? – спросил Долинский вкрадчиво.

– Знаешь, ты... живой пример! – окрылся Миша. – У меня сейчас жена... Угадай, что делает?!

– Тебе правду сказать?

Миша прислушался и принялся. Катя ушла далеко. Куда-то к автомобильной трассе. От нехорошего предчувствия у него засосало под ложечкой.

– Не надо правду, – отрезал он. – Я знаю, что через два-три дня это закончится. И Катерина снова будет такой, какой... Какой я ее встретил пять лет назад. Молодой, красивой, ласковой.

– Доброй, – подсказал Долинский. – К тебе доброй.

– Доброй... Я люблю ее, понимаешь? Дурак ты, Игорь. Если ты что-то предлагаешь мне одному... А она? Ведь так нельзя!

– Я делаю как можно, – Долинский закурил. – Как я знаю как можно. Сразу говорю, радикального выхода нет. Но облегчить свою участь, переменить роль ты пока еще в состоянии. А насчет Кати... Извини, дружище, боюсь, поздно. Насколько у нее раздвоено сознание? Ты сейчас помнишь себя нормального, обычного, верно? А что помнит она? И какая она в середине цикла, когда луны не видно?

– Я же сказал – добрая...

– Это я сказал, – сварливо заметил Долинский.

У Миши от напряжения заныли виски. Он не был готов к разговору о своем будущем. Ударившая в голову кровь настраивала его совсем на другое. Видеть ночь, гулять всю ночь до утра...

– Их двое, – хмуро сообщил он. – В смысле, ее две. Совершенно разных. И какая настоящая, я уже не понимаю. Знаешь, мне, наверное, себе признаться страшно... Но кажется, будто она от полнолуния до полнолуния живет будто во сне.

– Хреново, – то ли посочувствовал, то ли поставил диагноз Долинский.

– Ладно, давай рассказывай. Зачем пришел?

– Жить хочешь? – спросил Долинский просто. – Долго и, может быть, относительно счастливо?

– По твоему образу и подобию? Не хочу. Игорь, я понятия не имею, что ты над собой учудил, как превратился в... это. Но, извини за прямоту, ты, по-моему, сильно обокрал себя. А знаешь, почему? Из трусости. Из элементарной трусости. Структурки он голубенькие видит... А чем свобода пахнет, так и не узнал.

– Возможно. Возможно.

– У тебя ведь папа начальник, мама начальник – а ты же мог стать неплохим художником! Но не стал. Намеренно. Внял голосу разума. Решил, что талант рисовальщика – штука ненадежная, а вот умение контролировать других – очень востребованная профессия. Ну и вырос начальником.

Думаешь, я забыл, как ты еще в школе лидерские качества вырабатывал? Ха-ха. О, да, начал ты, как порядочный человек, с себя. Собственное творческое начало затоптал. Но других-то зачем топчешь? Вот что ты делаешь со мной, например? То пробуешь давить и подходы ко мне ищешь, то ласково говоришь! А на самом деле купить пытаешься, чтобы потом запродать подороже! Менеджер хренов. Отцепись от меня, Игорь. Я художник. И останусь им, чего бы мне это ни стоило. Разница ясна?

Долинский молчал, опустив глаза.

Мише стало немного стыдно – он высказал приятелю в лицо то, что давно, много лет, рвалось наружу. Храбрости только этой ночью хватило, на кровавом драйве.

– Хорошо. Кто я такой, чтобы осуждать выбор художника? – сказал Долинский. – Но учти. Будете и дальше упиваться кровью – значит, вам с Катериной осталось всего ничего.

– Нам что-то угрожает? – бросил Миша небрежно. – Ты говорил – поймают, убьют... Прости, Игорь, я в этом очень сомневаюсь. Ты хоть представляешь, как тяжело меня убить сейчас?

– Зачем сейчас? Можно и подождать.

У Миши отвисла челюсть. Он и думать забыл о том, насколько беспомощен – по сравнению с нынешним состоянием – окажется в середине цикла. А ведь он будет просто человеком, обычным человеком, плоть которого податлива, а мышцы слабы.

Бери и ешь.

– И кто же?.. – с трудом выдавил он.

– Не одни, значит, другие.

– Объясни! – потребовал Миша, садясь к Долинскому лицом.

– Ты что сделаешь с этим?.. – Долинский мотнул головой в сторону бомжа, валявшегося без сознания.

– Хм... Как обычно. Спрячу тут в кустах. Катя ему шею зарастила, пролежит до завтра в коме, придем, доедим. Потом в болото отнесу и заброшу подальше. А что?

– А правильно, – похвалил Долинский. – Ты стараешься не привлекать внимания. Ловишь тех, кого никто не хватится, и заметаешь следы. Не трогаешь соседей. Но ты не единственный вампир в городе.

– Догадываюсь.

– Вряд ли. С тобой редкий случай, Михаил. Тебя инициировала жена, когда у нее самой этот механизм едва запустился. Катя не слишком обгоняет тебя по развитию – и поэтому вы сумели образовать маленькую стаю из вас двоих. Если не перегрызетесь, сможете продержаться в паре несколько лет. Но потом вас непременно поглотит стая побольше.

– Стая? – переспросил Миша.

– Естественно. Вампиры тупеют, друг мой. А глупому и ограниченному непременно требуется стая.

– И... И что?

– Да то, что стаю гораздо проще вычислить, чем одиноко-

го упыря. Особенно если уметь охотиться на упырей. К поиску одиночек, случается, привлекают... э-э... «мастеров». Бывают, знаешь ли, осторожные экземпляры, которых нюхом приходится искать. А вот стаю всегда нейтрализуют специалисты из простых людей. Быстро и эффективно. Сугубо полицейскими методами. Отслеживают, локализуют, потом бац – и нет тебя.

– Кто-то из... обычных людей этим занимается? Здесь, у нас? Фу, Игорь. Сказки.

Долинский насмешливо щурился. Миша изо всех сил делал вид, что ни капельки не испуган. В действительности он сильно нервничал. Долинский заставил-таки его задуматься, и мысли в голову пришли неутешительные. Люди могли охотиться на вампиров. Не в том смысле, что горели желанием, – а имели шансы на успех. Выследить, поймать, убить. Трудно, но выполнимо.

– Ты, конечно, не обязан мне верить, Миша. Но я знаю, что говорю.

– Откуда знаешь-то?

– Ну, я вроде бы в городе не последний человек, правда?

– Понимаешь, как это важно для меня? Игорь, ты ведь рассказываешь о моем будущем. Если...

От недавнего Миши, с его задранном носом и обличительным пафосом, не осталось и следа. Он сам не заметил, как улетучился весь гонор.

– Ага, – кивнул Долинский. – Понимаю. Честное сло-

во, мне не нужно что-то выдумывать, чтобы тебя напугать. Так вот... Зимой будет нечто вроде спячки – ты еще сможешь шевелиться и выполнять какую-то работу, самую примитивную. Извини за откровенность, вряд ли тебе удастся по-прежнему рисовать.

Миша отчетливо скрипнул зубами.

– В зимние полнолуния наступят жуткие ломки, – продолжал Долинский. – С болями по всему телу и осыпанием шифера.

– В смысле?

– В смысле крыша начнет съезжать. Тебе ведь не очень весело было вчера-позавчера? Ну вот, а зимой будешь впадать в такое состояние на верную неделю каждый месяц. И к весне окажешься от пережитого малость сумасшедшим. Миша, дорогой, это ты сейчас мыслишь как человек. Но когда переживешь то, что тебе предназначено... Вас же с Катериной страшное ждет. В промежутках между полнолуниями вы будете вести себя как сонные мухи, но это не главное. Вам потребуется все меньше еды. Значит, начнет усыхать, а потом и отмирать кишечник – это сопровождается жуткими болями. И именно в моменты самых острых мучений вы будете ненадолго приходить в сознание. Неминуемо сдвинется психика. А дальше... Пойми, вампир на пике формы – это два-три года максимум. Короткий период упоения ночью и своим неземным совершенством. Но вот подлость какая – ночная жизнь сжигает интеллект... Прямо мечта художника –

ярко вспыхнуть и быстро сгореть. Да? Нет?

Миша озадаченно молчал.

– Со временем ты отупеешь. Найдешь стаю, вступишь в нее. После чего тебя отыщет специальная команда и уничтожит. Как перспектива?

– А если не уничтожит? – поинтересовался Миша довольно уныло.

– Сам помрешь. От старости. Которая наступит лет через пять-шесть, не больше. А ты думал?.. Кстати, отвратительное зрелище – старый упырь. Впрочем, и молодой не подарок. Сначала иссохнешь весь, потом зубы коренные выпадут за ненадобностью, кожа станет как пергамент... Фу. Ну а с возрастом станет трудно двигаться, и однажды ты не сможешь ни догнать жертву, ни подманить ее. Вот и загнешься полегоньку. Это если будешь вести себя тихо.

– А если громко...

– За громкими сразу приходят. Не люди. Люди и понять ничего не успевают – а проблему уже решили твои же... соплеменники. Чтобы ты их не засветил. Поверь, им этого совсем не надо.

– А эти, соплеменники, которые за мной придут, значит, не упыри? Что-то вы, батенька, загнули.

– Они не упыри, – сказал Долинский твердо. – Они просто другие.

– И как же стать таким... э-э... другим простому русскому вампиру? – саркастически спросил Миша.

– Для этого вампиром должны заниматься опытные специалисты. «Мастера» и «старшие». Долго и упорно. Из тебя будут растить новое существо, уже не человеческое, но все-таки родственное людям по разуму. К сожалению, процесс занимает годы и очень дорого стоит. Ну и здесь его, конечно, не организуешь. А я уже спрашивал – что ты можешь предложить, чтобы тобой заинтересовались в Москве?

Миша отвернулся.

– Я хочу, чтобы ты уяснил одну простую истину, – сказал Долинский. – Послушай, это важно, жизненно важно для тебя. Вампиризм не болезнь. Не вирус, не паразит в организме, а что-то вообще другое. Иначе вампиры не умирали бы так быстро. И заражали бы всех подряд. Нет, дружище, вампирами становятся лишь те... как бы сказать – лишь те, кто может. Тот примитивный вампиризм, о котором люди знают из книжек и которым, собственно, ты страдаешь, – всего лишь ошибка развития некой скрытой возможности, спящей в отдельных людях. Повторяю, Катя тебя не заразила. Она тебя инициировала. А ее инициация произошла случайно, как я понимаю...

Миша опять скрипнул зубами.

Сразу подумал, что, если верить в обрисованные Долинским перспективы, скоро зубы выпадут, и мучительно скривился.

– В идеале мы все должны быть другими. А в реальности человечество делится на громадное большинство и кро-

шечное меньшинство. Причем меньшинство это постоянно гробит себе подобных. Обидно, правда? Случайные инициации – знаешь, отчего? А тянет друг к другу товарищей меньшевиков! Непреодолимо тянет... И всем плевать, изменится после тесного контакта партнер или нет! Потому что отслеживать это все равно нет ни сил, ни средств. Да и как отслеживать, если потрахались и разбежались? Или куснул симпатичного человека в темном переулке, крови наглотался и отпустил. А кого именно укусил-то? Почему выбрал его, а не другого?

– Не верю, – в полном замешательстве Миша помотал головой.

– Да? Вот ты, например, час назад за девчонку заступился, рискуя себя выдать, – отчего? Кто она тебе, а?

– Отстань! Тебя не было там!

– Было, – сказал Долинский. – Только очень издали. Я бы не успел. А ты вмешался. Зачем?

– Захотел! – ответил Миша с вызовом.

\* \* \*

... Через двор они тогда прошли, беззвучно переговариваясь, болтая о какой-то ерунде. Миша тренировался в ночной речи, а Катя вроде бы рада была его, оголодавшего, немного отвлечь, чтобы не напачкал у собственных дверей. Но все-таки Миша еще и обнюхивал пространство. Хотя открываю-

щееся ему – травмировало. Увы, заслониться от вселенского уродства и безобразия у Миши не получалось, он был в режиме поиска еды и ничего не мог с собой поделаться. Мир во- нял, издавал гадкие звуки и всячески раздражал нечеловеческие органы чувств, которые Миша не смог бы описать словами. Единственную более-менее отрадную эмоцию приносило шевеление на выходе со двора – потому что там возились живые, налитые кровью люди. Больше ничего в них хорошего, кроме живости и крови, не было. То ли люди там, в кустах, делали что-то отвратительное, то ли отвратительно это делали.

Ох, зря они затеяли свою возню именно здесь. Темная арка, сквозь которую вышли на них Миша и Катя, для ночного зрения сработала как бленда на фотообъектив. Отсекла боковую засветку. Миша и так бы все разглядел, но тут он увидел это слишком ярко. Вплоть до чувств и мыслей копошащихся людишек. И Мишу заклинило.

«Вот гады, – подумал он. – Ты видишь? Ну, молитесь...»

Катя пригляделась, и ее переменяло с ног до головы. То есть, как это воспринял Миша, – будто по жене прокатилась наведенная извне волна, разительно поменявшая ее облик. В свою очередь, Катю заклинило тоже. Слишком легко было догадаться, что сейчас предпримет Миша.

«Не вздумай здесь! Не смей!»

Несколько секунд они препирались, затем сцепились. Миша рвался на волю, отталкивал жену и почти уже готов был

ей врезать. Потом разум возобладал, и Миша демонстративно расслабился.

«Катя, отпусти, – подумал он. – Я еще не настолько сошел с ума, чтобы упиваться кровью в сотне шагов от своего подъезда. Клянусь. Но я просто обязан прекратить то, что они творят. Да оставь ты в покое мои карманы, нож – вот. Забирай».

«Ну, дурак! – подумала Катя ему вслед. – Рыцарь х... ев. Сопли розовые подбери!»

Миша вломился в кусты с грацией медведя, идущего по малину. Нарочно. «Рыцарь, говоришь? Ну, вот он я, с открытым забралом».

За кустами обнаружился вкопанный в землю стол – конечно же, стол, как он мог забыть. Раньше тут «забивали козла» и пили водку, хохоча и матерясь. А теперь – насиловали, шумно пыхтя.

Парня, сидевшего у девчонки на голове, Миша просто тюкнул по затылку – тот упал на бок. Второго, отиравшего рядом в ожидании своей очереди, коротко ткнул кулаком в живот. А вот третьего, который был слишком занят, чтобы почуять опасность, он снял с девчонки очень аккуратно – одной рукой за глотку, другой за яйца.

Какие-то незнакомые, видимо из другого района, молодые козлы. Успели уже, как это у них говорится, «пройтись по разу» и теперь хотели еще.

«Тебе помочь кончить, дорогой?» – ласково подумал Ми-

ша. Сообразил, что его не слышат, нужно не думать, а говорить, но повторять фразу вслух было лень. Не отпуская горла парня, он поставил насильника перед собой и крепко взял его за осклизлый член. И сжал.

«Что ты делаешь, он же сдохнет...» – брезгливо подумала Катя. Она уже была рядом.

Миша сжал еще сильнее. Парень сначала извивался и хрипел, а потом как-то резко обмяк. «Не до крови, – подумал Миша. – Почую запах – с собой не справлюсь».

Он выбросил – именно выбросил – парня и поднял с земли следующего. Запустил руку ему в ширинку.

«Кать, а у тебя носовой платок есть?»

«Хрен тебе, а не платок. Там дальше по улице колонка, отмоешься».

«Хм... Большое спасибо. Девчонку узнаешь? Кажется, из шестого дома».

Миша изуродовал второго парня и перешел к третьему. Тот вяло сопротивлялся и за это получил для начала в лоб. Потом его стали избивать. Сладострастно и изобретательно. А потом так защемили гениталии, чтобы не смог ими пользоваться очень долго.

Или вообще больше не смог. Неважно.

Катя склонилась над девчонкой, перевернула ее на столе лицом вверх и теперь неодобрительно разглядывала.

...Они на выходе с дискотеки подстерегли того, который им задолжал. Тот был с какой-то соской. Сказал, денег нет.

Они сказали – а так? Тот подумал и сказал – ладно, но тогда прощаете все, и проценты тоже. Они сказали: нормально.

Девчонка что-то почувствовала, занервничала, порывалась уйти, не хотела пить, но тот ей сказал – в городе ночами знаешь как опасно стало? Не слышала, опять предупреждение было по радио про бешеных собак, как прошлым летом? Побудь с нами, потом я тебя провожу... Девчонка водки отпила чуть-чуть, поперхнулась, все смеялись. Уговорили выпить еще. Слегка одурела, улыбаться начала. Тот потихоньку смылся. А обещал ведь, держать ее будет, если что. Удрал, слабак... Один девчонку поцеловал, она почему-то вырвалась. И другого оттолкнула. Ей сказали – ты чего? Она: а вы чего? Ей: давай, хорошо же будет. Она: ну-ка отстаньте, я уйду. Ее за руки – она дратья. Ей говорят: ты глупая, не суетись, все по уговору, твой красавец с нами тобой расплатился, давай же! Она в крик.

Тогда все чего-то озверели как-то сразу – выпили уже много – и платье ей разорвали в клочья. А она вместо того, чтобы все понять и успокоиться, на помощь звать принялась. Ну, они трусы с нее сняли и в глотку забили. А с другого конца – водочную бутылку горлышком. Чисто в шутку. Для симметрии. Знали это слово, в школе проходили.

Очень потом расстроились, потому что бутылкой сломали целку. А целок у них ни у кого еще не было. Да и не предвиделось. Целок всех поймали кто с деньгами.

Могли бы вообще сообразить, чего она кочевряжится,

и не устраивать театр, а всего-то придушить малость. Хотя кому нужна баба в обмороке. Когда дрыгается – самый кайф.

Вот такая история...

Вламываясь в кусты, Миша уже ее знал приблизительно. А роняя на землю третьего – во всех подробностях.

Катя хлопала девчонку по щекам и что-то ей говорила. Девчонка тяжело дышала, будто выброшенная на берег рыба, и смотрела в черное небо пустыми глазами.

Миша оглядел пострадавшую – голую, с разбитым лицом, всю в синяках, царапинах, крови и сперме, и ему ужасно захотелось помыть руки. Для начала он их вытер о рубашку одного из парней. Секунду поразмыслил, оглядел насильников, выбрал поменьше ростом и принялся вытряхивать его из одежды. Тот был как ватный и на раздевание не реагировал. Хотя вроде бы дышал.

«Интересно, когда они очнутся?» – подумал Миша.

«А я тебе говорила! – отозвалась Катя. – Когда-нибудь очнутся. Может быть. Давай шмотки и тоже сюда иди, помоги мне одеть эту... Эту».

Кое-как им удалось задрапировать девчонку – зрелище оказалось тяжкое, но все лучше, чем ничего, – и поставить на ноги.

«Зомби», – оценил Миша.

«Тебя бы так оттрахали. Спасибо, мне хоть настолько удалось ее в чувство привести».

– Ты сейчас пойдешь домой и ляжешь спать, – сказала Ка-

тя девчонке. – И сразу крепко заснешь. А когда проснешься, ничего не будешь помнить. Ладно, топай.

Что интересно, девчонка повернулась и, спотыкаясь, пошла. Действительно к шестому дому, как Миша и предполагал.

«Вроде бы немного по-другому надо это все говорить, – подумала Катя. – Но мне, собственно, по хер. Главное, посылая ей дала нужный, а на остальное уже насрать».

«Спасибо, что помогла».

«Вот девка утром обалдеет!» – И Катя засмеялась в голос.

Мише от ее веселья стало просто страшно, и он быстрым шагом направился к колонке мыть руки.

Катя позади громко хохотала...

\* \* \*

Долинский молча смотрел на луну – белую, круглую, яркую.

– Ни одному твоему слову не верю, – заявил Миша с твердокаменной убежденностью. – Ни одному. Вот. И что ты предлагаешь?

– Достань наручники. Это сейчас не проблема. И в следующий раз, едва почувствуешь, что началось, пристегни себя к чему-нибудь. К батарее, допустим. Ключ отдай надежному человеку. Хотя бы мне.

– И чего? – спросил Миша недоверчиво. Как-то все у До-

линского получалось очень примитивно.

– Когда начнешь отгрызать зубами руку – может, увидишь себя со стороны и очнешься. Выскочишь в реальность. И за недельку переломаешься. Это страшно, не буду скрывать. Других слов нет – просто страшно. Но зато дальше легче раз от разу. Через годик станешь таким, как я.

– А если не очнусь и не переломаюсь, тогда что? – спросил Миша с истерическим оттенком в голосе.

– Ну... Бывают однорукие бандиты, а ты у нас будешь однорукий вампир, – ответил Долинский безмятежно.

– Да пош-шел ты!

– Пойду. – Долинский сделал вид, будто встает с бревна.

Миша дернулся было, чтобы остановить его, но словно ударился головой о невидимую стену и негромко охнул.

Грэй вскочил и угрожающе зарычал.

Долинский уселся опять.

– Нормально? – спросил он.

– Однако... – пробормотал Миша, потирая рукой лоб. – Будто по башке палкой. Слушай, я ничего плохого не хотел, это случайно. Не уходи. Вот, значит, как... То-то, думаю, отчего я тебя не вижу и не слышу. Ты, выходит, только наполовину человек теперь.

– Но мне не нужна кровь, – заметил Долинский.

– А что тебе нужно? – моментально среагировал Миша – видимо, уже бессознательно примеряя на себя шкуру Долинского.

– Ну... По-моему, обычные люди меня теперь не особенно жалуют. Странный я, наверное, стал.

– Да нет, я спрашиваю – что тебе нужно?

– Ничего... – сказал Долинский. Не очень уверенно сказал.

– Совсем ничего?

– Пить стал меньше. То есть больше, но почти не пьянею. Зато полюбил гулять по ночам. Любоваться природой. Такой мир вокруг невероятно красивый – я же его, дурак, совершенно не понимал! Кино, живопись, книги – помнишь, как мне нравилось раньше искусство? Разочаровался полностью. Все фуфло, даже признанные шедевры. Поверхностно очень, видение не то у авторов. Вот, может, если ты нарисуешь...

– Значит, наручники... – пробормотал Миша задумчиво. Он посмотрел на свою правую руку. – Оторву я батарею-то. Прямо с ней на улицу и побегу.

– Сейчас еще не оторвешь. Через полгодика – да.

– А я говорю – оторву.

– Миш, хватит торговаться. Хочешь, ко мне приходи. Есть хорошая веревка. Надежная, проверенная. Скручу – и в подвал.

– На тебе проверенная?

– Да. – Долинский невесело кивнул.

– А тебя кто вязал?

– Жена. То ли три, то ли четыре полнолуния со мной, бедная, промучилась. Я кричал ведь. А когда не кричал – уго-

варивал.

– Не знал, что ты женат. Кольцо-то не носишь.

– Может, еще серьгу в ухо? Потом на мои сосиски, – Долинский неуклюже потряс в воздухе растопыренными пальцами, – не всякое налезет. Да и незачем теперь.

– Что-то случилось? – спросил Миша участливо.

– Купил ей квартиру в Москве, вот что случилось. Думаешь, я просто так, от природной жадности расценки на полиграфию задрал? Или бумага сильно подорожала? Ха! Я, Миш, все рассчитал тогда. Кроме одного – что у жены тоже нервы есть. Она меня вытянула, спасла. А я теперь думаю иногда – зачем? Чтобы я ее потерял? Может, лучше уж в подвале собственного дома подохнуть.

– М-да... Ладно, хоть ты ее не заразил. То есть не инициировал.

– Еще как инициировал.

Миша захлопал глазами.

– Подобное тянется к подобному, – сказал Долинский горько. – Жили не тужили, и вот. Совершили открытие.

– И... И что же?! Она не смогла переломаться, как ты?

– Она и не пробовала, Миш. Ее просто некому было держать. Сначала возилась со мной, потом стало уже поздно. Если человеку комфортно в вампирской шкуре, ему переломаться вряд ли удастся. Я-то не ходил по ночам на улицу, мне вкус крови вообще неизвестен. Хотя уже был на грани, но повезло, луна убывала. Как только понял, что в полнолу-

ние безумцем становлюсь, испугался, и тут же в подвал. Каждый месяц – туда, обратно, туда, обратно. Когда отпускала, подолгу валялся трупом, ничего не мог делать. А жена ведь осталась, по сути, одна совсем. Поддалась этому проклятому зову и успела пару раз прогуляться ночью. Ей понравилось. Вот как твоей Катерине. Посмотрю на Катю – и плакать хочется, до того знакомо. Может, мы неправильно с ними общаемся, а? Прости. Ну и все, что я смог для нее сделать в благодарность, – отправить в Москву к нужным... специалистам.

– Значит, ты смог что-то им предложить, да? Что?! Скажи, что?!

– Значит, смог, – вздохнул Долинский. – Но тебя это не касается.

– Да почему?!

– Потому что на ближайшие годы квота закрыта. У них хлопот полно с теми кандидатами, что уже есть.

– Ох, проклятье! – Миша упал спиной в траву и закрыл глаза. – Зачем, ну зачем же они тогда допускают вот это... Вот как с Катей.

– Вот именно потому, что их мало, и они не в состоянии все контролировать. Недаром столько работы делается руками людей или таких, как я.

– И много их? Таких, как ты?

– Пока что немного. Хочешь, станет больше? – не спросил, а вроде бы попросил Долинский.

– Сколько?

– Миш, какая разница?

– Я хочу знать. Я имею право знать. Неужели ты не понимаешь, Игорь, зачем мне это нужно? Да я бы с собой покончил еще месяц назад, если б не тот урод, который Катю... – Миша совсем по-человечески всхлипнул. – Вон, в болоте утопился бы.

– Это вряд ли, – покачал головой Долинский. – В твоём нынешнем состоянии не особенно утопишься. И не повесишься. И в окно не прыгнешь. Разве из моего кабинета, с десятого этажа, и обязательно об асфальт головой... Значит, ты надеешься достать его?

– Я не надеюсь, Игорь. Просто найду и убью. А потом, может, попрошусь к тебе в подвал. Не раньше.

– Ох-хо-хонюшки... – Долинский низко опустил голову. – Миш, подумай, сколько твои поиски могут продлиться и как сильно ты изменишься за это время. В подвал уже не захочется.

– Плевать, – сказал Миша убежденно.

– Миш, я предлагаю тебе реальный шанс. Остаться более или менее человеком. Приобрести кое-какие очень интересные новые качества. И с их помощью сделать то же самое – поймать гада. Когда ты переломаешься, он не сможет на тебя воздействовать ментально, ему придется драться, просто драться. А они терпеть не могут драки и очень боятся тех, кто не боится их, – да, да, поверь. Мы отловим его вместе,

я помогу.

– Отловим – и что? – спросил Миша саркастически. – Ты, Долинский, конечно, несъедобный тип, подтверждаю. Но по сравнению со мной слабый. И я буду слабый. Загоним мы убудка в тесный угол. А дальше? Осиновый кол ему в жопу? Что-то я осины совсем не опасаюсь. Или, может, вилкой серебряной в нем поковыряться?

– Экий ты... художник, – усмехнулся Долинский. – Есть методы.

– Какие? – тут же встrepенулcя Миша.

– Ну, пока ты на другой стороне, тебе о них знать не следует, извини. А если простыми народными средствами обойтись – выгнать его под открытое солнце хотя бы. Не дать спрятаться. Чем опытнее вампир, тем хуже ему на свету.

– А искать как? – Судя по всему, Миша не хотел лезть к Долинскому в подвал. Да и на потенциального самоубийцу он не был похож. А походил он на человека, старающегося добыть как можно больше информации и с ней уйти восвояси. Реализовывать собственный план и жить своей жизнью. Долинский глядел на Мишу сквозь ночь бесцветными прозрачными глазами, и взгляд у него был тоскливый.

– Нюх у меня не хуже, чем у тебя. Ночное зрение тоже, – сказал он. – Ладно, Мишка, я вижу, тебе все это не интересно. Пойду-ка домой. Грэй! Пошли баиньки.

– Я все обдумаю, – пообещал Миша.

– Хорошо бы, – безразличным тоном отозвался Долин-

ский.

– Я, может быть, приду.

– Ага... Приходи.

– Ты не ответил, сколько вас. Таких, как ты.

– Мало, – бросил через плечо Долинский, уходя в ночь.

– Я так и думал, – пробормотал Миша себе под нос. – Эй!

Игорь!

– Ну, чего еще?

– Я тут визитку себе нарисовал красивую, полноцветную.

Забацаешь тиражик по старой дружбе? За деньги, естественно.

– А там написано: «Михаил Ефимов, художник-крово-сос»? – донеслось из-за кустов.

– Шутить изволите...

– Тогда пошел на х...й со своими визитками, – заключил Долинский совсем уже издали.

И сколько Миша ни кричал ему вслед: «Ну же, Игорь! Не валяй дурака! У нас ведь нет другой типографии!» – больше не отозвался.

\* \* \*

Катя, возбужденно притопывая, стояла у дороги и высматривала подходящую машину. Хотелось большую, с широким и удобным задним сиденьем. Глаза Катя закрыла, чтобы не слепило фарами. Ей и так было отлично видно, кто едет, ку-

да и зачем. А вот Катю водители разглядеть не могли. Безразлично скользили взглядом по гибкой фигурке, пританцовывающей на обочине трассы, и пылили себе дальше.

Сначала прошло несколько дальнобойщиков. Потом сразу три битком набитых машины колонной – пьяная «золотая» молодежь, дети городских властей и ментовского начальства, покатали нажираться до полной отключки в загородный ресторан. За ними местные же бандиты, и по тому же адресу. На бандитов Катя было облизнулась, но в последний момент решила не связываться. Она ведь еще не знает, как поступит с ними после. Мало ли чего ей захочется потом.

Катя уже начала испытывать раздражение, переходящее в злобу, – дурное и опасное состояние, провоцирующее на глупые выходки, когда ей повезло. Вдалеке показался большой красивый автомобиль с двумя мужчинами в салоне. Перегонщики. Вдвоем, поэтому не боятся ехать ночью. Перегонщики опасаются засад, нервно реагируют на любую неожиданность – и эти не были исключением, но Катя очень-очень захотела, чтобы машина не проехала мимо. И та действительно сбавила ход.

Именно такая, как ей надо, – здоровая длинная американская тачка.

Машина встала, опустилось стекло.

– Сколько за отсос, красавица?

Катя наклонилась, оперлась локтями на подоконник и заглянула мужчине в глаза. Тот в ответ глупо улыбнулся. Води-

тель нервничал. Катя и на него посмотрела. Он успокоился.

— Какой, в жопу, отсос... — произнесла Катя с неповторимой хищной ленцой в голосе. — Трахаться хочу — аж зубы сводит.

Мужчина, как загипнотизированный — отчасти это и было так, — полез из машины. Катя царственно подождала, чтобы открыли заднюю дверцу, и проскользнула внутрь. Сиденье ей понравилось очень.

— А ты рули, не оглядываясь, — небрежно бросила она водителю. — Потом местами поменяетесь.

На Кате была кожаная юбка с «молнией» по боку. Лучше не придумаешь — вжик, и нету юбки. Она знала, что надевать на эту ночь.

— Ух! — только и сказал мужчина, когда застежка вжикнула и юбки не стало.

Машина тронулась.

\* \* \*

Миша волоком затащил бродягу в кусты. Он легко взвалил бы тело на плечо, но уж больно неудобная для переноски вещь — человек без сознания.

Голод был утолен, следы замечены, пища на завтра припасена, настало время заняться серьезным делом. Миша вышел обратно к жилому массиву, прикрыл глаза и потянул носом воздух.

Не один воздух, и не одним носом, конечно. Просто Миша ощущал это словно принюхивание. Человек – пока он еще человек – не может обойтись без аналогий, чтобы поскорее уяснить для себя нечто совершенно новое. Он все сравнивает с известным ему опытом. Да и ладно. Важен не метод, важен результат... Миша принюхался.

И ничего не почувствовал.

Нет, на самом-то деле он узнал об окружающем мире очень много. Только не ощутил в нем присутствия кого бы то ни было, похожего на себя. В радиусе нескольких километров оказались сплошь люди. Некоторые из них мирно спали, другие употребляли алкоголь и наркотики, кое-кто совокуплялся... «А где же Катя?» – промелькнуло вдруг. Кати не было.

Миша тихонько зарычал от досады. Когда Долинский намекнул, что Катя отнюдь не за невинными развлечениями ушла в ночь, Миша его отлично понял. Сам мог бы догадаться, увидев на жене юбку, которую подарил несколько лет назад специально для эротических забав, восхищенный и возбужденный тем, как эта штука вмиг сдергивается... И догадался, собственно говоря. Но верить в свою догадку не хотел.

Миша «принюхался» снова. Никого. Глухо. Он закурил и медленно двинулся в глубь жилой зоны. В какой-то момент ему послышалось далеко-далеко, на самой границе восприятия, слабое шуршание, и он, бросив сигарету, метнулся в ту сторону. Ничего.

Из головы не шла Катя – как в своей блядской юбке, так и без нее. Яркая, красивая, любимая женщина, ежемесячно превращающаяся волшебным образом в смертельно опасную голодную суку.

Суку, которая его, своего избранника – столько вместе прожито и пережито! – всего лишь терпит.

Ужасная несправедливость – именно в те дни, когда новое восприятие мира позволяло раствориться в любимом человеке, душу его в ладони взять и расцеловать, Катя мужа отталкивала. Месяц назад, в предыдущем своем перевоплощении, Миша впервые остро и глубоко почувствовал, как много дает человеку это измененное состояние. Ощущения и эмоции обострились до безумия, к ним прибавились другие, неведомые ранее. Прежний Миша, когда ему чего-то хотелось, не терял над собой контроль и не шел к цели напролом всего лишь потому, что не умел по-настоящему хотеть. Миша нынешний мог убить, чтобы отнять понравившуюся ему вещь – и получить дикое, зверское наслаждение от обладания этой вещью...

Миша остановился, задумчиво глядя под ноги. Снова достал сигареты, закурил. Что-то с ним происходило. «Убить? Отнять? Насладиться? Да, можно попробовать. А можно еще попытаться убить бесцельно – и посмотреть, каково это. А можно... Все, что раньше было запрещено. Все, что тебе запретили другие, или ты сам – из-за того, что хотел быть как другие. Нарушение табу наверняка доставит огромное

удовольствие. Смысл не в том, что новые возможности позволяют тебе совершать любые поступки и оставаться безнаказанным. Нет, главное – исчез моральный запрет. Я и правда – могу. Все могу.

И ничего не хочу. Мне нужно большее. Другое».

Наконец-то он понял, что происходило с Катей. Ощувив себя не только способной на все, но и достаточно сильной, чтобы реализовать это, она не устояла перед соблазном. Красивая девочка из интеллигентной, но бедной семьи, Катя выросла с ощущением, будто ей чего-то в жизни недодали. Теперь она хотела получить все и сразу, пользуясь своими новыми возможностями. И хватала то, что попадаетеся под руку. В первую очередь – свободу. Волю.

Мише стало уже не так горько. Просто немножко грустно. Но теперь он, кажется, знал, что будет дальше. Он довольно скоро в своем развитии догонит Катью. А когда они окажутся на одном уровне, Миша наверняка снова Кате понравится. И все у них сложится очень хорошо. Надо пока немножко потерпеть. Все само получится.

Ждать и не сопротивляться тому, что происходит с тобой. И ты станешь таким, какого она уже не оттолкнет. Напротив, захочет. Пока что даже этот увалень Долинский, кастрат несчастный, ей интереснее, чем ты...

Миша хихикнул. Сравнение Долинского с кастратом ему показалось очень метким. Недовампир-перечеловек. Никто. Единственный представитель нового вида, по умолчанию об-

реченного на вымирание. Бедняга, тяжело страдающий от одиночества, и изо всех сил пытающийся обратить кого-нибудь в свою веру. Чтобы была хоть малейшая надежда. «Вот что есть у меня и чего нет у Долинского – надежда». Миша представил себе оглушительную пустоту, окружающую бывшего приятеля, и от души пожалел его. «Нужно будет с ним как-то поласковее, что ли. Чутче. Ладно, при случае зайду, поговорю. Заодно разузнаю побольше об этих... охотниках на вампиров. Что за дурацкое слово – вампир? Придумать бы русское». Миша принялся снова, ничего интересного не заметил и на секунду Долинскому позавидовал – возможно, тот стоял от Миши в сотне шагов и тоже «нюхал» пространство, но засечь его Миша не сумел бы. Хотя невидимость не могла даже приблизительно компенсировать понесенную Долинским утрату. «Вот ведь не повезло мужику... Всего лишь переспал с какой-то московской бабой – и на-те. Совсем один на це-елом свете! Вообще – один! Жуть. Впрочем, он ведь сам устроил себе такую судьбу. Мог бы не сопротивляться. А почему он сопротивлялся? Да струсил! Струсил, да. Верно. Кстати, Долинский всегда был трусоват. Недаром «крыша» у него не ментовская и не бандитская, а от ФСБ. Отец был из Комитета, оставил сыночку в наследство связи. И паскудные наши кагэбэшники Долинскому ближе, чем зверообразные братки в погонах и без. Что ж, понимаю. Только на какую гнусь подпишут его однажды покровители в штатском, это ж невообразимо. Жилой дом взорвать, на-

пример! Не слабо, а, Долинский?» Тут Миша сообразил, что в нынешнем состоянии Долинский идеальный террорист – да и сам он, в общем, тоже, – и призадумался.

«Дано: есть люди, которые охотятся на вампиров – тьфу, надо обязательно придумать нормальное слово, – и Долинский с этими людьми связан. Плюс: Долинский внештатный сотрудник госбезопасности. Выводы?.. Да какие угодно. Нужно смотреть в корень – не как чего делается, а кому и зачем оно понадобилось. Тогда будет ясно, что за процессы идут в городе и можно ли в них поучаствовать или, напротив, отмазаться. Поэтому вывод пока один – с Долинским придется дружить и набираться от него знаний».

Стало немножко холодно. Потому что немножко голодно. И вообще чего-то было надо... Эдакого. Миша не предполагал, что ему этой ночью снова захочется крови, а вдобавок еще и... и... Развлечения? Он думал провести время до рассвета в поисках уроды, который погубил Катю («Погубил? Да, да...»). Но, во-первых, никого из ночных – вот это слово! – он не заметил. Во-вторых, навалилось мрачно-задумчивое настроение. Может, всю злобу и ярость он уже выплеснул там, возле дома, за кустами? Пока был до одури голоден? «Надо запомнить: голодный – злой – активный. Значит, планировать важные дела следует на период до еды». А сейчас Миша от нехватки чужой крови в организме почти не страдал. Так, не отказался бы добавить. Прямо как с выпивкой.

А тех троих насильников возле дома он просто съел бы,

порвал на мясо и сожрал, если бы не Катя и остатки разума.

Тут Миша совершил второе за ночь открытие. Он сообразил, что имел в виду Долинский, описывая поведение ночного, прожившего в этом состоянии несколько лет. «Большинство вампиров тупеет, Миша...»

Поднявшись над человеческим восприятием бытия, ты оторвешься от человеческих страхов. А значит, совсем иначе будешь оценивать возможные последствия своих решений и поступков.

«Тебе это недоступно, Игорь, – сказал Миша про себя теми же словами и тем же тоном, которым сейчас, во всеоружии знания, мог бы бросить это Долинскому в лицо. – Ты не знаешь, что такое по-настоящему видеть, слышать, ощущать, понимать, хотеть, любить. Ночные вовсе не тупеют с годами. Просто они обретают по-настоящему мощные чувства. И тебе, домашней скотинке, с твоими обточенными когтями и обрезанными крыльями, никогда их не понять».

А Миша уже понимал. Или как минимум был готов к пониманию. Он ощутил, какова сила высшего существа и что она с этим существом вытворяет.

\* \* \*

Он немного удивился, когда обнаружил, что ноги сами привели его назад, на свою улицу, к шестому дому. Миша бродил по затихшему, прямо вымершему ночному городу,

размышлял, время от времени «принюхивался» – скорее уже машинально... И вот, пришел.

Здесь жила та девчонка.

«Как это Долинский спросил... Кто она мне? Да никто! Игорь, дурак, по-прежнему делит мир на белых и черных, хороших и плохих, своих и чужих. Остался ксенофобом, как все люди. Не верит, что можно заступиться за того, кто тебе – никто. А я стал уже настолько другим, что могу выручить человека, не задумываясь, почему и зачем. У меня теперь мораль другого порядка. Я – ночной».

От осознания своего нравственного превосходства над людьми у Миши чуть слезы на глаза не навернулись.

Главное, он не искал себе оправданий. Просто был таким, каким стал. Наконец-то гармоничным и свободным.

Во дворе необычно пахло – именно пахло. Легонько несло медициной. И довольно сильно – комбинированным запахом оружия, кожаных ремней и мужского пота. Когда они уехали, «Скорая» и милиция, Миша точно определить не смог, да его это и не особенно интересовало.

Бедная девчонка крепко спала. Если даже Катин гипноз не сработал, так наверняка ее чем-нибудь укололи. Третий этаж, окно спальни распахнуто настежь. В соседней комнате храпит мать. С горя напилась, понять можно. А отца нет, его у девочки отродясь не было.

Дом кирпичный, на растворе сэкономили, он весь осыпался, между кирпичами глубокие удобные щели. Миша огля-

дел стену и мгновенно увидел путь. Поднес к глазам руки. Ну что же, крепкие, сильные, отличные пальцы – если нужно, он на одних руках по стене поднимется.

И Миша полез. Наслаждаясь каждым движением. Приятно открывать в себе дремлющие таланты. Он, конечно, с непривычки осторожничал, и, чтобы оказаться в спальне, ему понадобилось минуты три.

Убогая обстановка, портреты киногероев на стенах. Девчонка лежала, вытянувшись в струнку на узкой кровати, и лишь очень внимательный человек – или ночной – заметил бы ее дыхание. Миша присел на корточки и заглянул девчонке в лицо. Почувствовал, как от жалости заныло сердце. Он ведь ее там, в кустах, не разглядел толком. Лет пятнадцать-шестнадцать. Хорошенькая. Наверняка берегла себя для сказочного принца – и вот.

Миша насторожился, принялся, внимательно оглядел комнату, и ему стало еще хуже. Он ошибся. Никто девчонку ничем не колол. Не было здесь ни врачей, ни милиции. Это в Мише наивный романтизм разыграл, наверное. Приезжала братия на поножовщину, что случилась этажом ниже – муж с женой отношения выясняли. А девчонка... Кому она нужна. К ней вообще не поехали бы. Эка невидаль – трахнули. Дай бог разобраться с теми, кого порезали. А потом, в небольшом провинциальном городе заявить об изнасиловании – значит лишь навлечь на себя позор.

Она тихо пришла домой, и тут перестал действовать за-

данный Катей посыл. Девчонка очнулась, все вспомнила, приняла душ, переделалась в чистое, потом немного поплакала, наглоталась таблеток из аптечки и легла умирать.

Миша прислушался к дыханию самоубийцы и понял: девушка на грани. Может уйти, может и остаться. Как ляжет карта.

Что делать, Миша не знал. Но и спокойно проститься с девушкой почему-то не мог. Как все началось с совершенно иррационального позыва выручить человека, так до сих пор и не закончилось. Он чувствовал себя по отношению к этой девушке... Не ответственным, нет. Но заинтересованным.

Миша осторожно взял девушку за руку. Закрыв глаза. Выпустил из-под контроля себя-ночного. Погрузился в человека, растворился в нем. Чем-то с ним поделился, мягко, ласково, дружески.

Он просидел у кровати неподвижно около получаса. И когда вынырнул обратно в прежнее свое получеловеческое состояние, знал твердо: девушка выживет. Что он с ней сделал, Миша не понимал. Что-то сделал.

Миша поднялся на ноги и сдернул с девушки одеяло. «А ведь действительно хороша. Это не просто очарование молодости, а уже неплохо очерченная красота. Написать бы тебя маслом... Надо же, почти забыл, что я художник».

Он разглядывал ее как свое произведение. Отчасти так и было. Миша только что переписал линию судьбы этой девушки. Этого... просто человека. Всего лишь человека.

«Почему меня тянет к тебе?»

Наверное, припомни Миша, что говорил ему Долинский пару часов назад, он бы нашел однозначный и четкий ответ.

«Стань ты такой же, как я, тебе никто не смог бы причинить боль. А еще, ты никого бы и ничего не боялась. Свободная от страхов, уверенная в себе, любого человечешку видящая насквозь. Ты была бы счастлива».

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.